

Stefan

Геннадий Веркеенко

ПО СПИРАЛИ ЖИЗНИ

Мой отчий край – сама Россия

ОРЁЛ – 2018

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 31

Оформление серии – Трудников А.В.

Геннадий Веркеенко

В 31 **По спирали жизни.** Мой отчий край – сама Россия. – Орёл:
Издательство «Картуш», 2018. – 368 стр.

ISBN 978-5-9708-0673-9

В новой книге Геннадия Веркеенко «По спирали жизни» читатели познакомятся с русскими характерами, этюдами о неоправданно забытых крупницах русской природы, которые почти неизвестны молодым современникам, с событиями из жизни самого автора. Писатель приглашает заглянуть в глубины истории родного края, заставляет задуматься о том, как изобильна и прекрасна Родина, как бережно и любовно сто́ит относиться к наследию русской земли. Он профессионально погружает читателя в атмосферу жизни героев, в ней можно услышать говорливый поток журчащего родника, шелест ветра, ясно различить оттенки нашего бурного бытия. Знакомство с книгой доставит удовольствие и хороший отдых, увлечёт читателя в солнечный морозный день или в изнуряющую летнюю жару, в мир земного великолепия...

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

При оформлении обложки использована иллюстрация
художницы Татьяны Черных

ISBN 978-5-9708-0673-9

© Г.П. Веркеенко, 2018
© ООО ПФ «Картуш», 2018

СПОСОБНОСТЬ ТВОРИТЬ

В произведениях поэта и писателя Геннадия Веркеенко прослеживается история его малой родины, ностальгия по утраченному прошлому, по исчезнувшему укладу жизни, что сформировал характер будущего писателя. Учиться Геннадию Петровичу довелось в трёх удалённых от дома школах, добраться до которых, как пишет автор в рассказе «Тень из прошлого», порой было подвигом.

После окончания одиннадцати классов он работал старшим пионервожатым в Котляковской восьмилетней школе, где и началась его педагогическая деятельность. Закончив учёбу в Орловском государственном педагогическом институте, Геннадий Петрович навсегда связал с ним свою жизнь. Здесь он получил известность как учёный и стал писателем. Самобытный характер позволил ему не только наблюдать, но и образно, художественно рассказывать о жизни.

Русская природа с её красотой, восходами и закатами, с лесами, полными даров природы и всякой живности, глубоко проникает в его сердце. Темы произведений, написанных Веркеенко, разнообразны: о быте близких ему по духу односельчан, о родителях и друзьях, о рыбалке и охоте, о неповторимости окружающего мира, раздумья о смысле бытия, философские проблемы... Недаром выпущенные книги названы «Я люблю тебя, жизнь», «Мозаика жизни», «На тропинках жизни»... Эпиграфом к ним могут служить слова одного из рецензентов, члена Союза писателей России В. Катанова, сказанные об авторе. Василий

Михайлович назвал его человеком, «очарованным красотой бытия». Эта оценка ёмко отражает творчество Геннадия Веркеенко. Стихотворения «Вам и тебе», «Свою судьбу благодарю», «Любовь ведь тоже не свобода» и многие другие можно сравнить с родниками, бьющими из души поэта, ощутить при этом и себя счастливым, несколько мгновений парить, поднявшись над буднями на крыльях любви, словно птица...

Наблюдая безвозвратное угасание родного края, писатель спешит запечатлеть, сохранить образы односельчан, их речевой колорит, повседневную действительность. В рассказах он будто на невидимую нить бережно нанизывает события прошлого, настоящего и заглядывает в будущее.

Олицетворяя бытие, такое кратковременное для каждого из нас, он сожалеет, что «жизнь не вернётся к истокам...», что «разбился колокол души со звоном», но с надеждой пишет о следующих поколениях, которые будут возрождать самое светлое и приемлемое для них из быстро убегающего времени, сохраняя преемственность. И уже только для этого надо ценить жизнь, напоминает писатель. «Наполняйте смыслом каждое мгновенье, секунды и минуты жизни, каждый час! Для всех землян не будет откровеньем, что жизнь проходит, но идёт сейчас!».

Повествования Геннадия Веркеенко колоритны, наполнены тёплыми домашними звуками, чувствами, сохранившимися в его душе с ранних лет. Много говорящие строки словно бьют в самое сердце. Герои рассказов, среди которых он вырос в поразительно красивых местах Брянщины, оставили в душе добрую память, повлияли на фор-

мирование внутреннего мира. Описание безбрежных лесных далей, где деревья имеют имена и судьбу, схожую с человеческой, где журчат родники и расплескались многочисленные водоемы-болота, названные в народе колоритными именами, органично дополняет рассказы. Главным героем становится природа с её очарованием в любое время года. Стиль лирических отступлений очень откровенен, а сюжеты необыкновенно разнообразны: от повествования о незатейливых детских шалостях-развлечениях и зарисовок о лесной живности, до нежных чувств первой любви и самых сложных человеческих отношений.

Струной памяти в его творчестве звучат патриотические строки, посвящённые защитникам нашей Родины, участникам Великой Отечественной войны, живущим сегодня и тем, кто не вернулся с полей сражений. Ему свойственен и песенный жанр, к своим стихам он сочиняет музыку. Эти песни исполняются на торжественных вечерах педагогами и студентами ОГУ им. И.С. Тургенева, Орловского государственного института искусств и культуры, Орловского колледжа искусств.

После издания серии книг, в том числе таких, как «Брянские рассказы», «На волнах памяти», «Земное притяжение», талантливого писателя приняли в члены Союза писателей России. Рекомендации для вступления дали известные писатели России: поэт Ярослав Ваграменко, поэт и прозаик Валерий Борисов, писатель-фантаст Александр Владимиров и талантливый учёный, орловский писатель Алексей Кондратенко.

Геннадий Веркеенко и сегодня ведёт активную творческую деятельность: издал повесть «Свет сквозь годы» (но-

вая книга удачно дополнена лирическим разделом («С любовью каждая строка»), регулярно публикуется в военно-историческом журнале «Орловский военный вестник», печатает рассказы в журнале «Русское поле», постоянный автор газеты «Орловский вестник». В этих изданиях публиковались его стихотворения из цикла «Времена года», повесть «Непокорённая тропа», басенные мотивы «Серьезно о серьёзном» и многое другое.

Писатель проводит презентации выходящих в свет своих произведений с участием руководителей города и области, представителей творческих союзов и писательских организаций, регулярно организует встречи с читателями, со студентами, обучающимися в орловских вузах, участвует в международных и региональных научных конференциях, в заседаниях клубов творческой интеллигенции «Книголюб», «Светлица», в межрегиональных Проскуринских чтениях, проводимых в «Литературном центре Петра Проскурина» на базе объединённого государственного музея И.С.Тургенева, в вечерах, посвящённых памяти орловских писателей.

Геннадий Веркеенко постоянно откликается на приглашения библиотек Орловской области для участия в различных мероприятиях. Он частый гость в Болховском районе, где на базе районной библиотеки имени А. Апухтина и Кривцовской сельской библиотеки представлял книгу «На тропинках жизни», рассказ «Майская песня соловья». В Шаблыкинской библиотеке состоялось знакомство с книгами «Остановись мгновение», «Свет сквозь годы». Писатель принимал участие в обсуждении проблем литературы в центральной районной библиотеке им. Н.С. Лес-

кова п. Змиёвка Свердловского района, в библиотеках Орла и Малоархангельска, где регулярно проводятся презентации журнала «Русское поле». Он деятельно участвует в обсуждении книг, издаваемых орловскими писателями, в праздниках славянской письменности и культуры «На земле Бояна» в городе Трубчевске Брянской области, в литературных чтениях, посвящённых писателям-землякам, участник конкурсов малой прозы и поэзии, проводимых по содействию развитию культурного наследия Калининградским региональным отделением общероссийской организации «Союза писателей России». Часть рассказов номинировалась в конкурсах журналов «Знамя», «Новый мир», «Берега», «Подъём» и других.

Его книги, а также отдельные произведения можно найти в Интернете на страницах «Литературного коллайдера», в газете «Русская берёзка»...

В настоящее время писатель Геннадий Веркеенко полон творческих планов, в этом убеждает издание книги «По спирали жизни», в которой читатели смогут познакомиться с колоритными русскими характерами, с описаниями русской природы...

Бильд-редактор

Валентина Гусакова

ВОКРУГ ЛЮБВИ НЕПОБЕДИМОЙ...

Малая родина – поистине неисчерпаемая тема для многих современных писателей. Обращение к детству и юности, ностальгия, размышления о судьбах соотечественников давно уже стали привычным содержанием тысяч и тысяч книг. Но в этом бескрайнем ряду, на мой взгляд, особое место занимает сборник прозы Геннадия Веркеенко «По спирали жизни». Незамысловатое, казалось бы, повествование об односельчанах, об их простом укладе жизни, мироощущении, об отношениях между людьми и отношении к природе, без сомнения, вызовет живой читательский интерес.

В новых и уже публиковавшихся, но отобранных для этого издания рассказах, наполненных любовью к Родине и всему живому, всё по-житейски знакомо, в них чувствуется тепло, которое исходит от хрупкого деревца, растущего в палисаде под окном, от величавых вековых дубов, от старых сельских домиков... Любовью дышат родники и лесные речушки, обрамлённые тенистыми берегами с пышно цветущим разнотравьем. Любовь разливается от седых утренних туманов и чистой, как алмазная россыпь, росы, даже от заросшей просёлочной дороги, по которой больше не суждено автору бегать в ту школу, где встретил он свою первую любовь...

Основу книги составляет повесть «Свет сквозь годы» – о чувствах двух молодых людей, прошедших сквозь скоротечные годы, невзгоды, радости и печали. Мир мечты, забота о сохранении жизненных ценностей – были и остаются для автора святыней и той незримой цитаделью, куда нет доступа ничему недостойному. «Благодатный свет не унесло в небытие, – утверждает писатель, – не развеяло ветром перемен, он сквозь даль и годы пронзает время,

лишь на ночь оседая по низинам разливистым туманом, томится в руслах едва заметных рек, висит, укрытый пологом могучих деревьев...»

Рассказы в сборнике особенны прежде всего тем, что в них одним из персонажей является сам автор. Он увлекает читателя в мир осязаний и ощущений, делает его попутчиком, соучастником, современником. Вместе с рассказчиком примечаешь, сколько вокруг чудес, чувствуешь, как солнце светло-золотистыми зайчиками играет на оранжевых стволах соснового бора, а вокруг будоражит свежий смоляной и хвойный дух леса. Зримо видишь вспугнутую дикую утку, созывавшую непослушных утят... В книге представлены разные истории, разное время и разные герои, но их объединяет главное: доброта, сочувствие, внимание друг к другу, эмоциональные переживания и чувственность в отношении к своей родине.

Геннадий Веркеенко по праву считает, что Заречье, где прошло детство, воспитало его. Всё, среди чего он жил, звучит в его душе и вдохновляет по сей день. Вспоминаются слова Валентина Распутина: «Я уверен, что писателем человека делает его детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать всё то, что даёт ему затем, право взяться за перо. Образование, книги, жизненный опыт воспитывают и укрепляют в дальнейшем этот дар, но родиться ему следует в детстве».

Это меткое наблюдение вполне можно отнести и к автору книги «По спирали жизни». Повествования в ней колоритны и увлекательны, затрагивают и недалёкое прошлое и наше сегодняшнее время. Сюжеты полны драгоценных находок, которые дают автору возможность сохранить и донести до потомков представление о неповторимых особенностях деревенской жизни. Он тепло пишет о быте и отдыхе

селян, убранстве их домов, отношении земляков к брянским лесам (именно эти легендарные леса окружали в детстве будущего писателя), о гармонии человека с рычащим и поющим миром, с самыми малыми и неприметными живыми существами, которых нам суждено встретить на своём пути. Читая книгу, начинаешь понимать «настроение» волка, ястреба, белки или голубки, чувствовать «азбуку» запахов леса, лугов, душистых ягод и сырых болот...

Писатель не перестаёт побуждать нас пристальнее всматриваться в окружающий мир, который меняется во времени, но сохраняет особую деревенскую тишину. «Сонные хаты тихо досыпали в предрассветной неге... Солнце пока ещё дремало за горизонтом. У Лакалиного болота стелился туман, заволакивая низину от бугра до самого погоста. От обильной росы кругом никли цветы вездесущей пастушьей сумки, сныти, тонконогих колокольчиков...» Вместе с автором реально видишь, как растения набирают особую прочность, отдавая все силы на цветение и рождение семян, как «по сухостою и успевшей уже пожухнуть траве у дороги и на едва заметных тропинках в поле явно чувствуется зрелый запах звенящего лета».

Литературное творчество Геннадия Веркеенко отличается искренностью, заставляющая сопереживать героям его рассказов. Оно вводит в мир детских шалостей, возвращает к робким чувствам первой юношеской любви, позволяет насладиться пахучестью луговых трав, вдохнуть на утренней заре или на закате солнца чудесные запахи, ощутить привкус пыльного следа на лесной дороге...

Мягкость, задушевность, лирические раздумья наполняют рассказ «Непокорённая тропа»: «Тихое дыхание воды, мелкие всхлипы прибрежной волны зачаровывали неспешной говорливостью... Лучистое мерцание девичьих

глаз в сумраке ночи было необыкновенно притягательным... Сладковатый туман, плывущий по округе от кустов черёмухи и начинавшей зацветать сирени, вызывал сумасшедшие мелодии душевной нежности, казалось, этому не будет конца...».

Теплотой и мудростью наполнены рассказы «Ключик в детство», «В ночном», «Судьба векового старожила», «Горечь ягодного вкуса». Думается, что они будут интересны всем, кому не безразлична русская природа и то прошлое, из которого мы вышли. Откровения Геннадия Веркеенко дадут многим возможность по-другому посмотреть на окружающий мир, увидеть, как на поверхности воды распустились жёлтые кувшинки, а на их больших лакированно-зелёных, резных листьях греются лягушки-кабанцы, ровно дыша, смешно двигая светлыми брюшками и прикрывая пучеглазые глаза. Плывёт над рекой аромат прибрежных трав, перемешанный с горечью летней свежей листвы, слышно журчание воды, которая пенясь, звеня и что-то бормоча, лижет потемневшие брёвнышки, норовя окатить ноги ледяным веером брызг...

В каждом рассказе так или иначе присутствует общее – сказание о любви. Писатель со свойственным ему романтизмом затрагивает извечные проблемы взаимоотношений людей. Добрые чувства, несмотря на будни и неурядицы, дивно сливаются с радостью возрождения природы, окружающей нас в этом мире.

В рассказе «Отраженная красота» пронзительно ощущается движение человеческих душ, стремящихся к восстановлению утраченного, будь то храмы или родники. Приглашая современников к соделанию, автор пишет: «По всему было видно, что сюда по особым случаям теперь вновь, как много лет назад, приходят люди, чтобы покло-

ниться незримому владыке, воздавая славу, прося спасения и милосердия, уповая и веря, что Всевышний сможет освободить от горя и печалей, опутавших их».

Геннадий Веркеенко – историк и самобытный прозаик. Его рассказы – это не просто беллетристика, в них достоверное краеведческое содержание о военной и послевоенной жизни. Их автор – человек, влюблённый в малую родину, имя которой – затерявшийся в Брянских лесах и канувший в Лету посёлок Заречье.

Совершая спустя полвека путешествие в родовое гнездо («Судьба векового старожила»), он с болью в душе обнимает руками один из дубков, посаженных вместе с одноклассниками. Почувствовав солёный вкус влаги, упавшей на губы со щеки, прижимает свою седеющую голову к прохладному стволу дерева, мысленно приветствуя юную дубраву... И как послание из прошлого, в дуновении лёгкого летнего ветерка, в колеблющемся свете в вышине крон слышит ответный шёпот благодарности за подаренную жизнь...

Каких бы глубинных вопросов современной жизни, сложных и мучительных проблем нашей действительности писатель ни коснулся, тревожно вглядываясь в будущее, он верит в то, что никогда в людях не будут утрачены доброта и лиричность, чувство справедливости и неприятие зла. Для него Россия – вечная, бессмертная, неодолимая. Мудрому читателю есть над чем задуматься, прочитав эту книгу.

*А.И. Кондратенко,
член Союза писателей России,
доктор филологических наук*

ПО СПИРАЛИ ЖИЗНИ

КЛЮЧИК В ДЕТСТВО

*Открываю ключом своё детство,
Припадаю к живым родникам,
Родники – нам отцов наследство,
И они не подвластны векам.*

*Их дыхание – вечности слово,
А вода в них – славянской земли,
Ключи – жизни людской основа,
И поют они только в любви!*

Начало сентября поражало тёплым дыханием осени. Жёлто-зелёная листва на деревьях царственно переливалась золотистыми прядями. Под восхищённым земною красотой солнцем серебристо нежились притихшие речки. Вода в них с каждым днём становилась всё прозрачнее. Полевая бескрайность, лесные урочища, в одночасье посветлевшие от нежнейшей осенней раскраски, гостеприимно распахнулись для путешественников. В эти дни вокруг высвечивается столько оттенков пламенеющих тонов, изящных цветовых переливов, что усидеть дома бывает невозможно.

Те, кто любят проводить время в лесу или на берегу водоёмов, наверное, не раз встречали на своём пути маленькие ручейки, бегущие от ключика, бьющего из-под земли, порой не всегда известного даже в округе. Теперь, когда вижу такие источники, невольно вспоминаю один родник, сохранившийся в памяти по сей день. Его открыл для меня дедушка Тимофей Мартынович.

По бесчисленным болотам, окружавшим Заречье, в сенокос без мокроступов было не пройти.

Эта немудрёная обувь всегда помогала добраться до сочной травы, росшей на задернённых купках*, скосить её, а затем вынести для просушки на берег. Наш посёлок, при- тулившийся у края брянского леса, издавна славился бон- дарями, лесорубами, охотниками, мастерами по плетению лаптей, мокроступов, туесков для ягод, деланием нехитрой посуды. Мой дед был тоже мастак. Любил работу, как ни- кто другой, особенно столярное ремесло. Топором владел, как художник кистью. Такие бочки делал! Одно загляде- нье. Изба, построенная его руками, была добротной, кра- сивой. Слыл он и умельцем по плетению обуви из лыка.

Собираясь однажды в лес за корой липы, он накануне пообещал взять меня с собой. Дело было как раз перед днём Ивана Купалы. Чтобы выйти на косовицу в обновке, дед решил сплести новые мокроступы.

Сенокосная пора в летнюю жару не такая уж лёгкая, но она в Заречье издавна считалась праздником. К нему гото- вились с удовольствием. Загодя мужики отбивали косы, делали новые или обновляли старые грабли, меняли их ут- раченные зубья. Бабы для косарей копили яйца, затевали накануне страды квас из ржаной муки, настаивая его в по- гребах, или омолаживали медовой вощиной перекисший с весны, устоявшийся к тому времени берёзовик. Ребятишки, такие, как я, надеялись возить копны на волокушах, ка- таться вволю на лошадях, а потом купать их в речных за- водах, а если повезёт, то побывать в ночном...

Каждый на сенокосе мог показать себя: мужики – си- лу, выносливость, бабы – умение сгребать сено, а молодую

* Купа – болотная поверхность, покрытая растительностью.

хи, пестрея жёлтыми, голубыми да красными нарядами, как цветки среди буйной густой травы, старались удалю привлечь женихов.

Радость от предстоящего путешествия в лес с дедом для меня была несказанной. В назначенный день проснулся спозаранку. Свет, проникавший в небольшие окошки, заставленные горшочными цветами, уже хорошо освещал комнату. В избе было тихо. Слышалось только, как капля по капле падала в лоханку вода из рукомойника да ходики тикали на стене поскрипывающим маятником. В его щелчках чудился странный музыкальный ритм, приближавший новый день.

Братья и сёстры спали, а родители, проснувшись на заре, уже хлопотали где-то во дворе по хозяйству. Зевая и морщась ото сна, поднялся с постели. На ощупь отыскал брошенные с вечера у изголовья дивана штаны, натянул их на свои худючие ноги. Перекинув лямку-подтяжку наискось через плечо, застегнул пуговицу, пришитую от отцовской шинели. Рубаху искать не пришлось, она лежала тут же, добротно зашита недавно мамой. Тяжёлая дверь из сосновых досок, сбитых коваными петлями, разделяла две половины хаты. Она была почти закрыта, оставалась лишь неширокая, в ладонь, щель, через которую виднелся умывальник. Просунув руку в просвет, осторожно отворил некрашеное полотно пошире и проскользнул на кухню.

Умываться не хотелось, но, зная порядок, заведённый в доме, пересилив себя, подошёл к рукомойнику, нехотя приподнял его носик, проливая прохладную струю воды. Она жалобно брякнула о железное дно таза, стоящего под ним. Набрав неполную пригоршню немного согрев-

шейся за ночь колодезной воды, окатил лицо. От колючей прохлады сон как рукой сняло. Наскоро вытерся расшитым рушником, висевшим рядом на гвоздике. Оглядев комнату, поискал взглядом обувку, но её не было. Не утруждая себя поисками, отправился босиком из тихого полумрака хаты во двор через пристроенные к пятистеннику сени. В углу была отгорожена тонкими осиновыми брёвнышками кладовка для лошадиной сбруи да домашнего скарба. Там же отец хранил большую бутыл с керосином, оплетённую для устойчивости лозняком. Прохладный, зыбкий сумрак сенец, пропитанный сосновым духом и ещё чем-то домашним, окутывал тихий дремотный утренний мир.

За порогом ещё только начинался самый обычный, ничем не примечательный день. Солнце робко брезжило над зубчатыми макушками берёзового подлеска, что толпился невдалеке от нашего огорода. К моему удивлению, дедушка, похоже, уже приготовился к походу. На нём были надеты широкие, выдавшие виды полотняные штаны, серая рубаша с закрытым воротом, на ногах – стоптанные ботинки. Склонившись над бревном, служившим скамейкой у хаты, он точил оселком ножик, что-то шепча себе под нос: то ли напевал, то ли разговаривал сам с собой. От усердия его усы, борода подрагивали, а крупный нос покрылся испариной.

Завидев меня, распрямившись, спросил:

– Проснулся?

– Ага.

– Гляжу, ты не передумал со мной пойти? Вона как рано встал, – теребя и поглаживая свою окладистую бороду, ласково сказал дед Тимоха – так его звали по-уличному зареченцы.

– Не передумал. Проспать боялся, – стоя в дверях, держась за косяк, ответил я.

– Зря. Я бы тебя разбудил. Мы ведь условились идти вместе. Поможешь мне, если что, – заключил он.

От таких слов моя душа заликовала. Хотелось подойти поближе к нему, но желания топтать во дворе росистую, волглую траву, ещё не прогретую землю босыми ногами у меня не было. Зябкости придавали даже тени от деревьев нашего сада.

Тимофей Мартынович тем временем сходил в амбар за мешком. Не торопясь, положил в него топор, наточенный ножик, обрывок верёвки. Очистив от мусора лавку, отыскал упавший за её край свой картуз. От яркого солнца он давно выгорел до светло-пепельного тона. Надевая его на голову, дедушка долго прилаживал, как бы ища ему удобное место.

Из сарая, что служил хлевом для скотины, вышла мать с полным подойником. В нём, шипя, пенилось крошечными пузырьками парное молоко, поднимаясь почти доверху. Тихими, осторожными шагами проходя мимо, невзначай спросила:

– Что не спится? Вроде, сегодня не наша очередь стадо стеречь, а ты вскочил так рано, – и уже скрываясь в сенцах, проворчала, – когда надо – не разбудишь, а тут на тебе, сам проснулся дó свету.

Она говорила так быстро, что я не смог ей ничего ответить, да и дед промолчал, только придирчиво взглянул на меня:

– Внучок, не стой босоногим. В дорогу идти так не годится. Надень галоши, – сделав паузу, добавил, – а ты что ж, не сказал матери, что пойдёшь со мною?

Я промолчал.

– Тогда сбегай-ка в хату на свою половину да возьми там что-нибудь прикрыть себе голову. Не ровён час, подцепишь клещей или комары заедят. Их в лесу тьма тьмущая.

Не дожидаясь повторной просьбы, я опрометью влетел в комнату, где всё так же спокойно, под шуршание проснувшихся на окне мух, дрыхли тихим сном братья и сестра. Мама, с веником в руках, собрав гармошкой тряпичный тканый половик, уже подметала пол в горнице. От неожиданного моего появления выпрямилась и вопрошающе посмотрела на меня.

– Я за кепкой! С дедом идём за лыком!

– Тише ты, малые ещё спят, – шикнула она на меня.

Лихорадочно разгребая ворох тряпья на очёлке*, стал искать завалявшуюся фуражку. Укоризненно глядя на моё шебуршение, мама посмотрела по сторонам, отыскивая место, где бы она могла быть.

– Геник, да вот же она – на табуретке, в углу, – шёпотом произнесла мать.

Боясь топотни в хате, сама поспешила подать мятую кепку прямо в руки.

– А где галоши? – вопрошающе уставился я на маму.

– Они в чулане. Ты же вчера вечером разбросал их под ногами. Чтобы не спотыкаться, убрала подальше, – ответила она на мой вопрос.

Засуетившись, юлой помчался в чулан, где прямо у двери нашёл галоши. Сунув в них ноги, выскочил во двор, опа-

* Очёлоч – выступ на лежанке печи.

саясь, что дед уйдёт один. Но там было всё по-прежнему. Тимофей Мартынович возился во дворе, часто наклоняясь и собирая что-то в домотканый мешок. За забором слышался звук одинокой повозки, громыхавшей по разбитой колее дороги. Воробьи серой стайкой то вылетали из застрехи, то вновь пропадали в её язвинах, роняя белёсые пёрышки.

От сарая пахло отрубями, пылью, сухими лечебными травами, что были натыканы под навесом. Ярко-пёстрый петух с красными перьями вышагивал у забора в окружении разноцветных кур. Всполошившись от моего шумного появления, он, в который раз за утро, захлопал крыльями, горделиво выпятил грудь и, вытянув шею, закукарекал во всё горло... Его песню тут же по очереди подхватили деревенские петухи. Наша собака, разбуженная криками голосистого Петьки, истомно потягиваясь, вылезла из конуры и лениво тявкнула: «Гаф! – хаф-хаф...»

Переступив с ноги на ногу, приняхиваясь, поведя в мою сторону ухом, ещё раз, как бы для порядка, добавила: «Гаф-гаф...» У соседского сада слышалось мягкое жиканье косы, наверное, хозяин окашивал дорожку между нашими домами. На дальнем краю посёлка порёвывали коровы, ожидая утренней дойки. За воротами туманилась лиловая даль. Посёлок просыпался...

На пороге распахнутых настежь сеней в мягкой кацавейке поверх лёгкого платья появилась мама. Белая косынка, повязанная концами назад, прикрывала её волосы до лба. Шуганув в сторону кур веником, прикрикнула:

– Кыш! Раскричались, окаянные!

Обращаясь к свёкору, спросила:

– Это правда, что Геник говорит? Никак сегодня за лыком собрались спозаранку?

Тимофей Мартынович, распрямившись, окинув взглядом сноху, ответил:

– Сегодня тепло. Пока работы особой нет, сходим с ним в лес. Внучок поможет принести побольше лыка, а то скоро поздно будет, кора липы перезреет. Да и сенокос на носу. Не успеем надрать, значит, не из чего будет сплести мокроступы. В чём на болота пойдём? Ждать нечего, надо идти...

Узнав дедушкины задумки, склонив голову к плечу, пытаясь заглянуть мне в глаза, мама спросила:

– Вы что ж, без завтрака пойдёте?

В ответ мы оба промолчали.

– Подождите немножко, я сейчас, – скользнув в сени, она вновь скрылась в темнеющем проёме приоткрытой двери.

Пока её не было, в дом хитровато прошмыгнула мокрая от росы Машка – наша кошка-охотница. Её ловкости удивлялись все домочадцы, в том числе дедушка с бабушкой, жившие во второй половине дома с отдельным входом. Машка за одну летнюю ночь могла принести к порогу хаты куропатку или несколько перепёлок, выловленных во ржах, что окружали посёлок. Но сейчас она была без добычи и, воспользовавшись отворённой дверью, наверняка пошла искать плошку с молоком утреннего удоя, которую ей всегда наливала хозяйка.

Я терпеливо дожидался окончания сборов. Слоняясь по двору в великоватых для моего возраста галошах, присматривался к живности, что просыпалась в эти утренние часы в смутных, ещё не растворившихся в дневном свете красках.

Мысленно отсчитывал томительные минуты, слушал тишину, разрывавшуюся негромкими звуками хлопающих воротин, кудахтаньем кур да раскатистым карканьем вороны, перелетавшей с одной жердины забора на другую...

Скрипнув дверью, из хаты суетливо вышла мама. Спускаясь по добротным ступенькам, сколоченным отцом из половинок расколотого ствола дуба, она несла в руке матерчатый узелок и алюминиевую кружку.

– Голодными в лес ходить негоже. Вот собрала вам, что нашла в доме. Сядете отдыхать, будет чем перекусить, – передавая еду бабушке, проговорила она.

– Спасибо, Шура. Я-то сыт, – он кивнул в сторону хаты головой, – меня бабка покормила, а вот Геник только что встал, потому идёт в лес не евши. К обеду проголодается, а твой завтрак ему будет кстати, – пробасил в бороду Тимофеем Мартынович, хмыкнул, с неподдельной лаской принимая провиант.

Повернувшись ко мне, мама заботливо предложила: «Сынок, выпей хоть парного молока, пока оно не остыло».

Обхватив двумя руками погнутые бока кружки, я окунул губы в пушистую пену и не без удовольствия осушил всё до дна.

– Вот и дóбре! – похвалил меня бабушка.

Положив снесь, он ещё раз дотошно-придирчиво осмотрел содержимое мешка. Оставив небольшой хохолок, прикрепил к нему два конца верёвки, которые были заблаговременно привязаны за его углы, и, перекинув через плечо самодельный рюкзачок, потянул меня за руку, приглашая тем самым отправиться в путь. Быстро передав в руки мамы кружку, я поспешил за бабушкой.

Не оборачиваясь на мать, стоявшую у амбара, отворив лёгкую калитку, мы вышли со двора. Наезженная дорога стелилась желтоватой лентой. Заречье в моём представлении тогда было большим посёлком, утопающим в зелёных садах, с добротными бревенчатыми домами. Некоторые из них красовались резными наличниками, а кое-где подворья выделялись узорчатыми воротами.

Недалеко от дороги под густой вербой стояла Люба Просина, наша соседка, одетая в цветастое длинное платье, доходившее почти до щиколоток, прикрытых высокими резиновыми галошами. Опираясь на палку, она присматривала за коровой, спокойно обедавшей зеленушку вдоль палисадника. На шоколадной холке кормилицы лоснились мелкие бусинки утренней влаги. Захватывая длинным языком сочную мелкую зелень, бурёнка шумно выдыхала воздух, паром обдавая росистую траву.

Люба в ожидании пастухов задумчиво наблюдала за кормилицей, казалось, что её мысли были где-то далеко-далеко... Раньше, в пору её юности, не нашёлся человек, который позвал бы девушку замуж, хотя внешне она была довольно-таки привлекательной: высокая, по-деревенски крепкая, с миловидным смугло-розовым лицом, бойкими приветливыми глазами под широкими чёрными бровями. Теперь, живя с матерью, она коротала свои дни в хлопотах по хозяйству. Завидев нас, женщина оживилась. Привычным взмахом упругой загорелой руки поправила на голове хусту*, с которой не расставалась даже в жаркую погоду, одёрнула передник, выпрямилась.

* Хуста – тонкий шерстяной платок.

Соседка, хотя и имела незлобивый характер, но, наверное, из-за отсутствия собственных детей никогда не упускала момент, чтобы не подтрунить над подростками. Мне тоже доставалось от неё. Увидев тётю Любу, я насторожился.

– Здоровы будете, Тимофей Мартынович! – обратилась она к дедушке. Голос у неё был тихий, весёлость да сила, видно, давно исчезли в нём.

– Здравствуй, здравствуй, соседка! – приостанавливаясь напротив, ответил он. Я вслед за дедушкой тоже поздоровался, еле слышно проронив «здрасьте...».

Ответив на приветствие лёгкой, едва заметной улыбкой, она обратилась ко мне:

– Геник, а ты куда ж собрался с такой рани?

– В лес идём с дедушкой за лыком для мокроступов.

– За лыком... Вот те на... и ехидно продолжила:

– Как же ты так рано встал? Небось, мамка разбудила? Вряд ли сам бы проснулся, – зазвенел её неприятный голос в чистом утреннем воздухе.

Не зная, что сказать, я застенчиво потупил глаза. За меня вступился дед:

– Люба, он правду говорит. С вечера готовился внучок, чтобы не проспать. Шура ещё корову не успела подоить, а он уже на ногах был. Прямо как ранний жаворонок.

– Ну, раз так, тогда твой Геник молодец, – полуоткрыв свои насмешливые губы, смягчилась Люба, – хорошим помощником вырастет.

Обращаясь к Тимофею Мартыновичу, заискивающе спросила:

– Может, для меня твой внучок поможет лыка надрать? А ты как-нибудь мои прошлогодние мокроступы

подлатаешь... – вздохнув, добавила, – одна я, помощи ждать неоткуда. На болоте без них травы не накопишь...

– Да не горюй так, – пожалел её дед, – вдвоём лыка больше принёсем. Сплету тебе обновку, ещё лучше, чем в прошлом году, чего твоё старьё латать.

– Вот спасибо, вот спасибо, – зачастила Люба.

– Ну, мы пойдём, а то дорога дальняя, нечего время терять, – кланяясь, проговорил Тимофей.

Не успели отойти подальше от Любиной хаты, как раздался голос:

– Слышу, слышу! За лыком собрались, – пробасил Пётр Метлицкий, выходявший из калитки со своим племянником Шуриком, почти моим одногодком.

– Да, да. Вот сегодня идём пораньше с Геником в лес, пока работы другой с утра по хозяйству нет, – откликнулся дедушка.

Накинув на воротца кожаную шлёвку, Пётр подошёл поближе. Поручкавшись с Тимофеем Мартыновичем, посоветовал:

– На Широкий лог не ходите. Там ничего не осталось, сказывал на днях мне Трифон. Лучше идите к нашей речушке, где Кардон. Найдёте целые заросли липняка, их ещё никто не трогал.

– Я тоже думал об этом, – отозвался дед, – но всё же по-топаем на Трестенец. Места там лесистые, глухие, наверняка липняк подрос в этом году. Вот только Геник дошёл бы!

– Дойду, – бодро подтвердил я.

– Молодчина! – похвалил меня дядя Петя. – Дедушке с тобой будет сподручней. Идите с Богом!

Перекинув пугу через плечо, хрустнув пальцами рук, добавил:

– Поспешать надо. Сегодня наша очередь подошла стадо пасти. С края деревни от деда Марки пойдём скотину собирать, а то уж солнышко скоро поднимется.

Одёрнув рубаху, крикнул:

– Шурик, догоняй!

Племянник Петра, жикнув по воздуху коротким кнутом, оставляя на влажной пыли следы босых ног, зашагал по дороге подле дяди с достоинством бывалого пастуха. Каждый из нас отправился своим путём в разные стороны...

Летнее, безветренное утро предвещало жаркий день. Косые лучи едва появившегося над горизонтом солнца, ласково пронзая густые ветви берёз, клёнов, росших у домов зареченцев, отбрасывали плотные тени на утопанную дорожку вдоль улицы. Ещё миг – и всё вокруг преобразится несказанным образом: пройдёт стадо на пастбище, вздымая придорожную пыль, высохнет роса на траве, потянутся бабы с вёдрами и коромыслами наперевес к колодцу, заскрипит журавль у сруба, поднимая раз за разом дубовую бадью, наполненную ключевой водой, запахнет сохнущим на солнце сеном, защёлкает клювом перед аистихой белоснежный аист, устроившись рядом с ней в огромном гнезде, а неугомонные сороки будут разносить новости по всему посёлку, будоража местных дворян...

На подходе к лесу в тот ранний утренний час нас было только двое: один – высокий, плотного телосложения старик, и мальчик – лет десяти. Эта дорога для меня была не нова, но только в это утро, шагая рядом с дедушкой, особому виделась красота приближавшегося к нам лесного царства. Из притихшей чащи навстречу доносился шелковистый шелест берёз.

Сощутив глаза, с удивлением озираясь вокруг, я, как в первый раз, смотрел на убегающую в глубину леса еле приметную тропку. Она петляла среди огромных, порой вековых деревьев с разлапистыми ветками и корявыми сучьями, покрытыми замшелым лишайником. Кругом блестела, как весенняя капель в застрехе нашего дома, невысохшая ночная роса. Прохладный сквознячок, гуляя повсюду, сбивал её с зелёного покрывала. От его дыхания тихо махали лапами ели, дружно шелестели на опушках молодой листвой осинки, а дубы-старожилы величаво кивали длиннющими ветками... Солнце поднималось всё выше и выше, освещая янтарным светом землю, даря тепло.

От его лучей, проникавших сквозь макушки деревьев, росинки переливались радужными цветами – шафранным, рубиновым, лиловым. Особенно загадочными они были на мохнатых, пушистых листках травы. Стоило лишь неосторожно тронуть их, тут же маленькие шарики чистой, как слезинки, воды скатывались, не оставляя следов. Не раз я срывал такие чашечки, потихоньку подносил ко рту, выпивая крошки-росинки, которые казалась мне вкуснее самого сладкого напитка!

Высоченные тёмные ёлки с распластанными хвойными ручищами постепенно превращались в чащобе в зловещих стражников. Чем дальше мы заходили в лес, тем становилось тише. Угрюмый, необъятный, таящий в себе страхи, он ещё дремал в чуткой тишине, готовый вот-вот заговорить. Среди тенистого полумрака густо пахло сырыми перепревшими листьями и уже начавшими поспевать ягодами.

Под гомон стайки птиц, летающих в вышине, под зудение мошкар и писк кусачих насекомых, сопровождавших

нас, мы постоянно о чём-то говорили, иногда даже спорили с дедом. Золотисто-песчаная лента дорожки давно закончилась, а старик всё шёл и шёл к известному только ему лыковому месту. Я еле поспевал за ним, постоянно путаясь ногами в мелкой поросли молодых отпрысков деревьев, возвышавшихся своими тонкими стеблями над землёй.

От грубой резины галош щиколотки на ногах постепенно стёрлись до крови, отчего, заметно прихрамывая, стал отставать. Даже внутренняя бархатистая подкладка не спасала от боли. Заметив мои мучения, бабушка спросил:

– Ты что хромаешь, ай ноги растёр? Ну-ка, дай посмотрю, – пробурчал он, поднимая мою штанину.

Ожидая своей участи, боясь наказания за неловкость, а ещё того, что могу отправиться один назад домой, я онемел, будто язык проглотил.

– Ой, да ты вправду ноги до крови стёр! Как только терпел?

Не дождавшись от меня ответа, он, недовольно покачав головой, с укором в голосе добавил:

– Так дело не пойдёт. Обрато не дойдёшь. А мне что делать? Тебя не донести! Вона какой большой вымахал!

Помедлив, строго скомандовал:

– Снимай свои галоши!

Быстро скинув обувку, стал босыми подошвами на прохладную зелень, пошевелил голыми пальцами ног. Было щекотно, колко, но по-особому приятно...

Бабушка, ступив под сень дубов, росших поодаль, сорвал с молодого подлеска упругие резные листья, вернувшись, настелил их в мою обувь.

– А теперь попробуй, – предложил он, взъерошив своей тяжёлой ладонью мои волосы. Не раздумывая, я вновь обулся. Тут же почувствовал непередаваемое блаженство от того, что мои ранки на щиколотках больше не касались каляного резинового края. Дубовая листва сделала галоши гораздо меньшими по размеру, отчего идти стало удобнее. Зелёное царство леса враз стало для меня живым, даже весёлым. Заплясали на старых берёзах мириады листочков-изумрудов, которых раньше из-за боли не замечал. Вокруг, словно напав на головы оранжевые подушечки, усыпанные белёсыми крапинками, уткнулись в мох яркие мухоморы, насыщая воздух сыростью, а корневище поваленного дерева будто обросло фигурками забавных зайчат...

Тимофей Мартынович, привыкший ко всему присматриваться, заметил моё повеселевшее настроение, то, как я рассматриваю лес, и вскоре сам стал показывать мне чудеса, которые встречались на пути: наплывы на сучках, похожие на птичек, наросты на деревьях, напоминавшие косматые головы сказочных чудовищ... В широко раскрытых глазах вихрастого внука, в его улыбке, вероятно, он видел непритворное любопытство и радость, отчего ему самому становилось легче в тягучей послевоенной жизни...

Мы спокойно шли всё дальше и дальше. Наши длинные тени, неотступно следуя по пятам, наскакивая гурьбой на кусты, на поваленные деревья, создавали иллюзию многолюдности...

Прошло ещё немного времени. Появилось предчувствие, что тропа, по которой идём, ведёт нас в какое-то особенное место. Лес заметно поредел, я, немного прихрамы-

вая, побежал вперёд. Вскоре оказавшись у лесной опушки, невольно замер, поразившись открывшимся видом. Подошедший дедушка, улыбнувшись в усы, остановился рядом. Прямо перед нами, вдоль поляны, раскинулся шатёр из лип, а их подножья были сплошь усеяны мелкой молодой порослью липняка. Здесь от густого разнотравья поднимался духмяный аромат, щекоча нос.

Лесной дом в эти утренние часы постепенно просыпался, наполняя округу звуками. Кто-то из птиц в эти часы молчал, кто-то из зверей спал после ночной охоты, а кто-то, бодрствуя, был начеку. В зелёных сумерках жил другой мир: вот под тонкой, дрожащей листьями осинкой прощуршала змея, там юркнул в норку какой-то зверёк, а тут паучиха, – ловкое, проворное существо – затаилась рядом со своей сетью, сплетённой ночью между двух веток. Тонкие шелковистые нити паутины переливались на свету, словно зазывали кого-то в построенную западню.

Неожиданно в густой кроне дерева, почти у самой верхушки, в полусонной тишине что-то зашуршало... Юркая пичужка, качнув веточку старой липы, возможно, испугавшись непрошенных ранних гостей, помешавших ей доспать, сбросила на нас кусочки сухой коры. Подняв головы, мы попытались увидеть проказницу. Но вверху всё было тихо-тихо, лишь одно лёгкое пёрышко, медленно кружась в бесшумных потоках воздуха, парило над нами. Через мгновение пернатая шалунья, выпорхнув из своего укрытия, серой тенью скрылась в глуши леса.

Заглядевшись на птицу, не заметил, как дедушка, положив на землю мешок, начал вытаскивать из него инструмент.

– Геник, мы пришли, – произнёс он.

Мне сразу подумалось: «Как хорошо, что нашли липы и дальше можно не идти». Отчего обрадовано стал кружить вокруг деда, ведь пока будем драть лыко, мои сбитые ноги успеют немного зажить. Чтобы убедиться в этом, спросил:

– Дедушка, а это точно то место и мы дальше не пойдём?

– Точно, точно, – ответил он, хитровато посмотрев на меня из-под густых седеющих бровей, возможно, догадываясь о причине моего любопытства.

– Здесь столько молодого липняка! – довольно воскликнул дед. – Нам хватит, даже другим останется! У него сейчас уже зрелая, но ещё мягкая, податливая кора, в самый раз годится для плетения лаптей и мокроступов.

Оглядевшись по сторонам, добавил:

– Внучок, пока буду выбирать да срезать молодые побеги, приляг, отдохни, а потом поможешь мне обдирать кору, а если получится – скрутишь её в «баранки».

Мне было неловко быть ему таким помощником-лежебокой, но ссадины на щиколотках заставили согласиться.

Как только дед Тимофей скрылся в липовых зарослях, я блаженно разлёгся во весь рост в тени зелёного шатра толстенной липы. Широким ковром рядом расстилались цветы иван-да-марьи, медуницы. На тонких стебельках лёгкий летний ветерок колыхал лиловые колокольчики-граммофоны, куда без усталости совали головы с длинными хоботками шмели. Надолго замирая, выставив мохнатые зады, они, может быть, наслаждались звучащей для них медовой музыкой.

Поворачиваясь с боку на бок, наблюдал, как ползают, шурша травинками, насекомые, порхают над цветами ба-

бочки, как бежит по делам муравей, ползёт по длинному стебельку сороконожка. Не отрывая взгляда, рассматривал «кукушкины слёзки», болтавшиеся на тонких былинках из стороны в сторону под собственной тяжестью. Всё живое здесь двигалось, пело, шептало, наполняя воздух необыкновенными звуками. Высоко плыли редкие облака, образуя при движении фигурки сказочных птиц, необычных животных... Всматриваясь в них, видел кошку, собаку, медведя, лошадь, цаплю и ещё многих зверюшек из книг школьной библиотеки...

Солнце, мерцая в вышине, постепенно стало проникать горячим полыханием повсюду. Сквозь малахитовую поволоку листьев оно разрывало в клочья тенистое кружево... Разморившись от тёплого ветерка, от трескотни птиц, зундения насекомых, моё тело словно растворилось в лесной звени, а веки постепенно начала обволакивать дремота. Чтобы не заснуть от блаженства, приподнялся на локтях. На противоположной стороне опушки, утыканной белоснежными ромашками, увидел деда Тимоху, идущего в мою сторону с большой вязанкой молодых липок. Вскочив на ноги, босиком поспешил к нему навстречу, сбивая с цветков бабочек, пчёл...

– Деда, давай помогу.

– Возьми у меня топор и ножик, освободи мне одну руку, – попросил он, прерывисто дыша.

Через несколько минут мы уже вместе сидели на полянке, рядом с горкой полутораметровых светло-коричневых стеблей. Дедушка, надрезая их вдоль ножом, ловко сдирает с них лыко, обнажая снежно-белую древесину, а мне под его присмотром было доверено скручивать

кору в колечки. Время от времени он откладывал гладкие, скользкие, белоснежные прутья, приговаривая:

– Пригодятся! Вплету в корзинку, за грибами ходить... будет нарядная.

– Ген, присматривайся, как надо заготавливать лыко. Всё в жизни пригодится. – Уткнувшись бородой в грудь, продолжал, – липа – дерево особенное. Её податливая древесина легко режется ножом. Мой дед, наверное, и прадед издавна тачали деревянную посуду, мастерили из заготовок удобные в хозяйстве поварёшки, корцы и ложки.

– На, попробуй сам, – предложил дедушка через некоторое время, – снимай кору.

Не раздумывая, я согласился и даже старался подражать ему, но работа не ладилась: то рвалась на месте срезанных сучьев тонкая лыковая рубашка, то ломались сами прутья...

– Эх-хе-хе... – вздыхал наторелый жизнью дед, глядя, как внук неумело пытается содрать кору. Чтобы не смущать меня, он, как ни в чём не бывало, продолжал снимать лыко, расхваливая деревья:

– Липы, что растут здесь, пчёлам душистый нектар дарят. В начале лета цветут они золотистыми зонтиками-цветами, наполняя всю округу сладким запахом. Пчёл тут бывает видимо-невидимо. Просто гуд стоит, когда маленькие труженики собирают медок, а мы с тобой его едим, здоровья набираемся да простуды лечим.

– Эти деревья любят не только пчёлы. Слышишь, как в их вершинах поют иволги? Правда, ночью здесь бывает страшновато, – добавил он. – В глубоких дуплах старых деревьев гнездятся сычи, перекликаются в ночной темноте не-

понятными голосами, а по соседству, под дубами, хрюкают кабаны, они отыскивают под ними корешки, жёлуди...

Дед Тимоха замолкает, кряхтит... Хмурит густые брови. Лицо у него грубое, с лохматой белеющей бородой, но в добрых глазах светится что-то хорошее, тёплое, оно словно переливается в меня, открывая неведомые великие тайны. Зная, что, пока мы работаем, он может рассказать много забавных историй, прошу:

– Дедуль, а Расскажи ещё что-нибудь...

– Ох, и горазд же ты, внучок, до рассказней! – медля, поглядывая на меня снисходительно, ответил он.

Полагаясь на его добродушие, вытянувшись струной, я с нетерпением ждал. Он долго не томил, как мне показалось, даже с удовольствием, через некоторое время продолжил разговоры про волков, что по ночам шастают в овины зареченцев, особенно зимой, когда в лесу им бывает голодно; про лисят, которых его сверстники приносили в дом, чтобы вырастить на воротник матерям или сёстрам, да про кабаньи лёжки в болотистых зарослях, и ещё много-много происходивших, а может, выдуманных случаев из его жизни, когда он был таким же мальцом.

Говорил Тимофей Мартынович медленно, густым хриповатым голосом. Иногда он, увлекаясь рассказом, фантазируя, вдруг хватал через край. Хохоча, фыркая, махая в воздухе руками, я кричал:

– Ври больше!

Дед на полуслове смолкал, хитро смотрел на меня, а потом вдруг, нахлобучив мне по самые уши картуз, вместе со мной заливался смехом на всю поляну... Звуки хохота

катились по лесу, эхом отзываясь далеко от нас. Это было так необычно и хорошо, что мы повторяли это не раз, забывая про лыко. Потом я опять слушал его истории, пока мы не закончили работу.

Когда я устал от палящего солнца, меня стала мучить жажда.

– Деда, а ты воды не взял? Мне жарко. Пить хочу...

– Зачем брать воду из дома. Её же тут можно найти, – убедительно сказал дедушка и, загадочно улыбаясь, проговорил, – потерпи немного, скоро тебе здесь чудо покажу!

Не торопясь, он стал основательно собирать в мешок скрученные колечки волгллой коры. Получилась почти половина мешка. По блестящим от удовольствия глазам было件нятно, что старик остался доволен удачно заготовленным лыком. Связав обрывком верёвки пучок белоснежных, влажных прутьев, он предложил нести их. Мне нравилось помогать дедушке, тем более, ноша была совсем не тяжелой. Через минуту, подхватив вязаночку на плечо и ещё раз отряхнув штанины от обрезков коры, что остались от липняка, мы с дедушкой отправились немного правее от этой поляны. Лес там был гораздо гуще, плотнее. Тёмные, хмурые ёлки протирали свои раскидистые лапы далеко от стволов. Усталая пожелтевшими хвойными иголками земля от их толстого наста пружинила под ногами. Какой-либо видимой тропинки не было. В моей душе поселился страх потеряться в этом незнакомом месте, если вдруг отстану. Казалось, что дед вёл меня просто наугад, огибая бурелом, заросли кустарника, мшистые заболоченные места.

Было по-детски неуютно, когда в дремучем бору наш путь пересекали кабаньи тропы, бесчисленно утыканные в

топких местах острыми копытцами. Попадались даже змеи, изредка пугливо убегавшие из-под ног. Пока шли по сухому месту, продвигались быстро, но вскоре стали встречаться топи. Дорожка совершенно терялась в них, двигаться становилось трудней. Дед, шагая впереди, постоянно ощупывал тропинку толстой палкой. Он опирался на неё при ходьбе, я же, цепляясь вязанкой за высокую траву или корчи, торчавшие из-под земли, старался бежать за ним след в след, чтобы не оступиться в трясину.

Пройдя гиблое место, увидели кусты начинавшей поспевать дикой смородины, заросшей крапивой. Обжигаясь о жгучие растения, осторожно добирались до ягод. Собрав горсть – другую кисло-сладких, ещё терпких горошин, кидали их в рот. Жажда постепенно отступила, пить мне уже не хотелось...

Овражки, лесные полянки, трогательно живописные в летней красе под оранжевым солнцем, принарядившись в зелень, соблазняли, манили к себе. Дедушка же, глядя перед собой на куртинки бледно-розовых цветов иван-чая, на меня, барахтающегося с вязанкой прутьев в кустах, на полуденную лесную истому с духовитым запахом зреющей земляники, тихо улыбался. Взглянув ему в лицо, увидел в уголках тёмных прищуренных глаз непонятную печаль, которая, видимо, переполняла его. Волна за волной шли его думы.

Чтобы отвлечь деда от незнакомых мне каких-то затаённых мыслей, не нашел ничего другого, как спросить:

– Дедушка, а мы скоро найдём воду?

– Скоро, – вздрогнув, нехотя ответил он, будто возвращаясь из прошлого, – ещё немного и придём.

Сам же, не оборачиваясь, упрямо продолжал задумчиво молчать, широко ступая впереди меня. Я едва попевал

за ним, изредка теряя галоши. Оглядываясь по сторонам, быстро находил их, обувался и, гонимый страхом, догонял деда, стараясь шагать с ним в ногу. Места для меня здесь были дикие, неизвестные. Слышался только верховой ветерок, шумевший в макушках сосен. Он изредка ниспадал вниз, и тогда за моей спиной таинственно лепетала листва беспокойных осин. Даже лучи яркого солнца не проникали в тёмную чащу. Его красное колесо словно закатилось, будто растворилось в лесной верхотуре.

Спустившись в небольшой ложок, утыканный сосёнками-самосевками, хватаясь руками за молодые деревца, росшие по краям, взобрались на пригорок, в продолжение которого просматривался пролесок. Идти дальше среди еловой прохлады становилось легче. Вдруг сбоку послышался громкий хруст валежника. От неожиданности по телу прошла дрожь. Вздвигнувшись, повернулся на шум... Через заросли подлеска, недалеко от нашей тропы, увидел убегавшую косулю. Грациозная коза, изящно отталкиваясь от земли тонкими ножками, вероятно, напуганная нашим появлением, стремглав скакала в сторону леса. Ярко-рыжая спинка, длинные острые ушки через мгновение скрылись в зарослях подлеска. Глядя вслед испуганному зверю, мы остановились. Хотелось получше рассмотреть, но там, куда он ускакал, зеленел только лес, на фоне которого чернел взъерошенный бугор. Испугавшись, что это медведь или лось, неосознанно прижался к деду.

— Деда, а кто это там?

— Где?

— Да вон же, смотри... Медведь?

Остановившись, он заинтересованно посмотрел сквозь заросли на темневший холм. Крякнув, боднул головой воздух и, подмигнув, сказал:

– Не бойся, пойдём, посмотрим. Это наверняка бывшая партизанская землянка или блиндаж, а скорее, то, что осталось от них.

Свернув, мы оказались у полуразрушенного входа в подземелье. Обвалившаяся насыпь оголяла ещё крепкие брёвна наката землянки. Сухой лапник нависал над его верхней частью, который я принял за зверя, а вход зиял чёрной дырой на фоне зелени. Тут же виднелись кучи навороченной земли, поросшей редким разнотравьем, а на склоне – свежие следы только что убежавшей косули. Это она помогла нам увидеть землянку.

Мне были знакомы такие укрытия партизан. Не раз мы с друзьями играли «в войну» в окопах или блиндажах недалеко от посёлка.

– Дедушка, а можно войти в неё?

– Нельзя, – твёрдо отрезал он. – Прошло столько лет, земля может обвалиться и засыпать нас.

– А ты знал про эту землянку?

– Нет. Их много в этом лесу, одни обрушились и сровнялись с землёй, другие, как эта, ещё кое-где сохранились. Партизаны для укрытия от холода, непогоды, для отдыха после боёв выбирали труднодоступные, чаще даже болотистые места, чтобы немцы их не обнаружили.

Вздохнув, он погладил меня по плечу, тихонько приобнял и сказал, – внучок, сколько лет прошло, а следы от проклятой войны ещё остались... Мои две дочери, а твои родные тёти тоже жили в какой-то из них...

– Знаю...

– Откуда ты знаешь?

– Мне отец рассказывал. А ещё про мою бабушку Мотю, твою первую жену. Её ведь немцы сожгли в сарае за то, что везла еду партизанам.

Разговор между нами как-то сразу затих. Через несколько минут Тимофей Мартынович продолжил:

– Да... были лихие времена, поговорим об этом в другой раз. Пойдём отсюда.

Он взял меня за руку, и мы покинули печальное место.

Шли молча. Отрешённое, горько-торжественное лицо деда было обращено куда-то в пустоту, глаза смотрели прямо и неподвижно. После увиденного, он, наверное, вспоминал свою нелегкую жизнь во время войны, когда один за другим уходили из посёлка на фронт мужчины, когда без времени потерял жену, когда все тяготы военного времени ложилась на плечи женщин, стариков, подростков. Наверное, вспомнил дочерей, партизанивших в лесах, сполна испытавших трудности фронтового быта, где лучшей обувью для них были не туфли, а сапоги, когда на хрупкие плечи надевались не пальто, а тяжёлые фуфайки. Когда их девичьи губы алели не от поцелуев, а от морозов и жёстких ветров... Прошли годы молодости Тимофея. Завяла его красота, выцвели глаза, появились морщинки, поседелі волосы, подошла старость...

Дедушкины воспоминания прервал послышавшийся вскоре едва уловимый шум воды. Старик оживился. Отыскав меня взглядом подле себя, сказал:

– Внучок, скоро увидим, что искали... можно будет вволю напиться воды.

Обойдя заросший молодой порослью пригорок, увидели, что лес отсюда разбежался в стороны, а мы оказались на не-

высоком косогоре. Перед нами открылся вид на небольшую лесную речку. Изогнувшись подковой, она терялась в зарослях черёмухи. Говорливый, неширокий поток катил воды в глубь леса, оmyвая извилистые берега. Его пологая сторона покрылась высокой осокой, а от Гая речушку обрамляли заросли ольхи вперемежку с верболозом. На её середине светилось серебристое, беспокойное, темнеющее от глубины, а может, от отражения деревьев, привольное, красивое течение. Оно соединяло собой тихие заводи-виры, укрытые у берегов кувшинками. По отложистому откосу мы осторожно спустились к воде. На отмели под солнечными лучами искрился бархатистый песок, устилавший дно реки словно драгоценными камнями из сказки «Серебряное копытце».

Тимофей Мартынович, опустив ношу, присел на корточки и погрузил в воду свои натруженные руки. Я тут же последовал его примеру. Потревоженная вода, охватив запястья, брызнула холодными каплями, напомнив мне, как мы с ребятами, в летнюю жару, не раз бегали по броду речки Гнилой, брызгаясь студёной водой, визжа от удовольствия. Переворачивая камни, голыми руками ловили под ними раков...

Сейчас же, скинув обувь, засучив штанины брюк, зашли с дедом по колено в холодную воду. Она была прозрачной, голубоватой, на её поверхности беззаботно сновали водомерки. Дальше глубина реки была уже около метра. Постояв несколько минут, пока не заоченели ноги, вышли на берег. Утомлённые за полдня ходьбой, паревом от леса, мы уселись в тень небольшой ольхи. Дедушка, будто вспомнив что-то важное, развязал мешок и вытащил из него узелок...

– Посмотрим, что тут твоя мать собрала. Небось, проголодался. Пошёл, считай, не евши..

Я отрицательно замотал головой, хотя голод давно давал о себе знать, особенно после кислой смородины.

Дед, обстоятельно примяв между нами траву, развязал тряпицу и расстелил её на земле. В ней оказались три варёные картошины, порезанный крупными кусочками пожелтевший от времени небольшой шматок сала, головка лука с зелёными перьями, краюха хлеба. Глядя на такое богатство, особенно на сало, у меня потекли слюнки, но без разрешения не смел протянуть руку к еде.

– Геник, двигайся ближе да ешь, – пригласил дедушка, отламывая кусочек чёрного подового хлеба и отправляя его себе в рот. Подсев поближе, я с таким волчьим аппетитом набросился на съестное, что стало даже стыдно.

Съев провиант, мы ещё долго сидели, глядя на светящуюся серебром гладь с отражёнными в ней облаками, хранившую столько тайн... За неширокой полосой воды скользил охристо-зелёный пологий берег. Казалось, что река легонько раскачивается то влево, то вправо, искрясь на солнце бисерной рябью. Она беспокойно вздыхала, не зная за собой ни беды, ни вины...

Зачаровывало всё. Вот у противоположного берега плеснулась неосторожная рыба, чуть-чуть ближе, над тихим омутом, сверкнули прозрачными крылышками стрекозы, плавно опустившись на сухие веточки лозы. Рядом с нами в тёплую прибрежную ряску, перегревшись на солнце, шумно сиганули два кабанца. Стайка юрких стрижей молнией пронеслась над заводью, цепляя поверхность жёсткими концами крыльев. Прямо у моих ног неуклюже вы-

валился из цветка мохнатый, толстенький шмель. На его пушистых ворсинках отсвечивалась золотом цветочная пыльца. Он, натужно гудя, взмыл от земли, с трудом выравнился в полёте и неожиданно зацепился лапками за небольшую ромашку, наверно, решил передохнуть. Её стебелёк, дугой согнувшись под тяжестью, закачался...

Для меня речушка, на берегу которой сидел с дедом, казалась довольно широкой. От её русла до самого леса душистым морем распахнулся пойменный луг. Запах цветущих трав обволакивал нас своей первозданностью. Мы любовались летним деньком. Здесь не раздавались, как в посёлке, ни петушиный крик, ни мычание коров, ни лай собак. Кругом, среди бушевавшей высокой осоки, в зарослях прибрежных ив, лежавших ветками на воде, шебуршали дикие утки, охраняя свои выводки; повсюду слышался лёгкий плеск, криканье, говор многочисленных птиц, снующих с куста на куст. Небо было чистое, высокое и до того нежное, доброе, что хотелось петь. Вода, лес – всё это гармонично связывало в единое целое весь мир, создавая необычную картину с названием – брянская природа.

Находясь вдали от дома, от мамы, я всем своим существом впитывал простую красоту, щедрость воды и неба. Как цветочный бутон, как человеческий детёныш чувствовал силу земли, давшую мне жизнь...

Яркий солнечный диск, на который до слёз было больно смотреть, только что проплывший в чистом голубом небе, а доселе рассылавший во все стороны янтарные лучи, вдруг закутался в белую пушистую тучку, на мгновение погрузился в сон...

В этот короткий миг бессолнечной тишины, где-то за спиной тихонько зазвенел, перекликаясь со стрёкотом кузнечиков, водный ключик.

– Хочешь пить? – повернувшись ко мне, спросил дед, поднимаясь и разминая ноги. Загадочно, словно сотворяя чародейство, склоняясь к моему уху, щекоча бородой щёку, он прошептал:

– Гена, сходи-ка к той высокой осоке, что растёт на берегу, прямо у воды. Там найдёшь волшебный ключик. Попьёшь из него, станешь сильным, крепким, везучим...

Не мешкая, я тут же бросился бежать вдоль берега, к топорщившемуся зелёному травостою, шлёпая босыми ногами по мокрому песку. С мелководья врассыпную, напуганные моей тенью, вздымая водовороты, в глубину реки мелькнули тучи мальков...

Затоптав ногами осоку, раздвинув руками шершавую зелень плакун-травы и явора, обнаружил маленькое чудо – бьющий из-под земли ключ. Не боясь ледяной воды, здесь плавали несчётные маленькие рыбки, спасаясь в чистых струях от крупных рыб, которые не прочь были полакомиться ими. Зачарованный стайкой крохотных существ, я затаился. Но привыкшая спастись от опасности мелюзга тут же ринулась наперегонки в глубину речки.

Околдованный увиденным, стоял, не двигаясь. Через некоторое время рыбки вновь появились у берега, виляя нежными, ещё не окрепшими прозрачно-шоколадными тельцами. Они играли, тыкаясь носиками в мелкие камешки, игриво нежились под солнечными лучами, проникавшими сквозь воду. Самые смелые подплывали к пузырькам родника, которые, не переставая, вздымали промытые пес-

чинки. Мальков было так много, что через зеркальную гладь не видно было дна. Стоило мне только пошевелиться или топнуть ногой, как они опять сизо-серыми брызгами исчезали в глубине потока.

Склонившись к роднику, надеясь стать сильным, везучим, как пророчил мне Тимофей Мартынович, зачерпнул пригоршню чистой ледяной водицы. Поднёс к лицу. Робко глотнул. Вода холодом обожгла рот. Просачиваясь сквозь неплотно сжатые пальцы, обливала ноги, грудь, радужным бисером сыпалась на прибрежную траву. Она была вкусной, с медвяным запахом. Подошедший ко мне дедушка не без удовольствия наблюдал, как его внук пьёт студёную воду, теряя хрустальные струйки. Оглядев маленькое озерцо, он низко наклонившись над родником, стал обрывать нависшую зелень. Ладонями собирал мелкие листочки, распугивал жучков-водомеров, вольготно бегающих вдоль и поперёк по его поверхности. Засучив рукава рубахи, руками разгрёб мелкие камешки в истоке, почистил дно с фонтанчиками родника... На одной из веточек зелёного куста, над ключом, приметил побитую временем и дождями небольшую берестяную кружку. Подождав, когда вода осветлилась после чистки родничка, дедушка бережно снял изготовленный кем-то черпачок, степенно зачерпнул водицы. Сдвинув брови к переносице, наслаждаясь, кряхтя от удовольствия, стал пить живую воду.

Над сырой травой, что сочно обрамляла маленькое озерцо, клубились мелкие бабочки-однодневки, пчёлки разных мастей. По своим исхоженным тропкам, ведущим к гнилому высохшему пню, сновали невесть откуда-то взявшиеся здесь чёрные муравьи. Куст красной смородины-поречки, скло-

нившись над ложем криницы и заглядевшись в неё, отражал в воде изломанную струями изумрудность с ещё не совсем созревшими ягодами. Весь живой мир, окружавший источник, черпал здесь влагу, так необходимую для жизни. Ничто теперь не мешало скромному ручейку на его пути. Только вновь осмелевшие мальки выплывали навстречу потоку, резвясь на отмели. Родник, радостно журча, ещё быстрее побежал из-под берега в реку, весело прыгая меж камней. Искрясь от счастья и свободы, он нёс из глубины земли в себе её дыхание, ласкающую свежесть лугов, зоревость полян с утренними росами, лёгкое прикосновение порхающих бабочек, шум могучего леса. Обнявшись с рекой своими водами, он продолжил долгий, светлый бег в большую жизнь...

– Дедушка, а чей это родник? Кто здесь оставил кружку? Ведь ключ так далеко от посёлка?

Присев на берегу поодаль от источника, дед достал из кармана потрёпанных штанов кисет с самосадам и продолговатый газетный обрывок. Не торопясь, насыпал на него табак. Лизнув влажным языком самодельную сигарку, закрутил её пальцами в трубочку. Зажав с двух сторон концы, прикурил от зажжённой спички. Не торопясь, вдохнув ядовитый дым, ответил:

– Внучок, да ничей он. Этот ключик для всех. Тем, кто к нему придёт, он дарует жизнь. В благодарность за вкусную воду люди чистят ключи. Кто-то смастерит сруб, укрепит берега источника, а кто-то оставит кружку, чтобы испить водицы... Ведь человек, живя на Земле, не может без чистой воды, её надо беречь... Что-то волшебное есть даже в самом слове родник, – продолжил он, – родник, родина, родители, родство – всё это есть и будет в твоей

жизни, – заключил он. – Рядом с ключом душа отдыхает от забот, обретает покой, силу...

Приподнявшись, Тимофей Мартынович задумчиво вздохнул, потёр затёкшую спину, задумался...

Подошло время возвращения... Разомлевшее за день солнце ещё медлило прятаться за пурпурные предвечерние облака, но неблизкая дорога до хаты торопила нас...

Оказавшись дома, дедушка через некоторое время выполнил своё обещание. Как-то он позвал меня на поветь*, усадил рядом на скамеечку, достал спицу, остро заточенный нож для кройки и обрезки липовой коры, примерил по моей ноге копыл – заготовку, на которой плёл лапти... Чуть позже вместе сплели мне новые лапоточки. Конечно, они удались на славу... и даже моё лыко вплёл в них... Не забыл дедушка и про соседку. Ловко сладил ей и себе мокроступы...

Не помню, сколько тогда мы с дедом пробыли на берегу реки у того ключика, глядя на его фонтанирующие изпод земли всплески, вдыхая запах выброшенных на берег ракушек, водорослей. Но каждый раз, когда пью из родника, сердцем испытываю удивительные минуты необъяснимого волшебства: время словно останавливается, воздух кажется невесомым, а окружающая природа представляется частью сказки, возникающей вокруг меня... От нежных прикосновений лучей солнца, от бездонного неба, отражённого в глади воды и соединённого воедино с Землёй родником, – погружаюсь в счастье... На мгновение возвращаюсь в навсегда потерянную страну под названием детство...

* Поветь – лёгкий навес от дождя.

В НОЧНОМ...

*Туман у леса, ночь, табун,
Костёр искрится в небо,
А под тобой гнедой скакун,
В кармане корка хлеба.*

*Чуть-чуть подкормишь жеребца,
Сольёшься с ним в полёте,
Ночное – сказка без конца,
Хоть жизнь и на излёте...*

- **Д**огоняй! – прокричал Лёник, галопом проскакав мимо на буланом в яблоках жеребце, лихо держась за его роскошную гриву. Я тут же побежал к стоявшей рядом Рыжей, вскочил ей на спину и попытался догнать его, но заставить свою лошадку бежать шибче, хотя бы трусцой, так и не смог... Она делала вид, что подчиняется, а сама косила сливовыми глазами на отставшего жеребёнка, что увязался следом.

– Ты меня на своей Рыжей никогда не догонишь, – подзадоривал друг, вернувшись к нашей стоянке на запыхавшемся от быстрого бега Пятнистом. Тренируйся больше! Следующий раз, когда снова будем в ночном, может, и догонишь...

Я знал, что у меня так не получится. На своей дородной клячонке с ветерком не проскачешь... Мне, деревенскому мальчишке, всегда было в радость общаться с лошадьми, особенно если удавалось побыть в ночном. Теперь уже и не знаю, как можно объяснить, что такое ночное? Ведь ночное – это когда горит костёр, когда варятся

раки или печётся картошечка, когда ведутся на равных неспешные разговоры взрослых с детворой, а рядом – в темноте, на пастбище, пасётся табун коней – сильных и гордых, величественных и преданных человеку животных. Прямо у самых звёзд, которые, не удержавшись на небосводе, срываются и, прочертив горящую линию, гаснут в тёплом мареве ночи...

Караулить лошадей было загадочно и интересно. Ночное давало свободу от опеки родителей и приносило осознание важности, что тебе доверяют взрослую работу, – ухаживать за лошадьми. Выгнать перед вечером, кататься с разрешения конюха верхом наперегонки, а затем пригнать на утренней зорьке накормленный, отдохнувший табун в деревню – всё это само по себе праздник. Мы предвкушали, как, сидя на самых «бойких» клячонках, будем во весь опор мчаться с весёлым гиканьем и криком, громко смеясь, высоко подпрыгивая на неосёдланных лошадях. Какой паренёк откажется от такого?!

Со своими сверстниками и я не раз ожидал такой момент. Самым желанными были, конечно же, скачки наперегонки. Договорившись с конюхами о том, где будут пастить лошадей ночью, мы набивались к ним в помощники. Отказа почти никому не было. Пока с колхозного двора гнали табун к выбранному месту, нам разрешалось выбрать себе коня и скакать туда первыми. Это было незабываемо! От конюшни, находившейся в центре Заречья, наша ватага срывалась и неслась, поднимая клубы пыли, по не единожды истоптанной стадами коров и овец дороге, под лай собак, от безродного нашего Шарика – до охотничьих

породистых, как у Кости Шаройко, слушая напутствия или окрики прохожих и родных:

- Геник, ты куда мчишься галопом?
- Лёник, остановись, голову сломаешь!
- Мишка, а ты куда едешь? Мал ещё!..
- Тю на вас, окаянные! Лошадей запалите!

Проскакав галопом, рысью, а то и трусцой, мы гуртовались только на краю посёлка, рядом с домом Трифона, чтобы собраться и вновь вместе двигаться дальше.

Трясаясь, последним подъехал в этот раз на низкорослой кобылёнке Чайке Миша Лакалин.

– Что ж ты отстал?! Вона уж какой большой. Скоро в пятый класс в Чеховскую школу пойдёшь, а всё как маленький, позади всех... – поучительно проворчал Трифон Лупоядов, который после дневной работы на тракторе присел отдохнуть на длинной лавке у дома.

– Может, тебе не ездить в ночное? А то потеряешься! – Вновь обратился Трифон к нему. – Да и как сам потом сядешь верхом? Ты ж не залезешь на кобылу один.

Миша, не задумываясь, возразил:

– Я даже не подгонял свою Чайку. Не хотел пыль поднимать по Заречью, а когда поедем вдоль леса, обгоню всех, – и, зазнаваясь, продолжил, – а верхом сам сажусь. Моя Чайка опускает голову, и я забираюсь на неё по шее.

Вступившись за Мишку, мы хором прокричали:

– Ладно, не отставай, больше ждать не будем, – и, растянувшись по дороге, стеганув лошадей хворостинами, рванули к Шубкину Натдатку. Гонки были хоть куда! Мы подпрыгивали на неосёдланных лошадях, лидерство всад-

ников менялось: то Мороз, обгоняя остальных, летел стрелой, прижимая уши, то Пистон с Монголом не могли поделить дорогу. Бойчее других, конечно же, был Гнёдый. Строптивый характер не позволял коню, чтобы его обгоняли другие. По всей вероятности, в этом животном текла кровь скакуна. Соревнуясь, он храпел, норовя порвать поводья, укусить соперника, лишь бы быть первым. Особой гордостью считалось покататься на таком красавце.

Через полчаса, разгорячённые скачкой, спешили на берегу глубокого болота, что обрамляло Шубкин Натдаток со стороны колхозных полей. Шумно спорили, обсуждая скачку:

– Мой Пистон сегодня был быстрее всех...

– Нет, Мороз был лучше, он не побоялся пронестись через кусты. Я чуть не обогнал вас...

– А мой рысью бежал красивее твоего...

– А я своего не погонял, а он всё равно не отстал даже от Гнёдого...

– А мой..., а мой... – несло со всех сторон...

Хвастались, чей конь послушней, резвей, надёжней. Спрыгнув с лошадей, угощали «своих рысаков», кто чем мог: загодя заготовленными хлебными корочками от ржаного хлеба, кусочками яблок. Не снимая уздечек, отпускали их пастись, а сами начинали стаскивать к старому пепелищу сушняк для костра в ожидании пастухов...

Издавна в нашем Заречье летними вечерами, после трудового дня, коней в конюшню не загоняли. Зачем держать их голодными взаперти, в душном стойле? Ведь к следующему дню лошадям надо было набраться сил, хорошо отдохнуть, вдоволь поесть. На полевых работах у

лошадак такой возможности не было, а если где случалось щипнуть немного травы, то животные, измождённые нападавшими оводами, теряли аппетит и пили только воду...

Под вечер, пока ещё не закатывалось солнце за Плоский лес, когда нежная прохлада только что опускалась смутными и тёплыми, ещё не затвердевшими красками, пастух собирал табун, чтобы гнать на пастбище. Ему часто помогали один или два взрослых мужика и добровольцы из ребятни. Негромкие звуки, тонувшие в это время в наползающей на посёлок тишине, ожидание сокровенных часов под звёздами вызывали во мне томительное чувство благодарности и любви даже ко всему неизвестному, что могло произойти в ночном. Место для него приглядывали заранее, где-нибудь у леса, но так, чтобы лошади не могли зайти в лесную чащу, а паслись на убранном поле с оставшимся жнивьем, среди которого буйно пробивалась молодая отава. Ночью трудно бывает найти отбившегося от табуна коня, или его можно вовсе потерять в лесу, оставив один на один с волками.

У каждой лошади на шее висело путо – толстая верёвка из пеньки около метра в длину с петлёй на одном и узлом на другом её конце. Когда животные все собирались на пастбище, пастухи обходили самых ретивых и, снимая пута, перевязывали ими передние ноги, а некоторых даже треножили, чтобы те не могли резво бегать. При этом не забывали ласково похлопать каждую по холке или потрепать гриву. Не путали только спокойных и тех, на которых ездили сами, да их добровольные помощники. Ребятишки, молодые и шустрые, с большим желанием помогали взрослым принести недостающее путо или заменить порвавшееся на хорошее, придержать коня за оброть.

Подбирая лошадь для объезда табуна, старались взять лучшую. Ребята постарше забирали себе самых резвых. Малышне, лет десяти-тринадцати, доставались худые, костлявые, как говорили у нас, рахманные, то есть спокойные доходяги, которые не могли сбросить со спины или понести вразнос. Юные наездники были рады и этому, хотя к утру, после ночного, сидеть на худючем позвоночнике лошади было почти невозможно. На мягком месте, ниже спины, появлялись болячки и ссадины, проходившие только со временем.

Но эти неудобства никого не смущали. Каждый хотел похвастаться перед пастухом, какой он ловкий да умелый, старался быть похожим на него. Приятно было наблюдать лошадей, легко и красиво двигавшихся с всадником в полной гармонии. Когда кто-то из старших объезжал на жеребце пастбище, конь под ним вздрагивал, изредка тихо ржал, настоженно поворачивая голову в ночную темень. Верховой успокаивал коня, поглаживая его густую чёрную гриву. Глядя на их грациозность и бесстрашие, мы тихо завидовали.

Приходит одно воспоминание о ночном, очень далёкое, но оставшееся в памяти ярче других. Весь день пекло́, а вечером жара потяжелела, сгустилась перед поздними сумерками. Мы в тот раз, как обычно, пригнали табун на пастбище. Синее предвечерье постепенно превращалось в густую ночь. Среди одиноких деревьев, что росли на подходе к лесу, кругами ходил едва уловимый ветерок. После полуденной жары на поля, на лес, на всю округу нехотя опускалась прохлада, а вместе с ней разлился туман. Белой длинной бородой лешего он тянулся вдоль впадин, заполняя овраги и укрывая болота, отчего воздух становился

горьковатым, на удивление лёгким и свежим. Быстро темнело. На небе зажглись редкие звёзды. Прямо над нашими головами повисла мутная луна. Из сумрака ночи доносились песни сверчков, а где-то в Маркином болоте заходились кваканьем старые жабы, видимо, к дождю. Со стороны посёлка эхом доносился собачий лай. Земля после дневного зноя излучала мягкое тепло, накопленное за день. Время неумолимо близилось к полуночи...

Объехав табун и сгуртовав коней, мы, не сговариваясь, стали собирать для костра пучки сухой травы, мелкие сушья от старых деревьев, валявшиеся неподалёку от нашей полянки, гнилые берёзовые корчи, которые могли гореть до самого утра. Вскоре заплясавший маленький огонёк превратился в большой факел. Усевшись вокруг взметнувшегося вверх пламени, настроились слушать взрослые байки да интересные истории, которых всякий раз было множество. Кто-то лёг на тёплую землю вниз животом, кто-то растянулся на раскинутом старом пиджаке или уселся на корточки, а кто-то пристроился на коленях, протягивая руки к костру, ловя ладонями его ласковое тепло.

Под напором огня дрова, постепенно прогорая, шевелились, шипели, свистели, словно живые. Языки пламени возносили вверх ярко-жёлтые снопы жара и искр. Они, как фонтаны, то поднимались вверх, то медленно опадали, до самых поленьев. На этот завораживающий танец хотелось смотреть и смотреть до бесконечности.

Ночь к тому времени уже плотно улеглась на деревья, на скошенное жнивье, только, боясь обжечься, не решалась прилечь на костёр. Он разрывал мрак ночи, от него пахло

дымом, веяло уютом и теплом лета, чем-то особенным, что можно почувствовать, только посидев рядом. Густая тьма, даже на расстоянии вытянутой руки, казалась непроницаемой, она чёрной стеной поднималась за нашими спинами...

Распределили, кому по очереди смотреть, чтобы лошади не отбились, не забрели ненароком в глубину леса. Через некоторое время дед Шаройко, кивнув в сторону моего приятеля Лёника Изотова, сказал:

– Ты бы, малый, раз любишь гонять на лошадях, доехал посмотрел, где сейчас табун. А то, не ровён час, уйдёт в лес.

Лёня поднялся и, взглянув на меня, сказал:

– Ген, поедешь со мной?

– Конечно! – поддержал я друга. Почти одновременно, встав с земли, мы отошли от костра и стали всматриваться в крошечную темноту, надеясь увидеть пасущихся коней. Когда глаза немного пообвыклись, увидели неподалёку только Пятнистого да несколько рахманных лошадок. Они мирно пощипывали траву, тихо всхрапывали, словно переговаривались друг с другом.

Каждый из нас поймал за уздечку свою. Ловко и цепко забравшись на их спины, обхватив голыми коленками мягкие, как мех, бока, трусой поехали в сторону леса, где должны были находиться остальные. Пылающий костёр, постепенно отдаляясь, превратился в яркий мерцающий шарик. Глаза окончательно привыкли к темноте, и как-то сразу стало видно поле, контуры зубчатого леса, даже небо с редкими звёздами. Через некоторое время, пока мы двигались к табу-ну, небо стало затягиваться тёмными тучами. Луна тусклым светом уже еле-еле просвечивала серые хлопья низких обла-

ков. От её неярких бликов в густом сумраке ночи начали смутно вырисовываться вдалеке контуры лошадей.

Проезжая мимо мрачного таинственного леса, мы, как по команде, затихли, перестали разговаривать. Казалось, что на наши голоса кто-то огромный, косматый может выскочить оттуда. От страха отчетливо слышался стук моего сердца. Если бы не глухой топот кобылы да шорох травы под её копытами, то его, наверняка, услышал и напарник. Из глубины лесной чащобы доносились таинственные, пугающие звуки. Во мраке деревьев кто-то тяжело вздыхал, ухал, шуршал, пищал... От этой неизвестности становилось не по себе. Но увидев табун, как-то сразу, забыв о страхе, успокоились, решили пересчитать лошадей, громко проговаривая их клички.

Они тихо паслись у края поля, напоминая о себе лишь хрустом срываемой сочной отавы. От коней тёплой волной шёл запах пота. Пощипывая траву, некоторые потряхивали головами, отгоняя от себя назойливых комаров или нудящих лесных мошек, издавая при этом слегка хлопающий звук ушами. Поодаль нашли отбившуюся от табуна Майку с жеребёнком. Подгоняя кнутом беглянку, возвратили её к остальным, а сосунок прибежал за ней сам, пугаясь всего, что не напоминало ему маму-лошадь. Он, путаясь под ногами, плотно прижался к её тёплому боку.

Закончив объезд, обнаружили, что потерялся жеребец по кличке Салют. Искать его в темноте не решились. Посоветовавшись, отправились назад, чтобы рассказать о пропаже. Обратная дорога показалась нам короче, ведь мы с Лёником проехали её наперегонки, и опять его Пятнистый был первым...

Нас встретили старший конюх и Коля Абраменко:

– Ну что, все лошади на месте?

– Почти все! – как-то неуверенно ответили мы, – помедлив добавили, – только одного Салюта не нашли. Может, он в кусты куда зашёл или в старые траншеи забрёл. Мы в лес не поехали, уж больно темно, ничего не видно, да и тучи луну закрыли...

– Да-а-а... – протянул конюх, – правда, луна спряталась, а мы у костра сидим и не видим. Тучки собираются. Тихо-то как стало! Наверное, гроза будет, – прислушавшись, добавил, – уже вдалеке громыхает... Ну, ничего, найдётся конь. Куда он денется! Он же грозы боится, как и его мать! – ободрил он нас.

Ребята, сидевшие вокруг костра, загалдели:

– Дедушка Иван, а почему Салют пугливый? А кто его мать была? Расскажи!

Конюх, качнув головой, словно отгоняя назойливые мысли, сказал:

– Тихо! Тихо! Угломонитесь! Вы, поди, уж не раз эту историю слышали...

Немного подумав, подкинув дров в костерок, заговорил:

– Да была тут у нас одна кобыла. Пригнали её после войны из Валуйца. Как рассказывали валуйчане, за непригодность её комиссовали из армии, где она служила в обозе. Передали в колхоз без всяких документов, не решившись сдать на мясо за заслуги. Вспоминали случай, как однажды, во время войны двигался обоз с ранеными с передовой в тыл. Вдруг налетели немецкие самолёты, стали бомбить. Земля дрожала от грохота, небо потемнело от взрывов, как в грозу... Эта лошадь, от страха, а может, потому, что была ум-

ной, легла в своей упряжке там, где стояла... прямо между оглоблей... Когда бомбёжка закончилась, она осталась живой. Долго потом помогала санитарам на фронте вывозить раненых. За её подвиги дали ей кличку Победа. Ухаживая за ней, колхозники заметили, что, заслышав раскаты грома, она всегда пыталась спрятаться куда-нибудь или залечь в укромном месте, в отличие от других, не обращавших внимание на грохот. Родившегося у неё жеребёнка называли Салютом. Так вот и он, наверное, похож на свою мать, которой уж давно нет... укрывшись где-то. Все тихо сидели и молчали, думая о пропаже. Возбуждение и любопытство на лицах сменилось искренним сочувствием.

— А мне папа тоже рассказывал, — начал я, — как на войне кони помогали бойцам таскать по плохим дорогам тяжёлые орудия, особенно через переправы. Без их помощи нельзя было быстро перевезти дальнобойные пушки. Однажды они подтащили одну к немецким укрытиям так близко, что ударили по ним прямой наводкой. Вместе с бойцами мой отец ворвался в траншею к немцам и застрелил из своего автомата восемь гитлеровцев. Его представили к награде — Ордену Красного Знамени, но вручить не успели. А когда закончилась война, его почему-то наградили за тот же подвиг Орденом Отечественной войны I степени. У папы есть ещё Орден Красной Звезды, много, много медалей, даже одна «За Отвагу». Рядом со мной кто-то удивлённо присвистнул.

— Ну, даёшь! А не врёшь? — допытывался всё тот же голос.

Я непроизвольно замолчал, осекся, вспомнив, что со своими друзьями не раз играл в «клепака» папиными медалями...

– Не вру, – слабо оправдывался я.

Дед Иван, хмыкнув, сказал:

– Война давно закончилась, а вы всё про войну да про войну...

Неожиданно яркий всполох молнии осветил небо. Вслед за ним над нашими головами, словно колесница, прокатился глухой раскат грома. Одна из лошадей, стоявшая рядом с костром, испуганно вздрогнула и дёрнулась в сторону. В её тёмных глазах отразился синий всполох, а вместе с ним какая-то безнадёжность...

Конюх, жалуюсь на поясницу, поднялся с земли. Прислушиваясь к ворчаниям грома, похожим на дребезжание пустой железной бочки на колхозной водовозке, примирительно сказал:

– Сегодня вам, ребятки, не повезло. Дождь будет. Не покатаетесь вдоволь на своих рахманных. Погода не задалась, будь она неладна!

Малышня обиженно задёрнула носами. Беспокойство от надвигающейся тяжелой ночи передалось всем. Тем более, неподалёку от костра, где мы сидели, был деревенский погост, который тишиной и безмолвием, рассказами о покойниках и оборотнях, пугал даже в дневное время. А тут ещё и тёмный лес шумел рядом, хранивший в байках зареченцев немало историй. Совсем свежа была в памяти одна из них. Кто-то из сидевших у костра, поддаваясь всеобщему страху, но, не признаваясь в этом, словно бравируя, сказал:

– А помните, тут недалеко в лесу есть место, где нашли тётку Марусю?

– Было такое, – подтвердил конюх и продолжил, – ушла она в лес, в тёмную чащобу, выбрала дерево с крепким су-

ком, да свела счета с жизнью. Её долго искали... Нашли... Страшно глядеть было... Теперь это место все обходят стороной. Считают дурной приметой собирать там ягоды и грибы, даже мужики не ездят поблизости рубить дрова.

В разговор включился его помощник Николай:

– Хватит нагонять страхи. Я вам расскажу случай, который со мной приключился, аккурат в этих местах. Шёл я однажды из Гамалеевки да немного припозднился, – и он взглядом обвёл ребят, – дорога через лес к Заречью, вы знаете, идёт мимо кладбища. Подхожу, значит, к нему, – продолжил он тихим, таинственным голосом, – страшно-вато мне стало. Вдруг вижу, прямо от могил люди какие-то идут мне навстречу. Подумал, батеньки, покойники поднялись! Лица у них светятся, рты горят... Сами все в белом... Ужас охватил меня, ноги онемели от страха. Я вправо – они вправо, я влево – они туда же, не дают прохода. Хотел закричать, язык одеревенел, дар речи потерял! Хотя и нехристом был, стал молиться Богу: осенять себя крестом от нечистой силы. Вдруг эти привидения рассмеялись... Оказалось, что это мои друзья решили так подшутить. Укрывшись белыми простынями, они взяли от сырого дуба в лесу гнилушки, которые светятся, как горящие угли, вставили их себе в рот, приклеили под глазами и вышли меня пугать. Ух, я зол был на них! Чуть не подрался, а ребята смеялись и потешались над своими выдумками.

Пока рассказывались разные, а подчас страшные истории, костерок то разгорался, то угасал, отбрасывая на окружающих отблески оранжевого пламени. Дед Шаройко, время от времени подкидывая дрова, поочерёдно посылал кого-нибудь посмотреть табун, а сам, укладываясь на рас-

кинутый зипун, или садясь на корточки, рядом с огнем объединял оставшихся рассказами...

К середине ночи в воздухе повисла особая тишина и духота. Природа словно заснула крепким сном. Если разговоры стихали, то в темноте не слышалось ни шорохов от крыльев ночных птиц, ни лая деревенских собак со стороны посёлка. Незаметно растворились, растаяли в потёмках отзвуки далёких песен и галдёж молодёжи, шумливо возвращавшейся из Гамалеевки с танцев. В этой затаённости причудливые очертания кустов становились пугающими. Туман, лежащий у их подножья, добавлял ещё большей загадочности. Он расползлся по земле подобно болотному духу, вышедшему навстречу людям. По всему чувствовалось, что после сильной жары, когда давно не было дождя, может разразиться гроза. Потемневшее до черноты небо подтверждало, что в эту ночь стихия нас не минует, хотя надеялись дотянуть до утра, чтобы не промокнуть до нитки в ливень.

Табун волновался, особенно жеребята. Они жались к кобылам, шарахались от любого шороха, изредка гикали тревожным ржанием. Раскаты грома катились всё ближе и ближе, а всполохи молний становились всё чаще и чаще...

В костре испеклась принесенная кем-то картошка. Мужики, палкой выкатывая её из-под тлеющих углей, называли нас по именам, чтобы никого не оставить без лакомства. Раздавали со словами:

– Ешьте, а то дождь пойдёт, всё здесь намокнет.

Отряхивая от горячей золы чёрные от дыма и копоти клубни, перекидывая с одной ладони на другую, чтобы не об-

жечься, дули на них изо всех сил, стараясь быстрее остудить. От картошки шёл аромат запёкшейся хрустящей корочки, сохранившей запах сгоревших берёзовых дров. Текли слюнки, хотелось скорее всё съесть. Немного остудив, разламывали этот тёмный комочек с белоснежной рассыпчатой вкуснятиной внутри. Обжигаясь, за несколько минут съедали.

Конюхи, если оставались картошины, не без удовольствия присоединялись к нам. Как только кто-то из мальчишек доедал свою порцию, его посылали посмотреть табун. Перед надвигающейся грозой особо заботились. Где лошади? Не ушли ли в лес или на траву?

Когда после рассказов вновь подошла моя очередь, мне уже не хотелось отходить от костра в кромешную темноту. Казалось, что только огонь помогал справиться с нечистью, которой была наполнена ночь. Но отказываться было нельзя, иначе в следующий раз в ночное не возьмут и не разрешат покататься на лошади. Усевшись на свою кобылёнку, поехал в паре с Лёником в сторону леса, где пасся табун. Ехали не спеша. От вспышек молний всё вокруг на мгновение освещалось дрожащим светом. Постепенно ветер стал подниматься всё сильнее и сильнее, свистя в лапах еловых деревьев. Кобыла подо мной, опустив голову и вздрагивая, еле плелась.

– Но-о-о! Пошевеливайся! – кричал я, подбадривая этим окриком себя, своего товарища и лошадку. Дёргал за узду и ударял босыми пятками по её бокам.

Мы хотели поскорее объехать табун, поспешая вернуться к костру до начала дождя. Гроза была уже совсем близко, над нашими головами тучи надвинулись чернильной шубой. На подъезде к пастбищу увидели, что кони, сбившись в гурт, тихо стояли в прохладе ночного ветра, где не было гнуса и

оводов, отдыхая после кормёжки, а некоторые, лёжа и перекатываясь через спину, утробно издавая звуки и вскидывая копыта, выколачивали паразитов. Ветер всё крепчал. В небе совсем не осталось просветов, их затянули растрёпанные, косматые тучи. Сгущаясь, они неслись по низко опустившемуся небу, гнались за бледной луной, а та, словно испугавшись, плыла, уворачиваясь от них из последних сил.

– Будет ливень, – сказал Лёник, – конь подо мной всхрапывает, будто что-то чувствует.

– Лёнь, давай назад возвращаться. Вдруг сейчас вольёт! Как бы мы с тобой табун не взбудоражили.

Постояв поодаль от табуна, развернули лошадей, решили вернуться к костру. Теперь ветер с большей силой уже дул навстречу, бросая в лицо влажный воздух с пылью. Он взметал с земли остатки мелкой сухой травы, кружа их в воздухе, хлестал ими по лицам. В какой-то миг острая молния полоснула по тучам, разверзнув мрак ночного неба. Над головами грянул оглушительный треск грома. Совсем скоро стали падать сначала редкие, потом, словно из решета, полились крупные капли дождя, а затем хлынул настоящий ливень. Дождь, подхваченный ветром, буйствовал всё сильнее и сильнее. Табун лошадей давно скрылся из виду. Костёр, манивший нас мерцанием вдали, погас. В крошечной темноте мы двигались наугад, зная, что недалеко от кострища есть старый блиндаж, где могли укрыться пастухи и пастушата. В нём уже не раз многие спасались от непогоды.

Сидя на лошади, ничем не защищённый, я сразу же промок до нитки. Небо, вода и земля – всё одновременно перемешалось. Дождь, выбивая пыль из травы, наполнял землю влагой. Силуэтов лошадей, контуров леса, окрестных полей

давно не было видно за завесой воды. Она струями лилась за шиворот летней одежки, прилипшей к спине, холодила тело. В темноте, ослепляя и рассекая грозовые тучи, сверху вниз летели одна за другой огненные, ветвистые молнии, казавшиеся в ночи фантастическими живыми существами, сметающими всё на своем пути. А вслед за ними каждый раз слышался необыкновенный, сокрушительной раскат грома. Не успев затихнуть у горизонта первым ударом, уже следующим с неистовой силой вспыхивал вновь.

Всё вокруг было заполнено нескончаемым грохотом, сопровождаемым новыми взмахами молний, в сполохах которых видел Лёника, пытавшегося подогнать, промокшего до костей коня. От каждого удара моя лошадь, вздрагивая, прижимала уши. Я дёргал озябшими руками мокрый, скользкий повод от уздечки, торопя свою Рыжую, стараясь не отставать от напарника. Косыми, тяжёлыми потоками ливень хлестал по высохшей, жаждущей влаги земле, по мне и моему другу, по лошадям. Вокруг всю хозяйничала гроза. В ярком мертвенном блеске молний лес до жути казался сине-голубым, неживым. Никогда не забыть мне, как, вздыбливая и кроша под ногами стерню, неповоротливое животное с отчаянием подчинялось моей воле, в кромешной темноте, почти вслепую, вытягивая тело, словно уж, несло меня на своей спине. От усердия лошадки отчетливо слышалось ёканье её селезёнки. Судорожно вцепившись в мокрую гриву рахманой, я почти лежал, втянув голову в плечи, потеряв ощущение опоры под собой, боясь упасть под копыта и оказаться один на один с грозовым небом, которое норовило придавить к земле и смять меня вместе с лошадью...

Наконец мы добрались до блиндажа, оставшегося после войны. Сквозь шум дождя слышали приглушённые голоса ребят. Спрыгнув с коней, быстро забрались к ним.

– У, какой дождина! – в один голос с Лёником, дрожа от озоба, прокричали мы в темноту укрытия, давая знать о возвращении.

В ответ слышали голос деда Ивана:

– Какой щедрый дождь! Теперь у всех будет урожай, наши огороды спасены!

Мы не понимали его радость, что тут хорошего в этом ливне, который налетел лавиной и испортил наше ночное... Отжав рубашки от воды, слушали раскаты над головой и дожидались окончания буйства стихии...

Постепенно гроза утихомирилась. Гром гулял уже неохотно, лениво. В промежутках между рокотаниями наступала длительная тишина, после чего он осторожно разбрасывал по округе множество гремящих кусочков своей силы и вновь затухал... Дождь уже не лил, а тихо сыпал из сереющих туч. С грозой таяла и ночь. Выбравшись из блиндажа на набухшее от воды поле, увидели, как темнота, уходя, тихо рассеивалась по траве. Утренняя свежесть приятно ласкала прохладой синеокой росы.

Июньские ночи самые короткие! И в это утро небо быстро светлело, становилось прозрачно-сиреневым, ласковым, отчего притягивало взгляд бездонной глубиной. Промытое грозовым ливнем, оно играло чистыми праздничными красками. В предрассветной заре просвечивались перистые облака, отражаясь в мелких лужицах и в ближайшем к нам болоте между островками кардовника. Быстро

яснел за лесом горизонт, на котором чётко вырисовывались узористые кроны деревьев.

В моей распахнутой душе эти искорки ясного утра звучали предвестием неиспытанной радости нового дня. С его наступлением забыл о ночном ливне и раз за разом вспоминал только катание верхом на лошади, картошечку из костерка, рассказы о войне, о леших на болотах, о воскресших привидениях на деревенском погосте. Взрослея, не раз мечтал об очередной поездке в ночное, чтобы вновь испытать неуёмное любопытство, тягу к свободе и единению с природой. И, конечно же, к общению с прекрасными помощниками людей – лошадьми.

Сейчас уже мало кто знает, что значили для взрослых мальчишек скачки наперегонки друг за другом на неосёдланных лошадях, купание вместе с ними в речных заводях, заплывы с конём на глубину, преодоление чувства рубежа, осознание своего Рубикона, зримое ощущение грани между днём и ночью, между обыденностью и романтикой, которые отделяют тебя от привычного мира... Теперь и самому с трудом верится, что всё это было. Там, где носились на лошадях в далёком детстве, всё стало неузнаваемым. По заросшим полям, по опушкам и низинам леса не определить, где что происходило. Все сошлось, размылось в одной длинной отчуждённой картине под названием «Жизнь», только без людей... Видишь, понимаешь и не можешь ничего вернуть... До сегодняшних дней пытаюсь понять, каким образом можно проникнуть в удивительную тайну «ночного», заставляющего по сей день звучать, радовать запахами и красками, манить загадочностью и волновать самые потаённые струны моей души...

ГОРЕЧЬ ЯГОДНОГО ВКУСА

*Поют ветра июльским зноем,
Плывёт от ягод аромат,
В лесу встречаются сосны строем
С лукошком девочек, ребят.*

*На солнце светится рубином
Из красных ягод хоровод...
И гуд стоит, что рой пчелиный...
Мне снится всё из года в год.*

Ягоды... От одного этого слова изливается вкуснейший аромат прокалённых солнцем травяных просторов, приятный сенной запах. Из доверху наполненных лукошек, пропитанных летом, неукротимо веет сладким знойно-душистым настоем малины, земляники, черники... Время созревания ягод – это череда дней трёхмесячных школьных каникул, вольница для детей, особенно сельских. Три месяца кипучих событий, интересных игр, работа в лугах на сенокосе – до дождей скопнить и уложить в сарай высушенное сено, чтобы оно не потеряло хруста и духовитости. Вскарabкавшись на воз, перевозить, а затем таскать, утапывать его на сеновале, принимая пушистые навильни от отца до тех пор, пока на самом верху, где крыша сходится стропилами, царапаясь затылком о незагнутые гвозди, о шершавые сучки обрешётки, радоваться заполненному доверху чердаку. Носить воду из болота или колодца для огорода, поливать ею грядки с пожухлой картофельной ботвой, рассаду с неокрепшими листочками, чтобы от влаги налились зелёные в пупырышках

огурцы, красные, с росистым инеем внутри помидоры, кочаны капусты, сочная морковка... Да мало ли чего!

А над посёлком в это время висит июльский неподвижный зной: ни ветерка с белёсого небосвода, ни капельки дождя... Солнце в такие дни, накалившись, точно пышущая жаром сковородка, парит и дрожит в летнем мареве, уводя в бескрайность расплывчатый горизонт.

В лесу, на его опушках, впитывая теплынь, благоухает разноцветье. Духовитость ягодных полян заполняет терпкой волной воздух, витая над всей округой. Как же хотелось тогда, как у нас говорили, «сходить в ягоды», добраться, в числе первых, до потаённых мест, не упустить случая собрать побольше, чтобы мама заготовила их впрок. Вкусная добавка, ой как хороша была в зимние дни, чтобы вылечить простуду, а то и просто вкусить сладкое лакомство. Если удавалось продать излишки этих вкусоностей, то получался дополнительный доход семье, на который можно было приобрести одежду или нужные вещи...

* * *

Как только начинали появляться первые белобокие, ещё «зелепупые» ягоды, мы начинали канючить у родителей, чтобы разрешили отправиться за ними в лес. Отец не сразу соглашался, ворчал, ссылаясь на незаконченную работу:

– Вот уберём сено до дождей, тогда пойдёте. Ягоды ещё не созрели. Никуда они не денутся! – резонно заключал он.

Соглашаясь, мы ждали. Наконец, наступало время для сбора. И стар, и мал с туесками, вёдрами, кошёлками тянулись на согретые солнцем поляны или на окрайки болот.

...Вспоминается один из таких дней, когда с сестрой Диной махнул за ними. Накануне за ужином мама, со слов соседок, поведала, что в лесу уже созрели «красные» и «черные» ягоды, так она называла землянику, чернику, что пора бы нам тоже отправиться в лес.

Поговорив между собой, решили сходить за «чёрными» в Гай, надеясь, что там-то ещё никто не побывал... Чтобы не идти так далеко одним, минуя Трестенец с лесными лугами, речку Гнилая, над вечер сестра сходила к своей подруге Нюре и пригласила её с братом Шуриком – моим другом, составить нам компанию. Та немедля согласилась. Сёстры заранее условились между собой никому не рассказывать о нашем походе.

Вечером, перед сном, приготовили для леса тару, одежду. Легли пораньше спать. На следующий день мама разбудила меня рано утром. Дина уже хлопотала у стола, собирая в дорогу нехитрый завтрак. В чистом летнем платье, с накинутым на плечи джемпером она сновала от стола к печке, доставая оттуда вчерашнюю снедь, оставшуюся от ужина. Откинув полог тёплого уютного одеяла, я тут же, стряхнув остатки сна, слетел с печки. Быстро натянул лёгкую рубашку, в которой ещё спала зябкая утренняя прохлада, сунул ноги в штаны и обул брезентовые ботинки, удобные при ходьбе по траве, особенно в росную пору. Они быстро намокали, если ступать в них по болотистому месту, но с ног не спадали, зато от ветра, сухой травы тут же высыхали.

Усевшись с сестрой за стол, наскоро перекусил. Увидев в окно входящих через калитку Нюру с Шуриком, надвинул на затылок кепку и, не дожидаясь Дины, вышел во двор. Мой друг, в светлом картузе, с отложным воротом рубашке,

заправленной в полинялые портки, широко вышагивал вслед за Нюрой. Она, осторожно ступая по двору, придерживала, оберегая от росы, подол длинной юбки, поверх которой ниспадала вязаная кофта. В такой одежде девушка выглядела старше своих лет. Поприветствовав друг друга у порога хаты, мы стали ожидать мою сестру. Немного погодя, она вышла вместе с мамой, держа в руке ведёрко и тканевый платок, чтобы на обратной дороге прикрыть им ведро с ягодами, защищая их от сора и просыпания.

Дина протянула мне трехлитровый алюминиевый бидон, кружку и небольшой узелок, в который собрала немного еды. Взяв свёрток, я, как это делал мой дедушка, привязал к нему бечёвку и словно рюкзачок закинул за спину. Там угадывалась краюха хлеба, бутылка молока, что-то ещё. Провожая всех до калитки, мама поучала быть осторожными.

Улица встретила нас ранним безлюдьем. Сонные хаты тихо досыпали в предраассветной неге. Не топились печи, пастух не собирал скотину вдоль посёлка для выгона её на приречный луг. Только где-то на краю деревни, хлопая крыльями, кукарекали проснувшиеся петухи, в другой стороне им отвечали неугомонные собратья. На пути вдоль тропки, через жерди у забора соседского подворья, перевалились к дороге отяжелевшие за ночь кусты тёрна, сирени, бархатистые макушки жгучей крапивы, мешавшие своей мокротой пройти мимо, не затронув росную зелень. Обогнув их, перешли на проезжую часть дороги. Солнце пока ещё дремало за горизонтом. У Лакалиного болота стелился туман, заволакивая низину от бугра до самого погоста. От обильной росы кругом никли цветы вездесущей пастушьей сумки, сныти, тонконогих колокольчиков.

Чтобы не привлекать к себе внимание односельчан, мы тихо прошли мимо домов, вполголоса обсуждая, как быстрее добраться до ягодных полей. Впереди вышагивали старшие, за ними – Шурик, а я, как самый мелкий, замыкал шествие. От дремавшего вокруг сумрака было так тихо, что мы боялись даже кашлянуть. И потому из подворотен на нас не гавкнула ни одна собака.

Дорога, поворачивая вправо, проходила почти у самого кладбища. В утренних сумерках в его глубине мерещились странные тени, от которых становилось страшновато. От темнеющих вдалеке заросших болот веяло сырой прохладой ночи. У Шубкина Натдатка, подбадривая друг друга, двинулись в предрассветную чащу. Ельник и орешник встретил нас тёмно-мохнатыми, мокрыми росистыми ветками. Под ними дорога была сильно растёрта колёсами телег, так, что пыль вперемешку с песком, словно серая мука, лежала кругом толстым слоем. Вдоль обочины валялись небольшие клочья потерянного высохшего сена, когда его перевозили с дальних луговин в посёлок.

Следов людей не было видно, радовало, что мы в Гай шли первыми. Потихоньку светало, как-то лениво занималась утренняя заря. В просветах верхушек деревьев оранжево-сиреневой дымкой неторопливо прояснялось небо. Плотных облаков на поалевшем куполе небосвода почти не было. День обещал быть солнечным, по-летнему жарким, а пока среди деревьев гулял сквознячок, приносивший запахи приторно-сочной зелени. Дорогу за ночь вдоль и поперёк истоптали лесные животные. Чётко виднелись следы кабанов, вереницей пробежавших в сторону болота. Поодаль

отпечатались копыта лося. Пыльные ложбинки пестрели тонкими чёрточками от лапок мелких птиц, видимо, собиравших какие-то просеянные семена, упавшие с возов.

Идти по пыльной дороге было неудобно, часто переходили на травянистую обочину, хлюпая враз промокшей от щедрой росы обувью. Шли кучкой, не отставая друг от друга, путаясь ногами в траве, местами пригибаясь, чтобы пролезть под наклонившимися ветками. Как только я цеплялся за сушья кепкой, тогда с листвы вываливались мне за воротник ледяные струйки воды. Вздрагивая от них, ёжился, а потом затаённо ждал, когда они, стекая по шее, согреются на спине. Ко всему докучала тонкая паутина, сплетённая пауками за ночь, расставившими свои охотничьи сети для ловли насекомых, которая мягкой, невидимой вуалью прилипала к лицу. С наступлением яркого рассвета туман всё ниже опускался к земле дымчатой куделью, а через некоторое время он совсем растворился среди потаённой растительности.

Пройдя лесом два километра с гаком, оказались у Коровьего болота, а чуть погода свернули с тропинки на просторное место. Когда-то тут мой дед, будучи помоложе, обжигал кирпичи, готовя их из глины и песка, залежавших неподалёку на небольшой глубине, почти что под ногами. Теперь эта луговина поросла мелким кустарником да молодым березняком. Охристая земля покрылась буйно разросшейся крапивой, была испещрена короткими норками, задёрнутыми паутиной. От прошлого производства остались только бугры да ямы.

Покрутившись на месте бывшего «кирпичного завода», вышли на едва заметную, прерывисто плутавшую среди кочек стёжку, тянувшуюся тонкой ниточкой, будто мышиный хво-

стик, к реке. Накатанная дорога давно закончилась. Под ногами чавкала болотная вода. Чтобы меньше черпать её обувью, все пытались перепрыгивать с кочки на кочку. Промажнувшись, по щиколотку утопали в дряблой болотной грязи, смешанной с осокой. Мы с Шуриком скакали впереди, прокладывая дорогу, а девочки, подражая нам, спешили следом.

Когда вышли к реке, уже совсем рассвело. От парившей утренним туманом воды, от росистой мокрой луговины, разливавшей до одури густой запах созревшего разнотравья, от сочных красок лета слезились глаза. Обширное побережье, с поднявшимся явором, среди которого свечками торчали желтовато-коричневые метёлки их соцветий, расплывалось в томном голубом мареве. Было интересно смотреть на разноцветье оттенков зелёно-изумрудного цвета: от ярких до пепельно-прозрачных, сливающихся ближе к горизонту в сплошную радужную ширь...

Из созерцательного состояния вывел резкий шум. Неожиданно, прямо из-под ног, напугав нас, во всю прыть, покидая место ночёвки, устремился к воде выводок диких уток. Шуманув крыльями, старая утка, рассекая грудью прибрежную осоку, переполошенно крикая, неуклюже плюхнулась в воду, а за ней стали падать совсем маленькие утята, запоздалого вывода... Страх подгонял семейство, крошки гребли изо всех сил лапками.

Оказавшись подальше от берега, тихонько покачиваясь на едва заметных волнах, они вскоре успокоились.

Множество птичьих голосов постепенно заполняли проснувшийся на заре день мелодичной звенью. Мы с Шуриком, прибежав к берегу раньше сестёр, стали шалить. Бросались посудой для ягод, салили друг друга, ставили

подножки... Это местечко было для нас не ново. Сюда не раз, взяв кусок хлеба в карман, прихватив самодельные удочки, приходили ловить рыбу. Часами лазили в реке вдоль подмытых берегов, ловя в печарах раков, бегали по мелководью, брызгаясь студёной водой. Шмыгая носами, пробовали купаться, пугая мальков и диких уток, пуляли камешками по воде... Так интересно и весело могли провести весь день, до темноты...

Подошедшие девочки, шикнув, утомили нас. Надо было перебираться на противоположный берег по шаткой кладке, сложенной из трёх длинных, прижатых друг к другу хлыстов, перекинутых на мелководье от одного берега к другому. Стали дружно искать себе палки для опоры или балансира. Обшарив кусты, кто-то нашёл старую корягу, а кто-то выломал себе из засохшего ивняка «посох». По очереди принялись переходить беспокойную речку. Гнилая, пенясь, звеня и что-то бормоча, лизала потемневшие брёвнышки, норовя окатить наши ноги ледяным веером брызг. От бирюзовой воды, бурлящей вокруг переправы, слегка кружилась голова, дрожали коленки. Но вот всё позади... На другой стороне Дина набрала про запас в бидончик воды из реки, а Нюра припрятала в кустах наши палки, чтобы на обратном пути не искать новые.

Оживившись от переправы, девчонки заспешили впереди нас по утопанной дорожке к видневшемуся вдаль Гаю, а мы с Шуриком, продолжая озоровать, семенили позади, стараясь поспевать за ними. От нашего шума тропинку несколько раз пересекали, испугнутые нами, змеи. Отогретые после ночного сна, они стремглав исчезали в при-

дорожной траве, изумляя проворностью и гибкостью лакированных тел. Паники им добавлял Нюрин и Динин визг...

Обогнув очередное болотце, вскоре оказались у косогора, поросшего вековыми соснами. Они встретили нас величавым безмолвием. Кругом стояла теплынь, царило приветливое, яркое лето, наполненное гудом надоедливых комаров, толкотнёй мошек, ровными столбиками витавших в просветах солнечных лучей. Где-то в чаще спозаранку долбил труженик-дятел... разливая мерное тук-тук... Над головами, распростёрши во всю ширь пёстрые крылья, парили ястребы, высматривая добычу... Каждый, как и мы, был занят делом...

На окрайке лес был редкий, но чем глубже мы заходили, он становился плотнее, выше, превращаясь в настоящий бор. Сосны, задирая под самое небо пушистые космы-кроны, светились длинными, прямыми, точно свечки, янтарно-смолистыми стволами. Полянками густой зелени чернел между ними молодой ельник. Среди такой благодати грибов в осеннюю пору бывает видимо-невидимо. Особенно маслят. В Заречье, толи от незнания, а может, от великого богатства, собирали не все съедобные грибы, брали только белые – боровички, молодые подберёзовики, подосиновики, лисички, опята, остальные вовсе считали «мышинными», то есть несъедобными. А посему, двигаясь по хвойному насту, никто из нас не обращал внимания на красивые, влажные от росы валуи, даже если они попадались прямо под ноги. Мы торопились за черникой. Тонкий, волнующий аромат от неё, витая среди смолянистого запаха хвои, дополнялся привкусом опавших прошлогодних листьев, которые, согревшись под лучами солнца, слегка парили, перепревая под влажной лесной подстилкой.

Шли без дороги, обходя завалы, упавшие деревья, пересекая бугористые места. Наконец, показались увлажнённые низинки. Тени от высоких деревьев, струясь по впадине, образовывали здесь причудливые пятна. Влажный ягодник, будто из восковых листьев, расстился сплошным ковром, по которому россыпью, несчётно мерцая чёрно-матовыми боками, красовалась спелая черника. Она, нетронутая прикосновением рук, зазывала к себе духовитой, притягательной красой, окутанной беловатой, как иней, бархатной, почти невидимой дымкой. Остановившись у края поляны, стали ликовать. – Ура! Тут ещё никто не побывал! Мы первые! Значит, сегодня все ягоды будут наши!

Чтобы не топтаться бес толку, не мешать друг другу, Дина приказала разойтись всем по полянке. Сбросив со спины в траву мамин провиант и поставив на землю рядом с ним бидон, я пошёл с кружкой собирать черничку. Через мгновение слышались звуки падающих ягод, заполнявших ведёрки, бидон, кружки.

Первые чернички, конечно же, горстью отправил в рот. Руки сразу запахли лесом, разметавшимся повсюду ягодником. Этот неповторимый утренний, свежий вкус зрелых ягод ни с чем несравним для меня по сей день... Вдоволь наевшись, стал собирать их впрок. Особой аккуратности в сборе черники я не проявлял. В кружке вместе с ягодами почему-то оказывались листочки, веточки, сосновые хвоинки. Когда дул на них, часть сора улетала, но всё равно много оставалась. Как только заполнялась моя кружка, тут же нёс Дине. За заметную прибавку черники в её ведре она всегда хвалила меня.

Птицы уже всю громкоголосо славили утро. Пробудившееся солнце ласково растекалось золотым светом по нашим спинам... Ближе к обеду стало совсем душно. Лёгкий ветерок, достигавший земли от верхушек деревьев, больше не охлаждал, моя согнутая спина затекла, стал ползать на коленях, ложиться на живот и так, лёжа, собирать ягоды, распугивая круживших над головой оводов, бесчисленные комары, мелких диких пчёл. Хотелось мне или нет, но всю посуду, приготовленную для ягод, надо было набирать доверху. Распарившись от жары и усердия, девочки к полудню тоже подустали. Посоветовавшись, решили сделать перерыв, немного перекусить тем, что принесли из дома.

Собрались в дрожащей тени небольшого куста на краю полянки. Поливая из бидончика, умыли лица, руки, намочили затылки нагретой речной водой. Очухнув, уселись на мягкой мшистой траве, выложили припасы. С двух узелков получился приличный обед. Молоко, домашнее сало, сваренные вкрутую яйца, хлеб и зелёный лук с солью на свежем воздухе, наполненном запахом ветра, были просто обворожительны. Не сговариваясь, мы с Шуриком жадно стали уплетать еду, забыв о сёстрах. Наевшись, тут же повалились на спины в траву, сбросив обувь с покрасневших от цыпок и распаренных от сырости ног. Нюра с Диной, напротив, соблюдая только им присущую сдержанность, девичью размеренность, продолжали есть не спеша, рассказывая вполголоса услышанные из охотничьих баек истории о медведях, лисах и прочих лесных обитателях.

Полёживая на мягкой траве, глядя в безбрежную высь, вставать не хотелось... По блёклому от солнцепёка небу

плыли едва заметные облака. В верхушках сосен шумел летний ветерок, издавая среди хвойных иголок мягкий свистящий звук. От его дыхания одинокий травяной стебелёк, смешно щекоча, легонько тёрся о мою щёку. Прячась от раскалённого солнца под сенью орехового куста, испытывал сладостное, удивительно счастливое чувство от невыразимо беспечного своего существования, от замысловатых солнечных зайчиков, бегавших по лицу. Под оглушительный стрёкот кузнечиков, под шуршание трав хотелось спать...

Но надо было идти собирать ягоды... Со временем вёдра, бидоны наполнились доверху. Руки, зубы, языки от черники были тёмно-фиолетового цвета. Оскомина выдавала, что все наелись до отвала.

Повязав поверх ведёрок чистые платочки, чтобы не просыпать ягоды, усталые, но довольные, отправились в обратный путь.

По дороге сёстры болтали без умолку, рассказывая, как с пацанами ночью лазили в чужие сады, добывая ещё не созревшие груши, как бабка Мотя, охраняя свой огород, напугала их... Слушая девчачьи разговоры, хихикая и толкаясь с другом, незаметно пришли к реке. В кустах нашли спрятанные Нюрой палки для перехода. Перед переправой решили отдохнуть на побережье. Полные вёдра уже оттянули руки, а животы, набитые ягодами, давно просили есть.

Берег речки плотно обступала жёсткая, густая болотная трава, в некоторых местах торчали окорявленные деревья. Выбрав местечко с облысевшим прогалком, уселись рядком. Девочки достали остатки хлеба, лук, кусочек подтаявшего от жары, солёного розовобокоего сала с запахом дубовой бочки...

Сидя почти у воды, на тёплой, прогретой за день земле, беспечно болтая о чём-то, мы с аппетитом умолотили всё съестное, запивая из кружек речной водой, от которой ломили зубы. От солнечных лучей, скользивших по воде, на небольшой глубине просвечивалась даже дно. Вся подводная жизнь с берега была видна как на ладони. Мелкая плотва, серебристые голавлики, пронырливые пескари с опаской мотались у берега, следя за притаившейся в зарослях водорослей небольшой, стоявшей там почти неподвижно щучкой. Чуть поодаль на охоту из норы-укрытия выполз рак. Место для этого он выбрал под старой корягой, приплывшей сюда, наверное, ещё во время половодья или ливневых дождей по весне. Затаившись, рачище полураскрыл огромные пупырчатые клешни, ожидая жертву, только его усы-антенны шевелились в чистых речных потоках, выдавая затаившегося охотника.

В бесшумной заводи, обрамлённой у берега камышами, от лёгких дуновений ветерка, наполнив чашечки с лепестками, словно курочки-пеструшки разбрелись белые лилии. Вместе с торчавшими кубышками золотистых кувшинок они образовывали уютный затончик. На широченных листьях лилий, похожих на сердечки, будто на большой жаровне, грелись лягушки-кабанцы, маскируясь под цвет водорослей. Раскинув лапки, они сладко нежились в тёплых лучах солнца, ровно дыша, смешно двигали светлыми брюшками, прикрывая от удовольствия пучеглазые глаза.

Вскорости, бесшумно, без единого всплеска, приподняв голову с двумя жёлтыми пятнами, у берега проскользнул уж. Его атласное, немногим большее полуметра тело,

извиваясь, производило магическое действие. Проплыв через вир, змея потерялась из виду в редком лознячке, ма-кавшем свои ветки прямо в воду.

Время неумолимо бежало вперёд, пора было перебраться на другой берег. Только стали приближаться к брёвнам, как вдруг раздался странный крик, похожий на плачь какого-то непонятого существа. От неестественного звука по спине пробежали мурашки. Оторопев, мы замерли... Звук шёл из куста, куда уплыл уж. Любопытство взяло верх. Стараясь не галдеть, на цыпочках подошли ближе. Поравнявшись с кустом, поняли, что это кричит одна из лягушек, недавно сидевшая на широком листе, беззаботно ловившая неосторожных стрекоз.

Уцепившись передними лапками за опустившуюся в воду ветку лозы, квакушка утопала одной задней в пасти ужа, а другой яростно отбивалась от охотника, который хладнокровно, безжалостно заглатывал её тело. Она отчаянно сопротивлялась, надувалась, как шар, готовый вот-вот лопнуть... Мы стали искать длинный дрын, чтобы отогнать хищника, помочь лягухе, но на берегу была только трава, да наши балансиры для перехода через кладку. Одним из них стали бить по воде. Почуввав опасность, змея вдруг бешено завращалась в воде, отчего поднялся пенистый водяной бурун. Через мгновение всё закончилось, она вместе с жертвой скрылась в глубине...

Удрученные увиденным, мы перешли по кладке на другой берег. Молча двинулись в сторону посёлка. Река осталась позади, легонько виляя то вправо, то влево. Всем было жаль кабанца, хотя сами ловили их не раз для приманки раков.

Минуя лесные заросли, перед выходом на гамалеевскую дорогу, ведущую к Заречью, молчание нарушила Дина: – А, может, зайдем, посмотрим на нашем месте «красные ягоды»? Наверняка, за ними ещё не ходил никто сегодня, – подытожила она.

Уставшие от дороги, от тяжёлых нош, все молчали, представляя, как понесём ещё и «красные ягоды». Словно угадав наши мысли, Дина продолжила:

– Мы только посмотрим, собирать больше не будем, лучше завтра пораньше придём...

Её слова оказались решающими. Согласившись, повернули в сторону Кобыльего болота. Путаясь ногами в лесной траве, обходя муравьиные кочки, двигались к знакомой лужайке. Совсем скоро, ещё не видя её, почувствовали знакомый аромат земляники, заполнявший прогретый лесной воздух пьянящим запахом... Мы с Шуриком, переглянувшись, поняли, что зря согласились, наши сёстры не упустят шанс, захотят хоть немного собрать и красных...

Выйдя на полянку, обомлели. Ягод было вокруг, как сказал бы отец, «хоть косой коси». Оставлять такую красоту не хватило сил даже у нас пацанов. Пришлось сделать на скорую руку из коры осины пару объёмных, литра на два, туесков для ягод...

Солнце клонилось уже к горизонту, когда самодельная посуда тоже была заполнена. Наступало предвечерье. Сосны в глубине опушки стояли как в огне. От них, будто изнутри, исходило пунцовое сияние. Так мерцают пышущим жаром угли костра. Вся ягодная поляна пламенела в лучах уходящего дня. Надо было скорее выбираться из зыбких сумерек ле-

са, в котором даже в летнее время темнеет быстро. Покидая полянку, наскоро нарвали ещё ягод с веточками, для заварки чая. Такие пучки отец не раз приносил в дом после сенокоса. Закашивая делянку, он находил в траве много срезанных стебельков с крупными рубинками-бусинками, собирал их в пучок, перевязывая тонкой былинкой тимофеевки. Раззадорив дома всех аппетитной вкуснятиной, просил кого-нибудь из старших детей сходить на его место «в ягоды», а заодно покосить скошенное...

Голодных, загорелых нас встретила мама на пороге дома. Увидев полные вёдра, с удивлением всплеснула руками:

– Да, где же вы набрали столько! Наверно, всё собрали, никому не оставили...

– Нет! Ягод в лесу видимо-невидимо, – воскликнули мы. Мама в ответ только кивала головой, умиляясь на своих помощников. Несмотря на усталость, мы с Диной наперебой рассказывали, где были, что видели в лесу и на реке. Слушая нас, она быстро приготовила ужин.

Перебрав от сора часть красных ягод, растолкла их, залила холодным, принесенным из погреба молоком, подала к столу на десерт... Так она не раз готовила малину, красную смородину, ежевику, собранную у речки, а на болотах – голубику, костянику, клюкву... Два брата, младшая сестрёнка тут же накинулись на душистую вкуснятину, а мы с Диной радовались, глядя на их возню...

Умаявшись за день, я рано улегся спать. Не заметил, как закрылись глаза. В сознании мелькал лес, черника, земляника... пахло смолистым бором, ягодами, у самых ног журчала речка ... Как заснул, не помню...

* * *

Запахи ягод неповторимы! Они прошли из детства через многие годы, оставшись в памяти навсегда ароматом моей малой родины.

Через много лет, в один из летних дней, возвратился в родные места. Захотелось вновь ощутить то далёкое, ягодно-счастливое время... Оставив машину у обочины, поросшей высоким чертополохом, пошёл вдоль бывшей улицы. Свернув в проулок, взглянул на усадьбу со стороны огородов. Подставляя лицо бьющему навстречу заходящему солнцу, поднял глаза, надеясь рассмотреть конёк знакомой крыши, тонувшей когда-то в зелени сада. Но вместо него увидел только одинокую грушу, росшую когда-то подле хаты, а сейчас маячившую потресканным стволом над крапивой, среди иссушенных временем и ветром некогда цветущих яблонь отцовского сада.

С тоской в сердце подошёл к печной трубе, торчавшей неприкрытой наготой над остатками битого кирпича да распластанной по земле окаменевшей глиной. Обвалившийся рядом погреб напоминал могилу находившегося когда-то здесь живого подворья. В воздухе витал запах гари, давно погасших кострищ, испепеливших всё вокруг...

Клочок территории теперь виделся таким маленьким, беззащитным. Безвременье сжало его в комок размером с моё сердце. От бывшего добротного дома проглядывал только контур фундамента, у стены которого тогда на бревне, заменявшем скамейку, приятно было отдохнуть после походов в лес, наблюдать за дедом или отцом, рабо-

тавших у верстака, бросать курам крошки хлеба или взятые в ларе зёрна, а потом удивляться толкотне глупых несушек, собиравших корм вместе с воробьями, слетавшими из-под застрехи на пиршество.

Теперь здесь стояла тоскливая пустота. В густом чернобыльнике валялись остатки закорюченных сапог, почерневшего мха, клубки пеньки, которым когда-то конопатили стены хаты, бани. В воздухе витал неприятный душок тлеющей деревни... В жутком молчании под неприкрытым жарким небосводом мертвенно скалились из земли голые остатки разрушенных домов, остывая от людей. Уныло, однообразно было здесь среди высокой травы. Только на краю посёлка, у погоста, чистотой, яркой белизной теплилась жизнью берёзовая роща.

Хотелось верить, что это дурной сон. А когда он пройдёт, то вновь окажусь невдалеке от дома, где-нибудь на краю ягодной опушки, где даже стволы деревьев и сегодня светятся нежным сиянием жизни, прозрачной дымкой курятся лесные болота. Не теряя надежды, думал, что, уткнувшись лицом в траву, под оглушительный стрёкот кузнечиков, услышу шум ветров в высоких кронах брянского леса, вновь буду до одури дышать ягодным ароматом трав...

Но сейчас, в свистящем на просторе ветродуе, ощутил лишь миражное чувство растерянности от безвозвратности ушедшего времени, а вместе с ним и людей. Длинным усталым шелестом свистит он в засохших ветках зареченских одичавших яблонь, не встречая на пути преград. Даже небо словно отпрянуло от земли, высоко приподнялось ввысь, взирая оттуда на пустой разлохмаченный простор... От

прошлого, как укор, остались ещё две берёзы, росшие напротив усадьбы. Грустно лепечут их длинные висячие ветки. Они, будто ниспадающие волны, нависли над бывшей дорогой... Дальше за ними только пустырь, засеянный кормом для завезённых с запада коров и быков.

Кроток, тих теперь день на зареченских подворьях. Станный вздох ушедшего в небытие посёлка чудится в этой тишине... Ничего я в жизни так не любил, как лес, с окружавшими его куртинами, полными грибов, с травянистыми знойными ароматами ягод, умытых росой и дождями, где разноголосо заливалось несчётное количество певчих пернатых... В молчаливо-одинокой грусти, затуманенные нежной вереницей времени, проходили по душе чувства счастливыми воспоминаниями, уводя всё дальше и дальше, в вышину мироздания, от которой невозможно оторваться...

ТЕНЬ ИЗ ПРОШЛОГО

*Глаза искрились диким светом
Огромный зверь шёл по тропе,
Волк потерял подругу где-то,
И угрожал теперь он мне.*

*Беда подкралась снежной ночью,
Ужасным мог быть тот финал, –
Не разразись вдруг внеурочно
Дворняг зареченских кагал.*

В Заречье, где я жил в юности, не было школы. Окончив Валуецкую восьмилетку, мне захотелось получить среднее образование. Желających продолжить учёбу вместе со мной среди сверстников посёлка не было. Пришлось уговорить Шурика, моего друга, составить компанию. К тому же, он мечтал стать шофёром, а эту специальность можно было получить в старших классах Бакланской школы. Путь туда был неблизким: около двадцати километров по просёлочным дорогам. Но это не страшило. Мы отправились набираться знаний в Баклань. Тем более, что первого сентября отец показал туда лучший, хотя не укороченный путь. Нарядных, отмытых в баньке, подстриженных, как требовали школьные правила, он привёз нас на телеге вместе с учебниками и харчами на неделю в пустой частный дом, где нам выделили комнату на семь человек...

Начались будни, в череде которых по понедельникам мы спешили в Баклань, а в субботу, повесив на тесёмках через плечо сумки с дневниками и учебниками, возвращались обратно, в отчий дом.

Школа располагалась в старом графском особняке. Учеников из близлежащих деревень собиралось так много, что мест для всех не хватало. А посему уроки проходили в две смены: учащиеся с первого по шестой классы занимались в первую, а старшекласники – во вторую.

Из-за удалённости школы большинство детей, особенно из глухих деревень, проживали в интернате или в пустующих домах, приспособленных совхозом под общежития, где было организовано скудное питание. По соседству с учениками иногда жили механизаторы, приезжавшие в совхозные мастерские ремонтировать технику. В конце недели, какая бы погода ни была на дворе, мы с Шуриком мчались домой. Не избалованные ещё цивилизацией, всеми мыслимыми и немыслимыми способами старались сократить путь до дома. Летом переплывали речку, держа одежду и сумку с учебниками над головой. Срезая объезды, шли по лугам, переправлялись через раздрыганные деревянные кладки, рискуя свалиться в воду. Минуя лесные заросли, спускались и поднимались по крутым склонам. Не страшила даже ожидавшая работа по хозяйству в посёлке. Зимой – рубить дрова для печки, чистить снег на подворье, таскать воду из колодца. Весной и осенью – работать в огороде, рыбачить с отцом для всей семьи, заниматься другими домашними делами. Торопясь домой, знали, что родители непременно покормят чем-то вкусеньким и можно будет наестся до отвала. Предвкушали встречи с друзьями, танцы, кино в клубе...

Иногда, чтобы удобнее было добраться зимой по бездорожью, становились на лыжи; после весенней распути-

цы, как только просыхали тропинки, садились на велосипеды. Конечно, больше всего приходилось топать пешком. Пересекая овраги, огибая посёлки и деревни, напрямки, спешили к родному порогу.

Тяжко было ранней весной, когда реки, болота, озерца, переполненные талой водой, выйдя из берегов, преграждали и без того неблизкий путь. Не жаловала и поздняя осень с её колючими ветрами. Вперемешку с ледяными дождями они обжигали лица, холодом пронизывая до костей скромную одежку. От промозглой погоды руки кочене-ли так, что не отогревались даже на тёплой печке, невыно-симо долго «заходились» миллионами невидимых иголок. Осенне-зимние дни были коротки, рано наступали сумер-ки, а если к ним добавлялось нависшее над землёй мрач-ное, нахмурившееся тучами небо, то путь до Заречья удли-нялся по времени в разы.

Несмотря на свои пятнадцать лет, я не боялся дальней дороги, даже если по какой-то причине шёл один без Шу-рика... Но однажды, поздним зимним вечером, меня под-стерёг волк. Встречи с волками были и раньше. Для людей, живущих рядом с лесом, знавших повадки зверей, они не считались чем-то особенным, но данный случай надолго оставил след в моей памяти.

* * *

В тот день последним уроком в школе была физика. Учительница Ульяна Васильевна, влюблённая в свой предмет, вычерчивала мелом на доске один рисунок за

другим и всё никак не могла закончить занятия. Молодая, привлекательная, с копной тёмных волос на голове, яркими губками бантиком, физичка, как могла, старалась растолковать нам формулы, пыталась заставить думать не об окончании урока, а о решении задач. Но, судя по гудению в классе, по фырканию лоботрясов, корчивших рожицы за спинами одноклассников, это ей с трудом удавалось.

Наконец, дождавшись желанного звонка, старшеклассники шумной, галдящей толпой заторопились на заснеженный школьный двор, который то и дело заполнялся стайками учеников, выбегавших из распахнутой высокой дубовой двери. Толкаясь, они весёлой гурьбой вываливались на морозный воздух, запахивая на ходу хилые шубёнки, поправляя картузы и шапки. Некоторые растекались ручейками по Баклани, а кто-то, кучкуясь, дожидался попутчиков до деревни или посёлка.

Наш бессменный директор школы Глявин Михаил Васильевич (при встрече с которым даже самые строгие старики, приветствуя, кланялись, первыми снимали головной убор, потому как считали его главным среди сельской интеллигенции), добродушно наблюдал с узорчатого крылечка школы за воспитанниками, делая порой замечания. Вторая смена заметно припозднилась, день угасал. Опасаясь зимней стужи, он торопил детей, заставляя их быстрее расходиться по домам, особенно тех, кто был из дальних деревень.

Когда я, размахивая сумкой, бегом выскочил из почти опустевшего класса к своим попутчикам, жившим в Юрково и Михновке, то увидел среди них симпатичную мне девчонку Надю. Она озорно разговаривала с подругами,

раскачивая портфелем из стороны в сторону... Из школы к этому времени, сгуртовавшись, уже ушли лапинцы, котляковцы, севостьяновцы... Директор, знавший всех по именам, заметив мою прыть, спросил:

– Геннадий, а ты что, тоже собрался идти?

– Конечно! Ведь завтра выходной!

– А где же Шурик, твой сосед? С кем ты до Заречья пойдёшь, когда все по домам разойдутся? – допытывался директор.

– Да, сегодня один. Шурик приболел, он сидит дома, а мне не впервой одному, – бравурно ответил я, поглядывая краем глаза на полюбившуюся девочку.

– Это ты зря, – категорично воспротивился Михаил Васильевич, – идти далеко, остался бы, что ходить на ночь глядя в такую даль. Снегу кругом полно, не ровен час, заблудишься в темноте. Потерпи, через неделю отправишься вместе с другом.

Чтобы как-то смягчить директора, мне пришлось схитрить:

– Посмотрю, может быть, до утра у дяди в Юрково переночую, а завтра чуть свет отправлюсь. Всё ближе будет к дому.

– Будь поосторожнее, – спускаясь с крыльца и направляясь на край двора в учительский дом, добавил Михаил Васильевич, ворча под нос:

– Эх-хе-хе, молодо-зелено...

– Геник, давай быстрее, заждались, – заторопили меня сверстники.

– Сейчас, вот по пути за книжками забегу и сразу же к вам. Догоняйте! – крикнул я, скрываясь в переулке.

Учиться в школе мне было легко, сказывалось родительское воспитание с ранних лет. Из домашних заданий выполнял только письменные, по устным – мне было достаточно услышанного на уроке. А посему, чтобы не тяжело было тащить сумку, решил на выходной взять лишь математику да дневник с оценками для мамы.

Промчавшись мимо церкви, стоявшей на противоположной стороне улицы, влетел в избу-интернат, чуть не сбив дверью бабу Настю, убиравшую комнату. Оторопело взглянув на меня, она спросила:

– Ты что, на пожар, што ли, спешишь? Угорелый!

– За книжкой зашёл. Мне математика нужна. В понедельник Клюбченко будет спрашивать... не хочу быть оболтусом, – выпалил я на одном дыхании.

– А бежишь чего? За тобой што, гонятся? – выпрашивала баба Настя.

– Спешу. Ребята ждать не будут. Уйдут без меня.

– Прямо таки и уйдут? – засомневалась она. – Небось, не евши с утра? – озабочено вглядываясь в меня, спросила сердобольная женщина. Мне ответить было нечего... Опустив швабру, она тихонько зашебуршала в объёмном кармане пёстрого фартука, отыскивая что-то. Вскоре в её руке появился пирожок. Укоризненно посмотрев в мою сторону, протянула его мне:

– На, съешь, хоть он уже холодный, всё лучше, чем на пустой желудок идти в дорогу.

Отказаться от угощения было выше моих сил. Живот давно урчал, вызывая к еде голодным маршем.

– Спасибо! – только и успел сказать ей, как за окном послышался призывный свист ребят...

Запихивая в рот пирожок, стал шарить в полумрачной комнате на столе. Нашёл учебник математики с аккуратно подклеенными вишнёвым клеем страничками, достал из-под подушки фонарик и, сунув их в сумку, выбежал на дорогу, дожёвывая на ходу угощение бабы Насти.

Объединившись с ребятами, потопал по уклониистой к реке дороге в конец бакланской улицы, погружаясь в ранние зимние сумерки. Шум наших голосов, говор прохожих глухо тонули в снежных сугробах, возвышавшихся громадными айсбергами среди морозного вечера. Они мягко укутывали деревенские проулки, растворяясь в серосиреневом инее, повисшем над низинами.

По пути шутили, смеялись, не замечая расстояния, не чувствуя усталости. Вскорости ватагой нагрянули в Юрково. Деревня почти безмолвствовала. Лишь изредка перегавкивались собаки да хлопали двери пригорюнившихся хатёнок под покровом развесистой дымки, перемешанной с запахом торфяного дыма от печных труб. На крышах домов, утонувших в сугробах, белели шапки снега, подсинённые сумрачно-жёлтым светом, льющим из молчаливых окон от пламени семилинейных ламп, подвешенных к потолкам. Огонь от них радовал и притягивал своим уютом, зазывая домочадцев. В доме дяди, стоявшем в стороне, на отшибе, света не было.

– Не стоит заходить, – подумалось мне, – лучше пройду ещё с Надей. Всю дорогу я не упускал момент, чтобы незаметно поддержать её под руку, помогая на заснеженной дороге, вплоть до самого Надиного дома. Пожав на прощание мне руку и жалобно скрипнув промёрзшей калиткой, она скрылась во дворе...

Постепенно наша ватажка поредела, юрковцы разошлись по домам, а с ребятами из Михновки я расстался в конце Юрково. Моя дорога в Заречье через посёлок Палымя, что располагался на другой, пойменной стороне Судости, была намного короче, чем та, по которой мог пойти с ними дальше...

Оставшись в одиночестве, решил спуститься на сонную реку, зная, что зимой селяне на противоположный берег реки ходят по льду. Натоптанных узеньких, как ниточка, дорожек, проторенных в снегу на крутом берегу, было множество. По ним хозяйки часто ходили к реке, чтобы в прорубях набрать воды, прополоскать бельё, выбивая вальками дробь на морозном воздухе...

По одной из них быстро сбежал к реке. Но, к моему большому сожалению, дорожка оборвалась у широкой проруби. Дальше были только следы рыбаков к лункам, у которых они рыбачили, добывая собравшихся в глубоких ямах на зимовку крупных лещей, плотву и окуней...

Морозный воздух тут был чист и крепок. Заметавшись вдоль берега, как зверёк, попавший в беду, постарался найти переход на другую сторону, но как ни усердствовал, так и не нашёл. После недавней оттепели лёд в некоторых местах истончился, а промытые полыньи и дыры, припорошенные недавним снегом, в полумгле были плохо видны. Не рискуя провалиться в ледяную воду, двинулся к темневшей вдалеке кладке, чтобы без опаски перейти широкую Судость и быстрее оказаться в Палымя.

В загадочной тишине речного простора, распростёртого под толщей льда и погружённого в таинственный сон, дошёл до переправы. Было заметно, что по ней давно уже никто не

ходил. Наверное, потому, то в Палымя домов почти совсем не осталось, а в соседние сёла – Валуец, Берёзовку можно было добраться по другим, более удобным дорогам.

Узкая – в три доски – кладка высоко возвышалась над рекой. Подумалось: жаль, не пошёл с михновцами, там хорошая дорога, да и мост через речку крепкий. По нему люди ездили без опаски даже на машинах... Но выбор мною был сделан. По длинным, переброшенным с берега брёвнам взобрался на шаткий настил. Потихоньку, скользя по обледелым, запорошенным снегом доскам, лежавших между пролётами, остерегаясь свалиться, перешёл на противоположную сторону. Впереди виднелись только следы, протоптанные немногочисленными путниками, да лыжни охотников. Пока не стемнело, поспешил выйти на хорошую дорогу между Палымя и посёлком Первомайский...

Застывший снежный наст, утопанный у перехода, не проминаясь, держал меня, но как только дорожка раздвоилась, мои ноги провалились в болотную жижу. Оказалось, что заболоченная земля здесь не промёрзла, засыпанная снегом, она стала для меня ловушкой. Пришлось отказаться от желания быстрее пройти пойму. Я вновь вернулся на охотничьи тропы, чавкая водой, набранной в галоши.

Чтобы не замёрзли промокшие ноги, побежал трусцой по запорошенным следам, пока не вышел на промятую санную колею, ведущую в сторону видневшейся на взгорке сосновой аллеи. Высокие сосны плотно обступали место некогда большого посёлка, а теперь рядом с ними уютилось лишь несколько подворий, оставшихся от одряхлевшего селения. Усиливающийся свист ветра в верхушках деревьев придал сил, пришлось ускорить шаг.

Немного подуставший, примерно через час после переправы прошёл Палымя и был уже на пути к Берёзовке. Дорога в её сторону заметно испортилась, но я уверенно топал по разбитой колее, перешагивая снежные заносы и перемёты... Ноги в обледеневших, тяжёлых от воды валенках вязли в рыхлом снегу, елозили в непроходимом крошечном санного следа, уводящего меня в ночную темень... Ровная гладь полозьев была нарезана совсем недавно, может, день-два назад, в её желобках виднелась сорная трава, сдутая ветром с поля. Попадаясь под ноги, она помогала мне не скользить. Надеюсь найти грубый наст, пытался идти по обочине, где в снежном плену торчали сломанные стебельки тысячелистника, но обманчивая твердь часто предательски с хрустом проваливалась, заставляя вытаскивать из мёрзлого пролома то одну, то другую ногу...

Часам к девяти вечера осталась позади и Берёзовка. Зимний воздух был сухим, жгуче-пронзительным, он не оставлял шанса на отдых не только в поле, но даже в берёзовском клубе, мимо которого прошёл, экономя время, не заглядывая.

Поздний вечер промёрзшими густыми сумерками постепенно сваливался в глухую зимнюю ночь. На тёмном небе заметно высветлилась россыпь холодных звёзд. У горизонта потихоньку всплывала из-за дальнего леса, маячившего впереди, золотая луна. Словно начищенный цыганкой медный таз, она, не торопясь, лениво карабкалась ввысь. Мутный свет от дрожавшего светила слабо освещал едва заметную полосу дороги среди зимнего бездорожья. В пушистых снегах причудливо таились настороженные придорож-

ные кусты. Мороз давно выжал из них остатки влаги, отчего они опушились блестящим инеем, по которому, сверкая алмазной пылью, струился холодный лунный свет.

Я не отчаивался, хотя в такое позднее время было не совсем приятно одному находиться в безлесом поле. Загадочная тишина скрывала в себе что-то непознанное, неизвестное. На ум приходили страшные истории, рассказанные земляками, о встречах с дикими животными, особенно с волками, которые забирались в их подворья. Сердце падало даже у неробкого человека, когда в трескучие морозы со стороны леса до посёлка доносился волчий вой, эхом повисая над Заречьем. Слушая в ночи заунывное, грозное волчье у-у-у..., представлял их среди заснеженных ёлок, с горящими глазами, с оскаленными зубами, с открытой пастью, из которой неслись в безбрежное безмолвие страшные, хватающие за душу злобные звуки. Казалось, голод, тоска и жажда крови сливались в единую песню зверя. Наш Шарик под напором воющих голосов, забивался в конуру и лязгал от страха зубами.

В голодный или холодный год, когда вьюги заметали снегом сараи до самых крыш, волки часто забирались через соломенный верх и похищали овец, телят, а порой душили даже собак, мелькая серыми тенями по задворкам посёлка. Летом они шалили в лесу, где паслись стада, подкарауливая слабую овцу или маленького ягнёнка.

Если набеги хищников становились частыми, местные мужики отправлялись на охоту. Заранее припасали павшую лошадь или овцу, отвозили тушу в лес, а вечером, схоронившись в укрытии, устраивали засаду, зная, что

волки будут рыскать в поисках добычи. От природы у них очень хорошее обоняние, найти припрятанное мясо для волков не составляло труда. Когда звери подходили к приманке, охотники наповал убивали их, а уже утром по всей деревне разносилась новость, какого волка и кто подстрелил, как проходила охота. Если мужики привозили добычу в деревню на санях, собравшиеся вокруг мальчишки могли дёрнуть волка за хвост, а то и вовсе потрогать его зубы...

Деревенские рассказы, которыми богат наш брянский край, мы часто вспоминали с Шуриком, возвращаясь из школы. Фантазировали с ним, что бы мы делали, встретиться нам лось, дикий кабан или даже медведь-шатун. Иногда самим становилось страшно от собственных придумок, особенно на гамалеевской дороге, к которой плотной стеной подступал со всех сторон тёмный лес. Не выказывая друг другу страха, начинали громко разговаривать, почти что кричать, думая, что шум отпугнёт зверей, заставит их прятаться. Исподволь примечали впереди себя высокое дерево на тот случай, если придётся спасаться бегством или какое-то время пересидеть на нём, неважно, кто нас напугает, – собака или волк. Если были в карманах спички, то мы чиркали ими, бросая впереди себя, надеясь, что маленькие огоньки, наверняка, испугают зверя.

Но я шёл один, шансов встретить попутчика или запоздалую подводу, на которой можно хоть немного подъехать, не было никаких. В сгустившейся темноте вспомнил, что в кармане подбитого ватином моего зимнего полупальто лежит фонарь. Нашупав, вытащил его и щёлкнул несколько раз кнопкой, пытаясь включить, чтобы подсветить себе дорогу

или в нужный момент ярким светом отпугнуть зверя. Но, к сожалению, лампочка лишь мигнула блёклым светом, обозначив дрожащую нить накала. Батарейка некстати разрядилась, от фонаря не было никакого толку. Вспомнил про свой пистолет-пропикач, сделанный наподобие нагана из лыжной алюминиевой палки, про перочинный нож, подаренный отцом, которые в суматохе сборов не взял с собой.

Перебирая путавшиеся мысли, нагоняемые сгустившейся темнотой, двигался дальше. Впереди простиралось ровное безликое поле. Если бы не отдельные кусты да завидневшийся вдали зубчатый лес, то можно было видеть иллюзию, когда небо, соединившись с землёй, тёмно-серой пеленой перетекало сверху вниз, а через мгновение вновь поднималось кверху. И среди этого волшебства только мой одинокий силуэт плыл по бесконечному снежному морю...

Лимонный рожок луны висел прямо над моей головой, ныряя из одной тучки в другую, он словно играл в прятки с ночной темнотой. Сухие стебли придорожной травы в свете месяца, распластавшись сероватыми тенями, коряво изогнувшись, долговязо стелились на снегу. Лунные блики, выливаясь через разрывы в облаках, подсвечивали ветки низкорослых, приютившихся у дороги деревьев, а на белом снегу, усиливаясь искристым отсветом, помогали мне сориентироваться в пути и точно добраться до погарского большака.

Перейдя его гравийную насыпь, наконец ступил на укатанную санями дорогу, ведущую к Заречью. В заиндеветшие от мороза щёки с новой силой дунуло ветром. Попытался идти спиной вперёд, но ноги скользили, я терял дорогу, да и времени на ходьбу стал тратить больше. Ва-

режки из овечьей шерсти, вначале отпотевшие от рук, заиндевели, а пальцы почти перестали гнуться. До дома оставалось около километра. Заснеженное безбрежье переливалось серебристыми искорками. Из-за туч вновь выплыл ясный месяц, отчего снежинки на сугробах вспыхнули неоновым светом, подчеркивая жуть зимнего вечера.

Незаметно всё вокруг стало призрачным, даже немного нереальным. Деревья, санная колея, безликие дальние поля потеряли объём, стали воздушными, как бы витающими в колючем воздухе. Видение возникло, наверное, оттого, что, пройдя более пятнадцати километров, я заметно устал. Встряхнув головой и оглядевшись по сторонам, сбросил с себя возникшую нереальность. Ровная гладь под ногами, накатанная полозьями, неспешно тянулась по полю, увлекая меня к селению. След от саней то удваивался, то утраивался, чтобы через несколько метров вновь сойтись в один... Рыхля укатанную дорогу гудящими от усталости ногами, оставляя ямки от следов, я превращал снежный пласт в рассыпчатый пух, среди которого темнели потерянные с возов пучки соломы, пригнанный ветром мелкий сушняк да стебли ломаной травы. Стеной приближался Гамалеевский лес, кругом змейками струилась чуть заметная позёмка. В плотной тишине, окружавшей меня, наваждение от нереальности видений, а может, от приближения к дому, неожиданно исчезло. От колючего зимнего ветра лицо горело, а телу под пальто стало жарко. Распушившаяся над головой луна мерно источала свет на белоснежную равнину, открывая взору очертания зареченских подворий.

Расслабившись от скорого завершения пути и предстоящего отдыха на тёплой печке, в какой-то момент ощу-

тил на себе чей-то пристально-холодный взгляд, а через мгновение услышал раздавшийся лёгкий хруст провалившейся снежной корки, отчего, непроизвольно вздрогнув, оглянулся... Чуть поодаль, метрах в тридцати, стоял матёрый волк. Встретившись взглядом со мной, он ощетинился и потянул носом морозный воздух. Тотчас зловеще сверкнули зелёные огоньки его глаз и, словно затаившись, погасли. У меня на лбу под шапкой тут же проступила испарина. Руки отяжелели, по спине царапнуло холодом, а ноги стали ватными. Секунды показались вечностью. Вспомнив, что нельзя перед зверем проявлять испуг, делать резких движений, а тем более, бежать от него, я, преодолевая страх, пошёл к домам.

Впереди – посёлок, позади – волк. Постоянно оглядываясь на зверя, стараясь не упускать его из виду, ускорил и без того спорый шаг. В руках, кроме сумки с учебниками, ничего не было. Вскорости стал замечать: как только начинаю идти быстрее, волк переходит на лёгкий бег; останавливаюсь – он тоже будто замирает. Когда, выбившись из сил, замедлял шаг, волк, опустив длинный, пушистый хвост, наклонял вниз огромную голову с торчащими ушами, морщил нос, медленно подгибал переднюю лапу и, скалясь, вглядывался в меня, явно готовясь к нападению. На белёсом снегу он выглядел огромным. Серая тень от его силуэта, растягиваясь тёмным пятном на снежной равнине, добавляла ему величия и могучести. Вздрыбленная на холке шерсть, настороженная поза, какой-то магический взгляд внушали ужас.

Я окончательно понял, что он, ничего не боясь, идёт за мной, как охотник за зверем. Для него этот поздний вечер – один из многих для добычи корма. Его уверенная по-

ступь навела на мысль о том, что волк обитал где-то поблизости. Вспомнил, что незадолго до этого наши местные мужики убили в лесу волчицу, сделав засаду с приманкой. После того как её застрелили, резня скота в Заречье прекратилась. А сейчас самец, или, того хуже – вожак стаи, оставшийся без подруги, затаив злобу на весь людской род, решил отомстить человеку, и первой жертвой на его пути оказался, видимо, я.

Ближе к посёлку, где за снежной равниной виднелся край поля, хищник стал заходить с той стороны, куда мне надо было поворачивать. В голове пронеслось: он хочет окончательно «отрезать» меня от посёлка, оттеснить ближе к чащобе или к березовой роще, что укрывала собой деревенский погост. Места – одно хуже другого. Деревня спала, было по-зимнему глухо, только со стороны леса доносился тихий гул обнажённых ветвей. Куда ни глянь – безлюдье, ни одной живой души...

Расстояние между мной и зверем неукротимо уменьшалось. Стал чётко виден его леденящий взгляд, оскаленные белые острые клыки, слышался даже прерывистый хриплый рык. Загривок, топорщась жёсткой вздыбленной шерстью, внушал животный ужас. Моё сердце колотилось так, что его стук, наверное, слышен был даже волку, давно предвкушавшему кровавую победу над жертвой. Необъятная тишина с угрюмым снеговьем вокруг лишала меня повседневной цепкости к жизни. С нахмурившегося неба на разгорячённое ходьбой лицо медленно падали снежинки, незримо тая, они стекали горячими ручейками по щекам. Тусклая луна, скрывшись за облаками, усиливала вселенскую беду, нависшую надо мной.

Развязка неумолимо приближалась, хотя зверь почему-то медлил... Задыхаясь от безысходности и быстрой ходьбы, спотыкаясь о неровные снежные наносы, я почти бежал к ближайшим подворьям, надеясь там найти спасение и остановить непрерывную череду роковых минут... Волк неотступно следовал за мной, сближая расстояние... Прямо перед его решающим прыжком у крайней хаты всполошилась собака, наверно, почуяв запах волка или его угрожающие хрипы. Она залаяла напряжённым остервенелым басом, как лают только на медведей или незнакомого человека, крепко обидевшего её. Собака, надрываясь, завизжала, а потом завывала, пытаясь сорвать ошейник. Ей тут же стали вторить другие сородичи, поднимая гам в посёлке. Краем глаза увидел, как преследовавший меня зверь на мгновение застыл. Воспользовавшись этим, я со всех ног бросился бежать к ближайшему подворью. Где-то глухо брякнула тяжёлая щеколда, ударившись о промерзшую дверь... На отчаянный лай дворняги, очевидно, вышел хозяин.

Сейчас и не вспомню, как за несколько секунд оказался у спасительной калитки. Судорожно вцепившись в её деревянную ручку, потерял голос. Не мог даже закричать, чтобы позвать на помощь. Страх горячим комком подступил к горлу, в голове шумела кровь, а сердце гулко колотилось. Пока стоял у хлипкого палисада, наступило лёгкое оцепенение, сковавшее всё тело. Холодный пот струйками стекал по лбу. Не верилось, что уже нахожусь в безопасности. Собаки продолжали усердствовать, но уже не так рьяно. Ненормальная тишина, не считая лая, окутывала улицу. Кругом, как назло, не было ни души. У дома, где я схоронился, в лунном свете от-

ливали тёмными глазницами окна... Мне представлялось, что если шевельнусь, то волк сразу очутится рядом.

Не знаю, сколько тогда простоял на морозе, наконец, всё же заставил себя осмотреться. Белёсыми снежными валами пузырилась улица, на которой, кроме сугробов да крыш сараев с нависшими снежными налётами, никого не было видно. Сняв шапку, прижав её к груди, на несколько мгновений вновь затаил дыхание. Почти перестав дышать, вслушивался в тревожную тишину, стараясь убедиться, что она не обманчива. Снег под галошами моих валенок от малейшего движения ног предательски хрустел.

Вглядываясь до рези в глазах в ночную мглу, разлившуюся среди матовой белизны безлунья, окончательно уверился, что нахожусь в безопасности, что теперь никто не мешает поспешить домой. Стряхнув последнее оцепенение от встречи с волком, наскоро нахлобучив шапку, забыв про усталость, как мог, побежал по пустынной, спящей улице к родному порогу...

Родители ещё не ложились спать. Встретили как обычно. Отец, закулив сигарку, проверил запертые на засов двери в хату, помог стащить заледенелые тяжёлые от воды валенки... Усевшись на коник, поглядывал, как мама, суется по дому, ставит на загнетку для просушки обувь, развешивает заснеженную одежду у печи... Младшие братья и сестра уже спали. Старшая, Дина, при свете керосиновой лампы, привалившись в уголок дивана, что-то штопала... Пока я рассказывал об учебе, показывал дневник с оценками, мама вытащила из печки и поставила на стол большую сковородку с драниками. Румяная корочка ещё

хранила далёкое тепло. Не дожидаясь особого приглашения, тут же накинулся на еду, которая с хрустом таяла на моих зубах. Про своё приключение у края ночи, чуть не лишившее меня жизни, умолчал, забоявшись расспросов, а может быть, даже упрёков...

Растянувшись на кровати во весь рост, закрыл глаза. Возникла картина: санный путь, следы, свет и сумрак ночи, преследовавший меня волк, тёмный лес, кладбище... В голове теснились мысли о страшной развязке, не загавкай собака... Но после домашнего ужина приятная усталость, истома от ходьбы, сладость зимнего воздуха, необъятность тишины, томление от тайны первого чувства разлились по моему телу, хотя пережитый ужас ещё давал о себе знать. Под мерное тиканье часов сон всё же вконец сморил меня и до утра не отпускал из своих грёз, давая возможность душе отогреться ко вторым петухам, которые передавали на морозной заре голосистую эстафету начинавшегося дня от одного двора к другому...

По прошествии времени этот случай забылся, но если всё же приходилось возвращаться в Заречье припозднившись или в глубоком сумраке зимней ночи, то даже от лёгкого треска просевшего снежного наста мгновенно замирал, готовясь к неожиданной встрече с неизвестным, может быть, даже с волком, которую не хотел бы пережить вновь.

НЕПОКОРЁННАЯ ТРОПА

*Мечта осталася мечтою,
Она мой дивный, добрый свет,
Вся жизнь наполнена тобою, –
Любовью юношеских лет.*

*Пусть сединой виски укрыты,
Плывёт от счастья голова, –
Те чувства мною не забыты...
Волнуют нежные слова!*

Первые дни наступившего лета. Иду знакомой тропинкой, еле приметной среди береговых зарослей некогда большого Зареченского пруда. Ноги беспрестанно путаются в длинной, насыщенной горячим солнцем траве, от его ярких бликов на водной чистинке рябит в глазах. В воздухе плывёт запах полыни и луговых цветов. Кругом стоит необыкновенная тишина. Водоём, затканый июньской травой, спит в зарослях ивняка с вкраплением белоствольных берёзок, даже высокие побеги рогоза стоят неподвижно, не нарушая общей дрёмы.

Говорят, что самое прекрасное, благодатное время в природе бывает на стыке последних календарных дней весны и наступающего лета, когда воздух напоён свежей зеленью, а голова томно кружится от избытка благоуханий.

– Нет! Нет! Здесь никто не съедет! – словно сквозь сон услышал я совсем рядом девичий голос. Обернувшись, увидел, как с зареченского взгорка к воде спускались девушка с молодым человеком.

Это мелодично-нежное «нет, нет...» тихим эхом отозвалось во мне, а плывущие облака и зубчатые очертания

зелёных зарослей воскресили прошлое, давнишнее, казалось, совсем уже позабытое чувство из школьной поры...

– Нет! Нет! – здесь никто не съедет, – также озорно много лет назад говорила после купания в реке Судость другая девушка, карабкаясь по узкой извилистой тропинке в гору. Она была совсем юной. Красивое, слегка продолговатое лицо, небольшой носик, чуть-чуть припухлые розовые губы. Вьющиеся волосы темно-каштанового цвета, заплетённые в косы, струились волнами на грудь, были немного растрёпаны, на кончиках темнели пряди, только что побывавшие в воде. Парусиновые туфли с маленьким каблучком украшали её стройные ножки, а платье ласково облегалo влажное тело. Остановившись на середине пути, девчушка задорно подтрунивала над мальчишкой, стоявшим у начала подъема. Сознывая, что очень нравится ему, она кокетливо щурила серо-голубые глаза от яркого весеннего солнца, точь-в-точь такого же, как в сегодняшний день. В её улыбке светилось счастье...

Какое-то новое, необъяснимое чувство влекло парнишку к девушке. Тревожа, оно будоражило его до пережата дыхания, до сладкой боли в груди, толкало на сумасбродные поступки, заставляло делать всё, что привлечёт Её внимание. Ему хотелось обязательно понравиться Ей. Это влечение, которое многие называют первой любовью, наверное, помнят все. А как не помнить те робкие чувства, испытанные в юности? Ведь твоя избранница кажется самой лучшей девочкой на свете, а главное – она для тебя – целый мир, неизведанный, непонятный и оттого такой желанный. Каждый её взгляд, даже брошенный ненароком, заставлял сердце бешено колотиться, а ноги – наливаться

свинцом. Мечты, постоянные грёзы по ночам непрошенно теснились в голове, нетерпеливо торопя приближение нового дня, когда она пройдет мимо, а ещё лучше – разрешит идти рядом, нежно посмотрит бездонными, проникающими в потаённые уголки души глазами и скажет:

– Ты такой сильный, смелый. Ты – самый лучший!..

Сейчас же, в этом парнишке, послушно следовавшим за девушкой, я увидел себя... Вновь воочию представил, как много лет назад вихрастый паренёк с девочкой поднимались по невероятно крутому подъёму. Двигаясь по круче, они старались ненароком не сорваться с тропинки вниз. Их ноги беспрестанно скользили, мелкие камешки вперемишку с желтоватой пылью, шурша, скатывались, осыпая склон. На извилистой дорожке, проторённой ногами смельчаков, в основном молодёжью или босоногой ребятнёй, не росла даже неприхотливая придорожная трава.

Паренёк, едва успевая за разгорячённой подъёмом девушкой, тащил свою сумку с книгами и её портфель. Забравшись первой на вершину, она, обращаясь к нему, игриво сказала:

– Тут вообще никто не сможет съехать!

Задорно улыбаясь, сощурив глаза, обрамлённые красивыми от природы ресницами, спутница подзадоривала своего попутчика, ожидая его на горе. Поднявшись к ней, мальчишка с высоты увидел рядом с обрывисто стёсанной кручей, пролегающей каменистой стеной вдоль реки, еле заметную тропинку, по которой они только что вскарабкались.

Подставив ветру привлекательное личико с веснушками на носу, девушка, наслаждаясь дыханием лета и откинув косы за плечи, продолжила:

– Да, если бы кто сумел отсюда съехать вниз на велосипеде, то с таким можно пойти, ничего не боясь, куда угодно!

Стоя рядом с ней, он ловил каждое произнесённое слово, верил, что если рискнёт спуститься на велосипеде с головокружительной высоты, совершив почти невозможное, то этим поступком покорит её сердце. Исполнение этого желания сделает его счастливым. На лице парня появилось мужественное выражение решительности.

Видя, что паренёк молчит, сосредоточенно думая о чем-то, Надя – так звали девушку – по-особому нежным, тихим, как вздох, голосом, произнесла:

– Геник, а давай не пойдем сегодня в школу, лучше вернёмся ещё покупаться? Посмотри, как чудно здесь! Какой прекрасный день!

Действительно, ласковый ветер словно обтекал разгорячённые подъёмом тела, нежно трепал распушённые волосы тёплой волной. С горы, где они стояли рядом друг с другом, открывался необозримый простор. Внизу, прямо у подножья, перекатываясь зелёными волнами, качались верхушки деревьев, а над Судостью, в мерцающей дали, туманной дымкой висело белёсое марево, сливающееся у горизонта с бескрайностью неба...

Мы любовались всем этим с самого высокого места над Судостью. Вдруг, как будто вспомнив что-то неотложное, Надя, слегка покраснев, серьёзно сказала:

– Ген, нет, нам пора в школу, а то опоздаем. Первый урок тригонометрия, мне надо ещё повторить...

К моему счастью, она тоже училась в Бакланской школе, только она в восьмом, а я – в девятом классе.

Меня устраивал такой поворот, лишь бы продолжить путь вместе. Больше не сговариваясь, стали осторожно продвигаться по заросшей верхушке горы.

Как же я был счастлив рядом с ней, даже когда просто смеялись, говорили об уроках, задачках, учителях!.. В каждом движении Нади, в особом плавном повороте головы, в загадочной улыбке было что-то такое очаровательное и ласкающе-повелительное, что мне думалось тогда: за то, чтобы быть с ней рядом, только видеть, слышать её, можно отдать всё на свете...

Учёба в школе шла обычным порядком. Уроки. Неблизкая дорога по выходным дням под родительский кров и обратно. В тёплое время года домой возвращались всегда толпой, разделяясь на компании. По пути пересказывали школьные новости, деревенские события, шутили, развлекались.

Запомнился случай, который долго обсуждали в нашем кругу. Не окончив школы, одна из наших одноклассниц вышла замуж, как у нас все говорили, «выскочила» за парня, только что вернувшегося из армии. Иван, так звали новоявленного ухажёра, отслужив на подводной лодке, часто щеголял по деревне в красивой форме. Лихо надвинутая на лоб бескозырка с якорями на ленточках, белоснежная матроска с широким тёмно-синим воротником за плечами, чёрные брюки клёш с начищенными до блеска туфлями подчеркивали в нём флотскую выправку. Привлекательный, необычный для нашей местности вид моряка напавал сразил сразу повзрослевших девчат, они почти все без исключения были влюблены в него. Но он отдал предпочтение Гончаровой Зине. Не дожидаясь аттестата об окончании школы, она стала замуж-

ней женщиной. В те дни не только юрковцы, вся школа поголовно говорила об этом из ряда вон выходящем событии.

Зинаида была подружкой Нади, а Иван моим дальним родственником. Во время его службы в армии я, учась в школе, квартировал у его родителей, даже приходилось спать в комнате Ивана. С его возвращением мне пришлось искать новое жильё, но это не помешало нашему дальнейшему общению. Отношения жениха с невестой развивались у нас на глазах. Зинаида, ещё не догадываясь о серьёзных намерениях Ивана, расспрашивала меня о разговорах с ним. Иногда с моей помощью они чаще виделись. В благодарность за мою поддержку Зина тоже стала помощницей в моих встречах с Надей. Доверчиво рассказывая о чувствах подруги, говорила, что та стесняется открыто признаться. От неё узнавал, что Надя сильно привыкла ко мне, ей нравились ухаживания, ласковые объятия, нежные взгляды на переменах, когда можно было смотреть друг на друга даже издали, ничего не прося, ни о чём не спрашивая. Вместе радоваться или грустить...

Эти сообщения от Надиной подруги придали мне уверенность, укрепили желание съехать с кручи на велосипеде. К тому же меня стало настораживать отношение к Наде её троюродного брата Николая, всячески опекавшего свою дальнюю родственницу. На правах старшего по возрасту он старался держаться рядом с ней, иногда провожал после школы. Страшная буря гнева поднималась в моей душе, когда я видел их вместе. Отвлечь Надю от ухаживаний Николая было нечем. В годы моей юности не было принято дарить девочкам какие-то подарки: во-первых, не было денег, а во-вторых, отно-

шения и нежные чувства молодые люди тогда не выставляли напоказ даже среди друзей, наоборот, старались скрывать их от посторонних глаз. Внимание или расположение друг друга можно было заслужить со стороны парня – смелым поступком, а девушки – бойкостью характера, ловкостью, рукоделием, умелой работой по хозяйству или статьёю.

Между тем наступало лето, заканчивались занятия в школе. Наши встречи, к большому сожалению, становились редкими. Видеться с девушкой я мог только в выходной день. Всю неделю дожидался, когда же наступит воскресенье. Тревожные мысли, фантастические мечты не покидали меня даже во время тяжёлой работы, хотя, помогая отцу косить сено или заготавливать дрова, всегда пытался скрыть свои переживания. Подчас, видя моё состояние, отец спрашивал:

– Ты что сегодня такой кислый? Что-то случилось?

Я старался тут же улыбнуться ему и, конечно же, не признавался о причинах такого настроения.

Чтобы скоротать время, мы с ватагой пацанов ездили на велосипедах смотреть фильмы в соседние деревни, заранее разузнав название от почтальона или из афиш. Это было настолько приятное событие, что было совсем неважно, какой привезут фильм. Главное то, что он вообще состоится. Посмотреть кино в клуб приходили не только парни и девчонки, но и все жители деревень, порой целыми семьями. Наша компания, оставив велосипеды где-нибудь в кустах или у дома, неподалёку, шумной гурьбой отправлялась смотреть картину. Если кино было платным, покупали билеты – небольшие кусочки бумаги голубоватого цвета, на которых стояла только цена за сеанс. По тем временам они стоили совсем недорого, примерно пять копеек.

Но больше всего меня привлекало кино в Юркове, куда (из-за дальности) ездил на велосипеде частенько один. На входе в клуб покупал у киномеханика билет, но, прежде чем войти в зал, ждал Надю. Завидев её с подружками, входил следом, чтобы сесть поближе к ней, или, если пощастливится, то и рядом. Делал это незаметно, выдавая за случайность. Угадать заранее, кому достанется какое место, было невозможно. Билетов с номерами кресел не было. В клубе стояли только простые стулья и длинные скамейки. Но когда удавалось схитрить и оказаться рядом, те счастливые минуты были просто незабываемыми.

Помню необыкновенную внутреннюю тревогу, когда в полной темноте, делая вид, что смотрю на экран, а сам в это время, прижавшись плечом к подруге, видел только её лицо, залитое голубым светом. Оно было необыкновенно выразительным, открытым, для меня самым привлекательным. Выющиеся волосы, собранные в косу, подчеркивали её природную красоту. Чувствуя на себе мой пристальный взгляд, она поворачивалась и с улыбкой, проникавшей прямо в душу, нежно прикасалась тонкими пальцами к моей щеке, отворачивала лицо к экрану. Смущаясь, тихо шептала:

– Геночка, смотри на экран, а не на меня...

В этот момент глаза и губы Нади оказывались совсем рядом. Её тёплое дыхание кружило голову.

Особенно приятными для меня были минуты, когда рвалась тонкая киноплёнка, стёртая во время многочисленных показов в других клубах, или глох по какой-нибудь причине двигатель кинопередвижки. В это время всё помещение клуба оказывалось в полной темноте. Зрители начинали улюлюкать,

свистеть, кричать: «киномеханика на мыло...». А у меня появлялась возможность, не опасаясь посторонних взглядов, сжать руку девушки, успеть что-то прошептать ей на ушко...

Вспыхнувшее чувство захватывало целиком, оно настойчиво влекло в неизведанное. Необъяснимый трепет пробежал по жилам, когда наши пальцы невзначай соединялись или рядом со мной шуршал подол её платья. Помнится, что после кино или танцев старался заранее договориться с Надей, что пойду провожать до дома. Когда она соглашалась, мы шли пешком или ехали на велосипеде. Я сажал девушку на раму велика, крутя педали, трогался по ночной дорожке. Её тёплая спина прижималась к моей груди. В эти мгновения сердце гулко стучало, выдавая волнение, оно готово было вот-вот выскочить.

Хрупкие девичьи плечи под летним платьем манили, а влажные от ночной прохлады кудряшки шелковистых волос едва уловимо щекотали моё лицо, их нежная прелесть, вместе с тихим взволнованным дыханием, возбуждали непреодолимое желание заключить её в объятия и поцеловать. Но на это не хватало смелости, боялся, что она может рассердиться или вовсе убежать. Немного не доезжая до Надиного дома, на тот случай, если родители могли её поджидать, мы прощались заранее, она уходила, а я уезжал к себе.

На следующий день мне опять трудно было совладать с собой. Воспоминания о танцах, о ночных прогулках будоражили вновь до глубины души; образ милой девушки преследовал повсюду. Хотелось получить от неё в знак расположения: фотографию с её подписью или платочек с вышитыми инициалами, которыми иногда хвастались мои сверстники как подарками от их подруг. Но моя Надя ни-

чего мне не дарила. Это побуждало меня всё чаще возвращаться к мысли о покорении тропы. Каждый раз, когда выдавалось свободное от домашней работы время, ездил на кручу, чтобы постепенно, шаг за шагом, освоить её. Здесь мне постоянно слышался девичий голос: «Никто не сможет съехать с этой высоты»... Было страшно... я не понимал, почему счастье человека должно быть одновременно источником его страданий?

Незаметной чередой прошли лето, осень, зима. Наступила долгожданная весна. Но в тот год она была, как нарочно, поздней. Снег не только в лесу, а даже на полях таять не спешил. За домами, в тени, он и вовсе возвышался грязными, приплюснутыми сверху, подтаявшими у подножья рыхлыми сугробами. Но вскоре на утренних зорях пошли тёплые туманы, тронулась река, стали просыхать бугры, солнечные косогоры. Воздух насытился запахами талой воды и парящей земли, щедро разносимыми свежими ветрами... Бледный до голубизны весенний свет, появившиеся крупные белые облака в яркой синеве небосвода с каждым днём всё настойчивее предсказывали приближение настоящей весны.

Мои походы на кручу стали постоянными. Однако на ней было по-прежнему сыро. В затенённых местах снег только-только перерождался от тепла в весёлые искрящиеся ручейки, которые, перекатываясь через тропинку, сливались в один поток, устремляясь вниз к реке. А она, освободившись ото льда и не войдя ещё в свои берега, разлилась, затопила весь пойменный луг до Первомайского посёлка.

Проходила неделя, другая, на глазах всё менялось вокруг. Восстанавливались дороги, односельчане могли опять

беспрепятственно ездить в другие деревни, а главное – теперь без труда можно было добраться до Юрково. После долгих дней весенней распутицы в это дивное время отрадой было посещение клуба, а потом – провожание Нади до дома! Чтобы во время прогулок подольше побыть с ней наедине, просил её как можно медленнее идти по ночной деревне, а сам рассказывал интересные или смешные истории.

Весенние ночи – особенные ночи, наверное, они созданы на земле для влюблённых. Усевшись на скамеечку у забора палисада, подальше от любопытных глаз, мы слушали в безмятежной тишине заснувшей улицы изумительные трели соловьев, наслаждались сочными запахами весенней зелени, вдыхали особую горечь распускавшейся листвы...

Тёплый воздух, насыщенный живительным ароматом весны, окутывал нас, как одеялом, своей плотной пеленой. Несмотря на поздний час, спать совсем не хотелось. Сладковатый туман, плывущий по округе от кустов черёмухи, от начинавшей зацвести сирени, вызывал такие сумасшедшие мелодии душевной нежности, что казалось, этому не будет конца, что в жизни, кроме этих минут счастья, ничего большего не надо. Всё другое просто переставало существовать. Только мы вдвоём на всём белом свете...

Были по-особому хороши бессонные тихие летние ночи. Под бархатным небом, усеянным тысячами мерцающих звёзд, под песни сверчков, взявшись за руки, мы уединялись на реке в причаленной у самого берега лодке, стоявшей на спутанной гуще подводных трав. Дойдя до нашего места, убедившись, что никого нет, я первым сел в лодку, приглашая «на борт», подавал Наде руку. Опираясь на неё, она с показной грацией усаживалась на

прохладную скамейку. Поверхность речной глади, похожая на зеркало, отражала купол звёздного неба с молодым месяцем. Всё вокруг замирало, было таинственно-спокойно, только где-то в посёлке слышались приглушённые голоса расходившейся по домам молодёжи.

Тихое дыхание воды, мелкие всхлипы прибрежной волны зачаровывали нас своей неспешной говорливостью. Зябко ёжась, девушка старалась согреться, доверчиво прижималась ко мне. Наши взгляды встречались. Лучистое мерцание её глаз в сумраке ночи было необыкновенно притягательным. Наступали незабываемые минуты... Начало нашей любви, доверчивости, восторженной нежности...

Разговаривая вполголоса, чтобы вечерняя заря не разносила вдоль реки сокровенные слова, мы были очарованы нашей близостью, таинством волшебной тишины. Чёрная вода, деревья, уходящие высоко в звёздное небо, бесконечно-безмолвная колдовская ночь с длинными тенями от стволов раки́т составляли наше сказочное окружение. Только иногда что-то осторожно шуршало за их могучими стволами. Надя, смешно пугаясь, спрашивала:

– Ой, что это? Там кто-то есть!

– Не бойся, наверное, выдра пришла поохотиться.

После этих слов, она, забывая страхи, успокаивалась. Серебристая дорожка на воде от лунного света, рассыпавшаяся звёздная вуаль на небосводе принадлежали в это время только нам...

Время шло обычной чередой. Я продолжал тренировки, съезжая с горы сначала по основной, тоже не совсем безопасной дороге. Она спускалась крутым полотном с кручи, прямо к основанию горы, а потом приводила к мос-

ту, перекинутому через Судость. Во время паводка его сильно заливало водой, бурные весенние потоки часто уносили деревянный настил, оставляя лишь отдельные доски, по которым пешеходы ещё долгое время могли переходить. А ученики, не желая добираться в школу обходными путями, пока не восстановят переход, на себе переносили по ним велосипеды. Иногда, потеряв равновесие, они оказывались вместе с книгами и двухколёсными машинами в воде. Но сейчас мост был ещё непроезжим, уложили только его первый пролёт со стороны Баклани. Надежд на его скорое открытие ещё не было.

С наступлением погожих весенних дней моё стремление во что бы то ни стало спуститься с кручи становилось всё сильнее... Ради воплощения этой мечты сразу после открытия моста я, решительно изменив свой школьный маршрут, частенько стал ездить в школу не через Берёзовку, как это делали мои сверстники, а изумляя их более длинным маршрутом, через Валуец. Хотелось как можно чаще приходить к тропинке, которую предстояло покорить в присутствии Нади. Это позволяло мне присмотреться к извилистой дорожке, постепенно освоить её по частям.

В один из первых летних дней, возвращаясь из школы домой, отстав от ребят, приехал к манящему спуску, надеясь, что земля уже просохла. Деревья к тому времени набросили на себя нежное зелёное покрывало, распустив шатры крон над тропинкой. Этот ещё редкий занавес легко пропускал лучи яркого солнца, позволяя гулять восточным ветрам. Своим дуновением они прогревали землю, принося медовый вкус с кудрявой цветущей вдоль реки лозы. Надежды мои оправдались: тропинка была сухой. Оставив вело-

сипед наверху, прошёл по ней, убрал наломанные ветром ветки и осыпавшиеся с горы острые камни, решил обязательно закрепить прошлогодний успех удачного спуска.

Вокруг не было ни души, только сороки, распутив длинные хвосты, время от времени беспокойно взлетали с дорожного полотна, унося найденный корм в гнёзда, скрытые в макушках высоких раkit. Предвечерний вид с горы был просто восхитителен: над Судостью проплывали громады белых облаков, ступеньками спускаясь к горизонту, а внизу простирались многообразные извивы застывшей водной глади, обрамлённой зелёными берегами с поросшими куртинами камышей.

Глядя вокруг, испытывал трепетное чувство перед её мощью, в то же время видел непостижимую высоту, которую предстояло преодолеть на велосипеде. Но ничто не могло остановить меня. Наверное, предчувствие, что справлюсь, делало меня решительным и безрассудным. В тот момент был готов на покорение любых, даже самых неприступных вершин.

Всматриваясь в петляющую тропинку, воображал радость Нади, встречающей покорителя головокружительного съезда. Предвкушение счастливых минут, когда она сможет гордиться мной, торопило. Постояв несколько минут, потуже привязав портфель с книгами на багажнике, уселся удобнее на велосипед и стал медленно спускаться... Первые метры тормоза держали, но потом велосипед понёсся с неудержимо страшной силой. Откуда-то под колёса попадали мелкие ветки, скользя по ним, резко ускорился и без того быстрый съезд с горы. От напряжения педали стали прокручиваться назад, не успевая тормозить; ножной

тормоз, несмотря на регулярную смазку, тут же перегрелся. Ручной, зажатый до отказа, мало чем помогал. Велосипед стал просто неуправляемым.

Отдавшись в руки судьбе, я за одно мгновение проехал больше половины рискованного спуска. Что случилось потом, трудно было понять. Врезавшись в дерево, очутился на земле. С разбитых коленок стекала кровь. Ныло где-то в груди, горячо щипало плечо, сразу же опух разбитый нос. Но всё это было не так страшно, если бы не искалеченный велосипед с восьмёркой на переднем колесе да уродливо изогнутым рулём. Порванные блестящие спицы топорщились из согнутого обода... Что теперь делать? Как быть? Конечно, это падение спасло от дальнейшего кувыркания вниз. Сразу пришло осознание, что этот спуск мог оказаться для меня более плачевным. Кое-как выправив колесо, доехал на сломанной машине домой. Теперь добираться до школы, катать девчонок, увы, было не на чем. С Надей стали видеться реже, как будто она догадалась, что я не смог покорить кручу...

Однажды вся наша ватага после отменённых уроков решила не расходиться по домам, а погулять у реки. Незаметно оказались у знакомой тропинки. Её облюбовали в этот раз местные пацаны. Они стали предъявлять свои права на эту территорию, приставать к нашим девчонкам. Завязалась драка. Их было больше. Победа не была бы на нашей стороне, не будь с нами Надиного троюродного брата Николая. Будучи постарше и крепче нас, он взял основной удар на себя. Конечно, ему досталось больше, чем остальным. Когда мы разогнали обидчиков, моя Надя стала жалеть Колю. Вытирала ему кровь своим батистовым бе-

лоснежным платочком, ругала всех, называла трúсами, а сама, перемазанная кровью, заботливо ухаживала за ним, не стесняясь окружающих.

Как же мне хотелось быть на его месте в тот момент!..

С этого злополучного дня она уже не ходила по нашей тропе, напоминавшей о драке, а я, как прежде, не терял надежду, что однажды встречу там Надю. Меня как магнитом тянуло туда. Очень хотелось доказать ей свою решительность, наконец-то покорить при ней тропинку, а с ней навсегда и её сердце... Без устали, обдумывал съезд, готовил спуск, а в некоторых местах, где нельзя было не только проехать, но даже пройти пешком, – расширял крутые виражи...

Начавшиеся каникулы на время приостановили мои приготовления. Как старший сын в семье стал помогать родителям. Вместе с отцом мы заготавливали в лесу дрова на зиму, косили сено, перевозили его домой, укладывали на чердаки, чтобы хватило для прокорма скотине на долгую зимнюю пору. Драли лозу, собирали грибы, вязали веники из веток берёзы, сдавая всё в заготконтору, выручали какие-то деньги. В конце лета отец купил себе новый велосипед, чтобы ездить в Гамалеевскую школу на работу, а мне отдал старый, но он был гораздо лучше моего прежнего.

К тому времени я уже жил в интернате и всё реже и реже виделся с Надей. Постепенно сама идея доказать ей свою смелость как-то незаметно сошла на нет. Окончив школу, поработал пионервожатым в Котляковской школе, поступив в институт, уехал в Орел. А она сразу после школы устроилась в Брянске работать на завод, где в то время уже трудился Николай. Не теряя связи, мы писали друг

другу красивые, трогательные письма, а на каникулах, когда приезжал к родителям, – встречались.

Повзрослев, Надя ещё больше похорошела. Самостоятельная жизнь придала ей особую женственность. Милая улыбка на хорошеньком девичьем лице дышала свежестью, а глаза просто сияли при наших встречах. В своих письмах ко мне она сообщала, что ей трудно одной, что хочет быть всегда рядом, вместе радоваться и грустить, сообща преодолевать трудности, а главное – чувствовать себя необходимой для совместной жизни. Мучилась, никому не смея сказать о своих переживаниях, спрашивала, не забыл ли я наше самое светлое, доброе, что было у нас, когда наши сердца распахнулись навстречу друг другу, когда вспыхнуло прекрасное чувство, красивое, глубокое, которому не будет конца. Моё сердце ёкало от счастья, душа пела, а мысли от её откровенных признаний витали где-то в облаках. В ответ ей мои послания были не менее нежными... Конечно, мельчайшие подробности тех писем, наших встреч постепенно утратились в памяти, слившись в один ласковый, тёплый пласт воспоминаний. В переписке, в редких встречах прошло около двух лет...

Через какое-то время конверты со знакомым почерком стали приходить немного реже. Погрузившись в учёбу, не придавал этому особого значения. Но счастливая, даже гордая самоуверенность, с которой ждал следующего письма, постепенно исчезала, появилась неосознанная тревога о будущих наших встречах.

Возвращаясь как-то в Заречье на каникулы, случайно встретил Зинаиду, искренне обрадовался возможности поговорить с ней о Наде. Но она в этот раз почему-то отво-

дила глаза в сторону. Не понимая причины, задавал ей разные вопросы, пытаясь разгадать, почему она со мной не хочет откровенничать, как раньше? От неё узнал, что Надя вышла замуж... за Николая.

У меня перехватило дыхание, сердце замерло, а в груди стало горячо-горячо. Тысячи иголок проткнули моё сердце, ноги вдруг стали ватными, а в голове прозвучало множество вопросов: «Как? Почему? Зачем? Как она могла? Нет, нет, это не она, нет, это неправда, ведь она любила...» Долго не мог осознать, почему так случилось, отчего так больно, почему лишаюсь смысла жизни, как будто вдруг у меня ничего не осталось...

Я не винил её, как не винил и себя... Милое юное создание, выросшее среди повседневных будничных трудов, в тесном кругу многодетной семьи с большими домашними обязанностями, не знавшее особых развлечений, кроме как надеть красивое праздничное платье да пойти погулять по деревне; ещё в большой праздник поплясать в клубе на танцах; с нескрываемым удовольствием обсудить с подружками деревенские новости. Возможно, от всего этого в душе молодой девушки рано пробудились затаённые желания скорее уйти от надоевшего однообразия. Чувствуя не один год рядом с собой человека, постоянно заботившегося о ней, Надя устремилась к нему, надеясь в этом союзе, создав семью, обрести женское счастье...

На этом и закончилась незабываемая история о непокорённой тропе к сердцу. Но и через много лет я с трепетом вспоминаю всё, что судьба подарила нам. Помню то прекрасное чувство, которое не растворилось во времени...

СУДЬБА ВЕКОВОГО СТАРОЖИЛА

*Вознёсся высоко дуб кроной,
Пронзил седые облака,
Он стал защитником, короной,
Вошёл в историю, в века.*

*Сроднил он небеса с землёю
Встречает первым и рассвет, –
Свою судьбу с большой страной
Российский дуб связал навек.*

Когда-то очень давно, в те времена, о которых даже память запорошена легендами и сказками, вблизи посёлка Заречье, где я родился, вырос лес. Славился он стройными соснами, огромными елями и вековыми дубами. Люди, жившие рядом с пущами, благоговейно относились к их незапамятной древности. Больше всего поражали давностью, величием и размерами в два-три обхвата великолепные дубы. У некоторых из них были, как у человека, имена или прозвища. Наблюдательные предки самим названием обращали внимание на внешний вид кряжистого богатыря или событие, произошедшее в судьбе старожила. Названия дубов передавались из поколения в поколение. Я тоже с юного возраста с благоговением относился к лесным великанам, мог без труда найти в лесу дерево по названию. Так сложилось издавна и традиционно поддерживалось большинством жителей селений, располагавшихся в округе.

Мне повезло провести ранние годы среди незабываемых лесных пейзажей. Дебрянский лес, некогда увековечивший славу роскошных дубрав, хотя со временем заметно поредел,

но не растерял вековых красавцев. Выстояв в годы лихолетий, сохранив на своих могучих стволах рваные шрамы-отметины от тех времён, дубы, даже израненные, продолжали укрывать крепкими телами тех, кто искал в них защиту. Люди, любуясь ими, часто не решались пилить могучие деревья на хозяйственные нужды. В этом почитании скрывался глубокий смысл бережного отношения односельчан к природе.

Из истории тоже известно рачительное отношение к вековым дубам Петра I. Он запрещал вырубать, требовал сохранять великанов и выращивать их только для государевых нужд. Недаром, готовясь ко второму Азовскому походу, царь основал под Воронежем, где было много дубрав, корабельные верфи. Ведь такое дерево не гниёт в воде, за много лет пребывания в ней только чернеет, становится дебёлым, прочным. Морёную древесину, так её называют после долгого вымачивания, использовали не только в кораблестроении, но и при сооружении плотин на реках, а мастера-краснодеревщики вырезали из дубовых тесин дорогую прочную мебель...

Дубы в нашей местности не росли поодиночке на просторе, они возвышались в неописуемой красе в лесу над подлеском, прикрывая его благодатной тенью раскидистых крон, укутанных плотными, блестящими, точно омытыми дождем, резными листьями. Горделиво, степенно качая кудрявыми верхушками, деревья приветствовали таких же старожилов-соседей, с достоинством охранявших необозримые территории.

Истинных дубрав в наши дни почти не сохранилось. Из-за ценной древесины мощных деревьев люди вырубали их для перестройки и обновления своих хозяйств. Только некоторые могучие дубы ещё радуют глаз недюжинными ствола-

ми в старинных парках-заповедниках да кое-где в лесу. У многих из тех, что росли недалеко от Заречья, были имена. Моему отцу Петру Тимофеевичу рассказывал о происхождении названий его отец, а мне – мой дедушка Тимофей Мартынович. Мощные, раскидистые свидетели смены столетий запомнились с детства: Бородач, Корявый, Шершневой, Громовой, Дупляной... У каждого из них была своя история...

Местные жители, от мала до велика, знали древние дубы, восхищались зелёными красавцами, не единожды отдыхая в их густой тени. Дуб Бородач поражал путников необычной замысловатой кроной, сформировавшейся за долгие годы его жизни. Ветки нижнего яруса от тяжести обильных снегопадов, от борьбы с зимней стужей и летней жарой за своё выживание были причудливо изогнуты, завалены мелким сушняком, облетевшими листьями соседних деревьев. Всё это создавало неприглядную картину запутанной, нечёсаной бороды, которая, словно неряшливый лоскут, спадала на грудь этого великана, а в сумерках вечера нагоняла неподдельный страх на припозднившегося прохожего. Иногда к этому устрашающему виду добавлялся истошный крик вылетевшей из его густой бороды случайно вспугнутой ночной птицы, укрывшейся на ночлег в затишье ветвей.

Бородач, сердито поглядывая из-под косматой шапки на тех, кто ниже его ростом, всем видом давал понять, что он здесь хозяин леса. Как боец, защищал зеленевшее у его основания разнотравье, прятал до поры до времени тугие боровички, за которыми приходили не только люди, но и сбегалась лесная живность, делавшая запасы корма на зиму. До самых твёрдых заморозков дуб не чурался угостить янтарными желудями диких подсвинков... Рядом с Бородачом хо-

рошо было человеку. Стоило присесть, прислониться на несколько минут спиной к его могучему, шершавому, испещрённому временем стволу, и заботы отступали, появлялась лёгкость, понемногу становилось спокойнее. Несмотря на неряшливый вид дерева, люди любили его...

В отличие от Бородача, Шершневой дуб не был таким неприглядным. Напротив, находясь в глуши, куда не попадало много света и солнца, он выглядел куда приманчивей. Его ствол был упругим, а кора, точно дорогая шуба, покрывала великана от основания до самой макушки. Огромные ветви так широко распластались во все стороны и ввысь, что образовали великолепный шатёр кроны, сотканный из ажурных изумрудных листьев. Редко какой селянин, проходя мимо Шершневого, не останавливался у его подножья, чтобы не запрокинуть, закружившуюся от великолепия голову, и не попытаться рассмотреть неподвижное голубеющее над ним небо с плывущими облаками.

В раскачивающемся куполе длиннющих ветвей порхали птицы, распевая на все голоса рулады. Великодушный страж леса был привлекателен не только птицам. В своём дупле под одной из корявых толстых веток с давних времён нашли приют шершни. Сколько помню себя, жёлтокрылые насекомые постоянно выводили в нём не одно поколение шершенят. Гнездо располагалось так высоко от земли, что до него трудно было добраться, да и желающих это сделать не находилось: все знали агрессивный нрав общественных ос.

За многие годы дуб словно сроднился с квартирантами: укрывал их от непогоды, давал кров, согревал в зимнюю стужу, а они, будто чувствуя заботу дерева, тоже помогали ему. Ремонтируя каждый год гнездо, отгрызали из

сколов кусочки гнивающей древесины для обновления сот, тем самым защищая дерево от разрушения.

Для земляков Шершневой служил ещё и надёжным ориентиром в лесу. Про него говорили: дойдёшь до Шершневого, повернёшь направо, там будет делянка с травой, полянка с ягодами или грибами, а может дерево на дрова или тропинка к лисьей норе... То есть называли место, о котором шёл разговор. И не было на памяти случая, чтобы, ориентируясь по дубу, кто-то сбился с пути.

Крепкая листва не облетала с него даже зимой. Снег охапками ложился на коричневые упругие листья, блестя в солнечный день мириадами крошечных изумрудов среди голого леса. Рядом с Шершневым легко и свободно дышалось, он словно источал свежий аромат зимней стужи, а в летнее время – дикой прохлады вперемешку с запахом медвяной росы, очаровывая неземным покоем и беззвучием.

В противоположной стороне от Кобыльевого болота рос Дупляной дуб. Он славился тем, что был испещрён многочисленными отверстиями-дуплами. В них годами гнездились разные лесные щебетухи, выводя пернатые потомства. Не гнушались такими квартирами белки и куницы, во множестве шнырявшие по лесу.

Дупляной возвышался над роскошной зелёной опушкой величественным небоскребом, сохраняя у подножья живописный ковёр тенелюбивой травы вперемешку с лесными цветами. По соседству с громадным деревом рос орешник, красная бузина, калина... Вокруг его царственной особы расселился даже загадочный бересклет, из которого местные жители часто делали куцобки (разновидность трости с при-

чудливо загнутой верхней частью), используя необычайную природную гибкость кустарника. Такая трость была удобна при ходьбе или при выпасе скотины на пастбище.

На стволе дерева на разной высоте от земли, насколько позволяли видеть ветви, чернели бесчисленным количеством выдолбленные неутомимыми дятлами дупла. Вход в них был почти идеально отшлифован. Если удавалось застать птиц за работой, то можно было часами наблюдать за ними. Мне нравятся эти яркие птички, приносящие пользу лесу. Добывая корм, они уничтожают вредных для деревьев насекомых. Осенью, зимой, когда не хватает букашек, дятлы меняют свои вкусы и начинают кормиться семенами от сосен, елей.

Пиршество этих пернатых заметно даже издалека. Вoroх вылущенных золотисто-коричневых шишек горкой высится у подножья дерева, где они трапезничали, утоляя голод. Жаль, что дятлы в выстроенном дупле живут всего один сезон, обеспечивая после себя квартирами других обитателей леса: синиц, горихвосток, вертишеек.

Выдалбливая в плотном стволе новое большое помещение с маленьким входом, птица делает для своих детей крепость. Трудно представить, как дятел умудряется расщеплять древесину в тесном, тёмном дупле, где нет места для того, чтобы вначале даже развернуться. Закончив долбить снаружи, он полностью скрывается в отверстии для завершения работы, лишь изредка появляясь на свет, красуясь ярким оперением при выбрасывании очередной порции щепы. От такой долбёжки под деревом скапливалась целая горка пахучих щепочек, позволявшая местной ребятне узнавать о гнезде птицы.

К тому же дятлы несказанно оживляли лес своей барабанной дробью. Интересно было смотреть, как, усевшись на нижнюю часть ствола, опираясь на длинный хвост, птичка словно по спирали поднималась к верхушке дерева, отыскивая по пути корм.

По соседству с дятлами в некоторых дуплах жили белки. Иногда по какой-то причине гнездо долгое время оставалось никем не занятым, тогда оно постепенно закрывалось наростами, затягивалось корой. Разглядывая с земли поселения на Дупляном, мы со сверстниками могли определить, какое из них не пустует. Если кто-то из нашей компании сомневался или затевал спор, то для разрешения размолвок был простой способ: увесистой палкой резко ударить по толстому стволу дуба. От тумака по дереву птенцы начинали пищать. Их писк, возможно, был ответом на шум, как инстинкт на прилёт родителей с кормом. Бывало, наоборот, пищавшие желторотики после удара замирали в гнёздах, не подавая признаков жизни. Стоять, задрав головы в долгой тишине под деревом, прислушиваясь, нам становилось скучно. После шутливой возни мы вскоре, забыв о птенцах, с шумом удалялись прочь заниматься более интересными ребячьими делами...

Не уступал по своим размерам Дуплянному Корявый дуб... Название, или народное прозвище этого титана, очень выразительно говорило само за себя. Корявый рос вдали от людских глаз. Его ствол был тёмным, почти чёрным. Дуб уже сам не помнил, как когда-то давно в прогретой солнечными весенними лучами земле он зародился от блестящего жёлудя, сохранившегося под перепревшей ли-

стой. Возможно, первые годы ему приходилось настойчиво бороться за своё выживание, изо всех сил тянуться нежным тонким ростком к солнцу. Большие деревья, окружавшие его, густой подлесок, сильные ветра, зимние вьюги с обильными, не чета сегодняшним, снегопадами закаляли его, образовав дубовую крону из сучьев, напоминающую коряги с немыслимыми изломами. За века дуб вырос так высоко, что его верхушка оказалась выше всех деревьев. Она укрыла сверху зелёным шатром из резных листьев всю неприглядную корявость изогнутых сучьев, заметных путнику только с земли.

В лесной прохладной глуши Корявый казался сказочным. В предвечерье он наводил страх на одинокого прохожего, а в светлое время дня всегда помогал моим землякам ориентироваться в лесу, особенно когда пасли домашнее стадо на лесистых опушках.

Гораздо привлекательнее Корявого великана когда-то был Громовой дуб. Как много, наверное, он знал и видел на своём веку! Если бы посчитать годы его жизни по кольцам на стволе, то получился бы интересный рассказ... Исполин был выше всех деревьев в округе. Из-за своей немыслимой вышины дуб больше всех страдал от молний или, как говорили у нас в посёлке, «от грома». Молнии с её разрушительной мгновенной силой никто не боялся, больше страшились следовавшего за ней громогласного раската. Пережив не одну грозу, искорёженный дуб сросся с прозвищем Громовой. За многие годы стихийных напастей он не единожды расщеплялся вдоль ствола на множество расколов. Прожив под беспокойным небом больше века,

устав бороться за своё существование, дуб стал засыхать. Лишь по весне внутри его всё-таки просыпалась жизнь, выдавая дыхание мелкими зелёными листочками, распускавшимися на отдельных ветках.

Птицы, некогда вившие гнезда в кроне дерева, белки, квартировавшие в дуплах, чувствуя близкую кончину великана, постепенно покинули его. От роскошной кроны Громового остались только толстые кривые сучья. Несмотря на угасание, в нём ещё угадывалась былая мощь векового дерева. Здоровенные корни, торчавшие над поверхностью почвы, глубоко уходили в землю. Как могучие, окоченелые пальцы, вцепившись в грунт, они крепко держали хозяина, помогая ему сопротивляться сильным ветрам, зимним буранам...

Рядом с ним пролежала дорога, по которой зареченцы ходили в соседнюю Гамалеевку. Возвращаясь из школы, я не раз играл с друзьями под Громовым. Засыхающая крона уже не затемняла его подножье. Не стало густого подлеска, зарослей кустарника, вокруг великана было светло и просто. В летнее время зелёным, почти сплошным ковром среди разнотравья расстилалась брусника, наливаясь коралловым соком, тонким медовым ароматом благоухала медуница, а в грибную пору вырастало множество обворожительных боровиков. За ними приходили селяне, особо радуясь находкам. Осенью к дубу на кормежку собирались дикие кабаны, нагуливая жир к зиме, они лакомились желудями, корешками от растений. Эти клыкастые обжоры некогда наедались здесь до отвала, а теперь искали тут лакомства уже по привычке, оставляя следы своего пиршества – изрытую землю...

Крепился дуб, старался продлить свою жизнь, но всё равно его сучья из года в год ломались, падали вниз, ого-

ляя изношенное тело. Некоторые были настолько обезображены, что, истлев, висели, зацепившись за другие более прочные ветки. При порывах ветра, скрипя, издавали пугающие звуки, раскачивались, норовя упасть.

Мой отец не любил, когда ученики его школы, возвращаясь с занятий, свалив сумки с книгами на землю, могли долгое время проводить подле Громового. Постоянно повторял всем об опасности. Но детвора, оказавшись поблизости с облюбованным для игр местом, забывала о его предупреждениях. Папа, видя, что его запреты не идут впрок ребятишкам, стал присматриваться к дереву, думая, как бы убрать его с дороги...

Глубокой осенью, когда были закончены все уборочные работы в огороде, пришла пора заготовки дров на зиму. Отец в один из таких дней, как бы невзначай, затеял за обедом разговор:

– Я вот присмотрел в лесу старый дуб... Надо бы его спилить. Топлива от него точно хватит нам на всю зиму.

Присмирив, мы с братом, не перебивая, слушали его, а он неспешно продолжил:

– Слышал недавно, что в этом году зима будет суровая, холода наступят рано, трудно будет согреть саманный дом, пора бы уже запастись дровами. Навалит снега, в лес не сунешься. Лошадь в сугробах по брюхо утонет.

Сделав паузу, добавил:

– Мне с лесником удалось поговорить... он разрешил спилить, присмотренный мною дуб...

Взглянув в лицо отцу, я спросил:

– Пап, неужели ты задумал спилить Громовой?!

Удивлённо подняв бровь, отец, вздохнув, утвердительно качнул головой. Почесав затылок, он произнёс:

– Дуб уже давно болеет, может наделать беды...

По настроению отца понял, что решиться на это ему нелегко... Да к тому же одному такую махину свалить будет неподручно. Он тягостно замолчал. Косточка на его скуле под тонкой щетинистой кожей заходила ходуном, а крупные натруженные руки, зажав недопитую кружку молока, неподвижно лежали на столе ... На правах старшего сына, обращаясь к отцу спросил:

– Меня с Валерой возьмешь? Мы тебе поможем. Дуб ведь в три обхвата. Его пилить и пилить. Сразу даже всем вместе трудно будет справиться.

– Конечно, возьму, – незаметно улыбнувшись, подтвердил отец, – куда ж без вас...

Заручившись сыновней подмогой, Пётр Тимофеевич, так звали папу, стал готовиться к спиливанию одряхлевшего великана. Не далее чем через неделю, подготовив самую длинную пилу-двуручку, топор, верёвку и кое-какие нехитрые инструменты, мы отправились в лес. Дорогу к Громовому все знали наизусть, но отец накануне предложил нам пойти немного другим путём, чтобы через задворки подойти к дубу со стороны чащи, не привлекая внимания встречающих прохожих. Так повелось, что даже с разрешения лесника рубить деревья в лесу зареченцы ходили тайком, по возможности пряча инструменты. Мы не стали исключением.

Осенний холодок начинавшегося дня заставил накинуть плотную одежку. Выбирать особо в доме было нечего, оделись попроще. Из верхней одежды – старые ватные фуфайки, широкие штаны, на ноги обули кирзовые сапоги, сма-

занные для мягкости салом, а на головы надели выдавшие виды лёгкие шапки. Валера накинул на плечо верёвку, чтобы не болталась по земле, а я под фуфайкой спрятал топор, заткнув его топорщице со стороны спины за ремень. Вышедший из сарая отец, по-доброму взглянув на нас, спросил:

– Ну что, готовы?

– Готовы!

– Тогда вперёд! – по-военному скомандовал он.

Толкнув друг друга плечом, мы с братом вышли из каляитки в сад, следуя за отцом.

Денёк выдался на славу! Ранним, притихшим утром погода радовала чистым прохладным воздухом. Небесный купол ярко-синего цвета, без единого облачка, уходя в бесконечность, висел где-то высоко-высоко над нашими головами. Без летнего птичьего многоголосья стояла особая тишина. Эту прозрачную идиллию едва нарушало только слышавшееся с дальних болот редкое криканье ещё не улетевших диких уток да шум проносившихся мимо нас стремительных стаяк серых воробьёв, – по моему мнению, – умных птичек. За ними забавно наблюдать, когда они с прискоком шмыгают по тропинкам, выискивая корм среди травы. Конечно, воробышки не так красивы, как другие птицы, не обладают изяществом, не умеют звонко петь, но всё же эти маленькие разбойники милы мне суебливой простотой, своей близостью к человеку...

Обогнув кузницу, над крышей которой курился спозаранку едва заметный сизый дымок, ступили на лесную дорожку, обозначенную густой пожухлой травой по обочине и напозавшим со всех сторон подлеском. Под редкой решётча-

той тенью, падающей от почти сбросивших листву деревьев, было свежо и по-утреннему зябко. Прохлада настырно забиралась за ворот рубашки, холодила щёки, оседала испариной на носу. Было безлюдно. Только трое лесорубов топали по едва заметной тропинке, пробираясь в чаще к Громовому. В пути сам по себе постоянно возникал разговор о предстоящей работе. Мы с Валерой без устали говорили отцу, как будем валить дуб, что сделаем вначале, с какой стороны к нему лучше подступиться, по-взрослому толковали о всякой всячине, связанной с рубкой деревьев...

Отец не любил суеты в работе, всё делал размеренно, по-деревенски основательно, полагая, что успех не в скорости, а в умении, поэтому на наши фантазии мало реагировал, лишь изредка, унимая детскую прыть, цедил:

– Придём на место, там и решим. Что заранее болтать.

– Пап, вот ты так спокойно говоришь обо всём, – пытались мы его урезонить.

– Нет, я просто старше вас, – прервал он, – знаю, спешка здесь ни к чему. Бывает, задумаешь что-то сделать, загорисься, а потом работа пойдет немного не так. Можно скиснуть... Мол, зачем всё, раз не оправдалось усердие и рвение сделать по задуманному... Тогда надо бросать начатое или делать не от души, а зачем нам это? Негоже мужикам отступать... Вам сейчас трудно понять, – серьёзно продолжал он, – а когда повзрослеете, тогда и вы будете рассуждать так же... Нам с Валерой ничего не оставалось, как молча согласиться.

Пройдя половину пути, наконец, выбрались на просеку. Взглянув на отца, немного пухлого в своей одежде, я с испугом спросил:

– Пап, мы идём пилить дуб, а пилу ты дома забыл?!

Улыбнувшись, он медленно расстегнул три пуговицы старой фуфайки, показав взглядом во внутрь.

– Смотрите сюда!

Там блестела зубастая пила. Отец обернул её полотно вокруг себя, закрепив оба конца деревянными ручками. Словно замок, они не позволяли пиле упасть. Гибкая сталь, необыкновенно тонкая, согнувшись в кольцо, крепко держалась под одеждой.

– Твоего топора тоже нигде не видно. Это не значит, что ты забыл его дома, – лукаво подмигнув, добавил он.

После разговора о маленьких хитростях, скрытых под одеждой, всех посетило какое-то беспричинно-хорошее настроение. Смеясь, шурша пожухлой листвой под ногами, вышли напрямки к Громовому.

Лес, в осенней красе, залитый косыми, уже не греющими лучами солнца, был просто великолепен! Природа, словно искусный художник, умело нанесла лимонные, оранжевые и коричневые мазки на всё, что было ещё совсем недавно зелёно-пёстрым разноцветьем. Воздух был настолько нежен, что в нём слышался шорох одиноко падающих листьев. Раскидистые берёзки давно расплели светло-жёлтые косы. Опустив их, они кокетливо, по-девичьи, прикрывали свои белоснежные ноги. В глубине чащи чуть заметно дрожал пожелтевшими листьями осинник, красными брызгами колыхались на ветру редкие ветки боярышника... Осень очаровывала простой, но в то же время неповторимой, вечно обновляющейся переменной радужных красок.

Любуясь лесом, свернули на едва заметную среди мягкого мха тропинку. Хрустя ломкими сухими ветками, мы

приблизились к опалённому осенней пламени Громовому, одиноко возвышавшемуся над поляной. Его редкие листья не были жёлтыми. Они потемнели, стали бурокоричневыми, словно закоптились от бушующего внизу разноцветного огня, но не осыпались, наверное, пытались продлить жизнь исполина, похожего на человека с нелёгкой судьбой, многое повидавшего, пережившего, удивлявшего стойкостью и нежеланием умирать.

Когда мы посмотрели издалека на почерневший от дождей и снегов, на израненный молниями дуб, нам показалось, что он как-то сник, ссутулился, ожидая от незваных лесорубов своей участи. Мощными сухими ветками будто призывал людей избавить его от нерадостной, угасающей жизни, понимая свою обречённость.

Вид Громового был плачевным: у подножья земля была сплошь усеяна сухими ветками, наломанными ветрами с кроны. Самые толстые из них ещё висели высоко над землёй, зацепившись за стоящее рядом дерево. От шума наших голосов с верхушки дуба с гортанным криком взлетел испугнутый лесной голубь.

Свист крыльев поднявшейся птицы тотчас напомнил случай на охоте, который сохранился в памяти по сей день. Возможно, это он не позволил мне полюбить охоту по настоящему, хотя имею по-прежнему оружие, а к нему охотничий билет.

А дело было так... Я рано пристрастился к охоте, потому что в лесу с ружьём охотился дедушка Тимофей, он стрелял тетеревов, бекасов, перепелов. Когда мне ещё не доверяли оружие, часто с завистью наблюдал, как он чистит ружьё. Украдкой от него, гладил воронёный ствол ста-

ренькой трофейной ещё с гражданской войны одностволки, её немного обшарпанный деревянный приклад. С удовольствием вдыхал запах оружейного масла, мечтал быть таким же, как он, охотником. Повзрослев, годам к шестнадцати, взяв однажды в руки дедушкино ружье пятнадцатого калибра, отправился в лес добыть какую-нибудь дичь. Проблудив много времени по лесным опушкам, исходив все близлежащие болота, так ничего не подстрелив, немного расстроенный, шёл домой с пустыми руками.

Проходя мимо Громого, услышал клёкот лесного голубя: «кугу, кгу-у-у-у...». Он доносился с верхушки дерева. Присмотревшись, заметил высоко сидящую птицу. Решил добыть хотя бы её. Хорошо прицелиться мешали ветки, густые листья. Пересекающиеся между собой, они закрывали обзор, но имевшийся к тому времени опыт охотника помог мне найти удобное место для выстрела, который оказался для певца роковым...

Когда синий дым рассеялся, голубь на миг замер, а потом стал медленно, как-то странно сваливаться с дерева. Падая на очередную ветку, он цеплялся за неё когтями, надеясь удержаться от страшного полёта вниз. Замирая на мгновение, теряя силы, он расцеплял коготки, кувыркаясь до очередной ветки... Его предсмертный полёт показался мне вечностью. Наконец, ударившись о землю, птица затихла в траве.

Подчиняясь охотничьему азарту, быстро подбежал к добыче, схватив руками, поднял над землёй. Зажав между ладонями пернатое тельце, почувствовал огромное напряжение судорожно сжимавшихся мышц. Угасающие глаза голубя были широко открыты, а затем медленно-медленно стали заволакиваться синевато-белой плёнкой. Пернатый

комочек в моих руках вскоре как-то обмяк, а глаза подранка через мгновение закрылись навсегда. Мне стало нестерпимо жалко погибшего голубя... В голове пронесли сожаление, раскаяние... Отойдя от дуба, вырыл поблизости маленькую ямку в земле и захоронил его.

Возвратившись тогда домой, никому не рассказал про подстреленную пичугу, отделавшись словами, что охота не удалась. Чувство вины перед ней долго не покидало меня...

Голубиный клёкот в кроне дуба навёл меня и в этот раз на грустные мысли, от которых хотелось поскорее избавиться. Чтобы стряхнуть горестные воспоминания, стал помогать отцу готовить приспособления, раскладывая их на траве.

Неспешно осмотрев основание дерева, мы дружно принялись вырубать растущую рядом поросль, кустарники, утапывать траву, убирать из-под ног большие сухие палки, которые могли помешать при работе. Чтобы не спотыкаться, выровняли землю, взрытую кабанами. Твёрдыми пяточками они, словно маленькими бульдозерами, подняли вокруг дёрн, прокопали замысловатые канавы, зиявшие рыжей песчаной землёй. В одной из них после недавнего дождя образовалась лужа, в ней хрюшки принимали пороссячи ванны, очищаясь от паразитов. Хорошо утрамбованная, отшлифованная до блеска широкая ложбина на разрытой полянке подтверждала, что здесь ночью отдыхало большое кабанье семейство. Кое-где на земле валялись жёлуди, наверняка, упавшие с дерева после ухода диких свиней. Блестя шоколадными бочками, они переливались на солнце. Пришла идея собрать семена для посадки. Я снял с головы шапку, которую вскоре заполнил желудями Громового дуба.

Закончив подготовку, взявшись за ручки пилы, стали с отцом запиливать ствол невысоко от земли с той стороны, куда по нашим расчетам оно должно было упасть. От визга зубастого инструмента дуб будто вздрогнул. С его кроны веером посыпались сухие листья. Кружась в воздухе, они, как игрушечные кораблики, похожие на раскрытые детские ладошки, осыпали наши плечи, спины, головы, шуршащим скорбным листопадом заполняя всё вокруг...

Сделав в Громовом глубокий запил, перешли на его противоположную сторону. Из-под толстой, частично сохранившейся коры тускло-рыжей мукой ссыпалась труха – след неутомимых жуков-короедов. От слаженной, размеренной работы по лесу эхом разносились тонкие, приглушённые древесиной, металлические звуки: вжик-вжик, вжик-вжик, будто кто-то невидимый играл в лесной чаще на неизвестном инструменте.

Отец подсказывал мне, как надо держать пилу, чтобы её не заклинило в прорезе и она не ушла вверх или вниз. У неумелых лесорубов такие казусы были не редкость, особенно когда дерево было уже пропилено ближе к середине. Порой не хватало даже сил просто вытащить её оттуда. Иногда горе-лесорубы бросали подпиленное дерево вместе с пилой в лесу, потеряв всякую надежду на вызволение инструмента из плена...

У запилов вскоре образовались две большие горки пахучих опилок – тырсы, но могучий ствол некогда лесного красавца не хотел сдаваться. Размах пилы из-за большой толщины дуба становился минимальным, а её движение всё больше затруднялось. Мы с отцом подустали, стали чаще отдыхать. Тело под ватной телогрейкой горело от

жаркого тепла, на лоб то и дело набегали капельки прозрачного пота. К работе подключился брат. Чтобы его помощь оказалась полезной, отец привязал верёвку за ручку пилы с моей стороны. Валера, стоя поодаль, тянул её одновременно со мной, только я дёргал за ручку, а он – за привязанную к ней верёвку, отчего получалась двойная сила, облегчившая отцу работу.

Пропилив ствол до середины, почувствовали облегчение. Нам повезло, сердцевина дуба оказалась трухлявой. Тырса стала проваливаться в пустоты, не заклинивая пилу. Подумав, решили опилить дуб по кругу, чтобы быстрее повалить его. Вскоре послышался приглушённый треск от лопнувшей древесины внутри ствола, похожий на глубокий выдох. Лес перед предстоящим падением великана будто замер. Даже замолк глухой стук дятла в глубине чащи. От напряжённой работы, от волнения у меня часто билось сердце, а в висках мелко пульсировала кровь...

Время приближалось к полудню. Утробные, трескуче-скрипучие звуки внутри дерева повторялись всё чаще и чаще. Совсем скоро, словно стряхнув осенний сон, дуб вдруг вздрогнул, он, как мог, долго держался, но, умело подпиленный со всех сторон, как в замедленной съёмке, стал медленно крениться к земле. Его морщинистые шрамы на стволе пришли в движение, начали увеличиваться в размере. Отбежав на безопасное расстояние от дерева, мы наблюдали, как Громовой, ломая и круша всё на своём пути, мощно ухнув, упал с гулким стоном. Ударившись о землю, сухая макушка дуба сломалась на множество мелких кусков, прикрыв росшие далеко от его основания кустарники. Свежий спил пня с более чем полутора сотнями

годовых колец напоминал огромную тарелку с гнилой сердцевиной, заполненной сырыми опилками.

Ошеломленные его падением, мы стояли не двигаясь в лесной тишине, нарушаемой лишь шорохом продолжавших медленно падать сухих листьев. Нехотя оседая на землю, они кружились, укрывая, словно саваном, упавший Громовой. Как только осыпалась шоколадная листва, над лесной поляной открылась бездонная высь. Стало заметно светлее, просторнее, завиднелось поднебесье, в котором парил в одиноком полёте ястреб, выглядывая добычу... Лес, окружавший дуб, до этого казавшийся могучим, статным, вдруг поник, потерял величавость... На душе тоже было двойственное чувство: радостное от сделанной работы и грустное – от того, что теперь не будет такого красивого места, где веками рос Громовой...

По расчётам отца, на разработку дуба необходимо было потратить дня два: в первый день – спилить его, а во второй – перевезти домой. Как он запланировал, так решили и действовать. Когда время перевалило далеко за полдень, папа сказал:

– Хватит на сегодня. Надо отдыхать. Пошли домой, пообедаем. Мать с девочками, наверное, заждались нас. Завтра с новыми силами займёмся распиловкой, а заодно и перевозкой. С конюхом о лошадке договорился.

– А вдруг, пока будем дома, наш дуб кто заберёт, – засомневался Валера.

– Не волнуйся, никуда он не денется. Завтра придём, увидишь его на этом же месте, – заверил отец.

Охотно подчинившись, уставшие, вернулись домой, где нас действительно заждались. Уплетая запоздалый вкусный обед, мы долго, при свете подвешенной к потолку

зажжённой в полумраке хаты керосиновой лампы рассказывали домочадцам о работе в лесу...

Поблагодарив маму за обед и почти за ужин, вставая из-за стола, я, спохватившись, вспомнил про семена.

– Мама, а мы жёлуди собрали от Громового! – воскликнул я. Быстро отыскав на лавке оставленный картуз, наполненный ими, подал его маме в руки. Она вопрошающе посмотрела на отца.

– Мам, припрятать их в потаённом месте, вдруг они пригодятся для посадки, – попросил брат.

– Далеко прятать не надо, – вмешался в разговор отец. – Скоро ученики нашей Гамалеевской школы будут вместе со старшеклассниками Валуецкой восьмилетки помогать колхозу сажать дубовую рощу недалеко от погарской дороги. Осталось лесничему определить место. Так что ваши жёлуди очень даже пригодятся! – убедительно добавил он.

– Хорошо бы, – обрадовано загалдели не только мы с Валерой, но и сёстры.

На следующий день, встав пораньше, отец с разрешения конюха привёл лошадь из колхозной конюшни. Поутру было свежо и неприветливо. От близлежащих болот, от огорода веяло холодно-резковатой неуютностью. Отец, не торопясь, запряг в телегу во дворе дома рахманую сивую кобылёнку. Пока он затягивал хомут, закреплял сбрую, мы с братом принесли из стойла охапку сена вперемешку с соломой, чтобы не хрустко было ехать в лес. Когда я проходил мимо лошадки, шурша сеном, она, поведя левым ухом, недовольно скосила на меня глазом, норовя поймать зубами корм. Испугавшись, я отдернул руку. Раструсив

подстилку по телеге, отделил пучок пахучего сена и отнёс рахманой. Задёргав поводом, она с нетерпением мягкими губами потянулась за травой, шумно втягивая воздух, захрупала подсохшими травинками. Отец укоризненно посмотрел на меня, отчего мы с братом тут же опрометью вскочили на телегу. Не прошло и пяти минут, как он кинул прямо к нашим ногам скрученную большим пучком верёвку и, обойдя подводу, сам уселся на край телеги. Дёрнув поводья, тронул со двора. Почувствовав твердую руку ездока, лошадь сразу перешла на рысь ... От небольшой тряски на кочках, отдававшейся в груди щекодавшей дробью, мы с братом похохатывали в такт трясучке, будто нам было несказанно весело... Через некоторое время, преодолев знакомую лесную дорогу, подкатали к Громовому...

Дуб, как уверял накануне отец, действительно лежал на старом месте, возвышаясь на поляне. Исполин, белея свежим срезом комля, выглядел умиротворённым, словно за глухую осеннюю ночь он всё передумал и смирился со своей участью...

Взяв наточенные топоры стали дружно обрубать тонкие ветки. Присматриваясь к сноровистой работе отца, мы с Валерой старались подражать ему, тоже одним махом обрубать ответвления. Топор от работы нежно позванивал, отзываясь в руках мелкой дрожью. Закончив эту работу, занялись распиловкой ствола.

— Перекур! — объявил отец через некоторое время. Воткнув топор в торец бревна, он сел на поваленное дерево. Умаявшись, мы последовали его примеру. Денёк был тихий... Солнце растеплило лес так, что появились даже маленькие мошки. Вокруг великана, распластанного над землёй, подни-

мался еле заметный парок. В загустевшем чистой синью вялом воздухе теплилась бездонная глухая пустота. Сидя верхом на толстом бревне, папа с невольной тоской и растерянностью смотрел на раскиданные повсюду чурбаны и ветки. Наваленные друг на друга, они высоко вверх топорщились обрубками сучьев, а некоторые были даже с необлетевшей пожухлой листвой. Кругом валялись обломки сушняка... Пуская дым кольцами, Пётр Тимофеевич обдумывал, что делать дальше...

Время неумолимо бежало вперёд. Стали готовить первый воз для отправки домой. Складывали так, чтобы побольше вместить на телегу. Затем увязали дрова верёвками, дабы по дороге их не рассыпать. Везти их надо было чуть более километра, что по деревенским меркам практически рядом с домом. Решили в посёлок отправить Валеру. Сделав ему наказы, усадили мальчишку поверх кучи. Взяв по-хозяйски вожжи, понукая лошадь, он тронул подводу, объезжая уродливые высокие корчи, стоявшие в случайном порядке, он вскоре скрылся в зарослях подлеска.

Оставшись в лесу вдвоём, мы продолжили заготавливать дрова на новый воз. На это ушло немало времени. Работали попеременно. Когда отпилили одну из нижних веток, державшую на весу ствол, она неожиданно прогнулась с моей стороны и зажала пилу. Пришлось вставлять клинья, чтобы ослабить зажим и всё-таки допилить толстенный сук. За работой время летело незаметно.

Вспомнили о часах, только когда услышали шум приближавшейся телеги да всхрапывание лошади на дороге.

— Что-то вы мало заготовили дров? Наверное, долго отдыхали тут без меня? — раздался ехидный голос Валеры, подъезжавшего к поляне.

Распрямив спину, отец тут же ответил:

— Так, ты давай, иди сам попили, может, у тебя быстрее получится, а я вместо тебя в посёлок поеду?

Валерка, смекнув, чем может закончиться этот разговор, быстро замолчал.

Отправив его в очередной раз с гружёной телегой в посёлок, стали набирать для перевозки самые толстые кругляки. Один из них, от комля дуба, приблизительно двухметровой длины, мы как раз успели отпилить к возвращению брата. Для погрузки бревна телегу подогнали как можно ближе к нему. Но поднять такую тяжесть было не по нашим силам. Решили приспособить покаты. Срубили здесь же длинные, крепкие дубки и приложили с наклоном к телеге. По ним теперь надо было закатить на телегу неподъёмные части дерева. Обвязав комель верёвками, стали тянуть его. Но как мы ни старались, как ни пыхтели, подталкивая комель дрючьями, он под собственной тяжестью, даже не достигнув середины покато́в, скатывался вниз, норовя кого-нибудь придавить. Намучившись, присели вновь на распиленные брёвна отдохнуть. Был уже полдень. По небу пеленой поплыли тучки, а над лесом разлилась холодная осенняя хмарь.

Лошадь, отливая шелковистой спиной на солнечном просвете, спокойно стояла поодаль, понутив голову. Она лишь иногда чутко нюхала воздух у себя под ногами. Отец, утерев шапкой потный лоб, пересел от меня на пень и скрутил сигарку из самосада. Устало затянувшись, посмотрел вверх. В такой позе какое-то время сидел неподвижно. Руки, коричневые от летнего загара, натруженно лежали на его коленях. В мою душу закралось сомнение, что папа не знает, как поступить...

Нарушая тишину, мы с братом рассуждали вслух, придумывали, как подогнать телегу ещё ближе к бревну, чтобы было легче его закатить на воз... Отец молчал... Расслабившись, безвольно и дремотно смотря и не видя, слушающая и не слыша, он застыл, не двигаясь, для всего, что было вокруг: для нас, для холодного неба, для редких зыбких звуков, доносящихся из глубины леса, переполненного тишиной... Склонив голову, папа будто прислушивался к лесному шуму, ровному, протяжному, похожему на дальний отголосок посёлка. О чём были его думки среди притихшей природы лесного царства? Мы с Валерой так и не узнали... оставалось только догадываться...

Прошло совсем немного времени, как со стороны дороги послышались приглушённые голоса, а вскоре показались идущие люди. Это были наши односельчане, возвращавшиеся из Гамалеевки в посёлок. Поравнявшись с нами, они остановились. Поприветствовав по очереди друг друга рукопожатием, мужики поняли, что у нас не хватает силёнок погрузить комель. Увидев утомлённого неудачей отца, обведя глазами напиленные чурбаны, они степенно присели рядом, попросив закурить. Помусолив между пальцев самокрутки, затянулись едким дымком самосада и добродушно подбодрили:

– Тимофеич, не горюй! Поможем тебе и сыновьям! Под этим Громовым сами давно боялись ходить да и скотину пасти тоже. Отжившие свой век ветки могли ненароком прибить или покалечить кого угодно, особенно в ветреную погоду!

Прежде чем взяться за работу, немного поговорили о делах насущных, о продуктах в местном магазине, об уче-

бе своих чад в школе, про собранный урожай и подготовку к зимним холодам... Искулив по сигарке, мужики не без труда сообща закатали бревно на телегу. Отец, подложив с двух сторон покаты, закрепил его от раскачки.

Поблагодарив помощников, которые, поторапливаясь, отправились в Заречье, отец ещё раз придиричиво осмотрел воз. Проводив взглядом мужиков, уже мелькавших за лесной извилиной, он сам взял вожжи в руки и неспешно пошёл рядом с телегой, слегка понукая лошадь. Мы с Валерой топали позади, приглядывая за поклажей со всех сторон – всё ли в порядке...

До дома довели благополучно, а вот когда по приставленным брёвнам стали разгружать комель, стараясь не поломать тележные оси, он, набрав скорость, покатился так далеко, что развалил наш забор. Но это было уже неважно, главное, что часть тяжелого великана была во дворе, а починить забор после случившегося не составило труда.

Остальные кругляки дуба-старожила, хотя и были легче и короче первого, тоже доставили нам немало хлопот. Да и после их перевозки много времени пришлось потратить на благоустройство места, где раньше рос великан: собрали все оставшиеся ломаные сучья, сожгли их в костре. Чтобы не повредить траву, его развели на месте кабаньей лёжки. Пень забросали землёй, укрыли мхом, а в его гнилое дупло насыпали желудей в надежде, что они смогут прорасти...

К распиловке брёвен дома приступили только через некоторое время, выбрав выходной день, свободный от занятий.

Тонкие ветки для растопки печки порубили на деревянном чурбане и сложили отдельно от основной поленни-

цы. Толстые дубовые обрубки попилили пилой-двуручкой на чурки, укладывая их на деревянные кóзлы, напоминавшие двух рогатых животных, которые стояли отвернувшись друг от друга, будто глядя в разные стороны. Наколотую гору поленьев сложили под навес для просушки.

Объёмистые брёвна раскалывали вдоль топорами, клиньями на сегменты. Из таких заготовок потом делали стойки (копылья) саней, клёпки для бочек, дубовыми плашками укрепляли фундаменты сараев, стенки погреба. Брёвна без сучьев приберегали, чтобы вырубить из них лекало для сгибания полозьев саней и дуг...

Громовой дуб, прожив по человеческим меркам целую вечность, ещё долго служил нашей семье: грел своим теплом, поддерживал домашнее хозяйство. Даже пень, оставшийся после спила великана, поросший мхом, не один год дарил моим односельчанам в осеннюю пору множество опят, облюбовавших это место, радовал зеленью молодых дубков, тянувшихся вверх из его трухлявой сердцевины...

Прошла осень, а за нею зима, наступила весна следующего года. Как раз в эту пору директор Валуецкой восьмилетней школы пригласил отца с учениками поучаствовать в посадке дубовой рощи. Был субботний или воскресный день. Мне, одиннадцатикласснику Бакланской школы, тоже невероятно захотелось выйти с ними на субботник. Я знал многих учителей из Валуецкой школы, с которыми хотелось увидеться: с географом Кукшиновым Иваном Емельяновичем, его женой – учительницей русского языка – Зинаидой Александровной, учителем немецкого языка Байдой Петром Терентьевичем...

Забрав сумку с желудями от Громового дуба, вместе со всеми в назначенное время пришёл в местечко у села Валуец.

Как сейчас помню тот солнечный день ранней весны... Шумной гурьбой, вооружившись заостренными палками, с сумками, заполненными желудями, разбрелись по участку. Подражая учителям, леснику, сажали каждый жёлудь, надеясь, что он со временем прорастёт и превратится в замечательный могучий дуб. Острой палочкой, сделав в земле небольшое отверстие, опускали туда блестящее твёрдое семечко, не придерживаясь при посадке никакого порядка, кто как мог, так и сажал...

Было весело, легко, шутили, смеялись. Вместе с учителями вспоминали школьные шалости, совместные походы. Закончив посадку желудей, усевшись в кружок, поедали нехитрые домашние вкусности, которые по такому случаю запивали лимонадом. Давали друг другу обет вернуться в молодой лес... Мечтали, как через много лет на этом месте вырастет густая дубрава...

Время течёт неумолимо быстро. Не заметил, что уже прошло почти полвека после того дня, когда сажали рощу... По стечению многих жизненных обстоятельств, мне ни разу не довелось за это время побывать ни в дубраве, выращенной из семян, ни на месте спиленного древнего великана...

Совсем недавно, летней порой, направляясь в бывший посёлок Заречье, решил свернуть на заросшую бурьяном дорогу, по которой много лет назад ездил на телегах, ходил пешком. Покопавшись в уголках памяти, без труда отыскал место, где когда-то всем миром сажали жёлуди от Громоваго.

Моё сердце, занявшееся от восторга узнавания, встрепенулось и тут же глухо застучало в груди, раненное безлюдьем... Пятидесятилетние дубы, уже достаточно высо-

кие, статной красотой встретили меня, приветствуя покачиванием молодых, совсем ещё юных для их лет ветвей, нежно шелестя резной, наполненной ласковым брянским солнцем листвой. У подножья то тут, то там, поодиночке, а больше семейками, росли толстоногие боровички.

Обняв руками один из дубков, почувствовал солёный вкус влаги, упавшей на губы со щеки. Склонившись, приложил свою седеющую голову к прохладному стволу дерева, мысленно приветствуя юную дубраву... В тот момент, от дуновения лёгкого летнего ветерка, колеблющегося светом в вышине её крон, услышал ответный шёпот благодарности за подаренную жизнь...

ОТРАЖЁННАЯ КРАСОТА

*Небо с землёю воедино
Собой скрепляет род, родник, –
Им вечно жить в подлунном мире, –
Я, православный, к ним привык.*

*Мой отчий край – сама Россия, –
Луга родные и поля,
И крест над храмом в небе синем, –
Всё это русская земля!*

Отчий край издавна радовал моих земляков щедростью природных источников. Со временем таких родничков заметно поубавилось. Спohватившись, люди начали искать оставшиеся ключики, пытаясь вдохнуть им жизнь, стали очищать, возвращать их былую силу. С давних времён народ подмечал необычные явления, исходившие от родников. Почему? Да потому, что всё в мире имеет свое начало – Исток. С него зарождаются у человека самые светлые, добрые чувства, любовь... Без бьющего фонтанчика из недр земли, наверное, не было бы ни крошечного озера или пруда, ни болот, ни говорливых лесных речушек Волотынь и Гнилая на моей Брянщине, ни больших судоходных рек.

Сколько этих маленьких источников жизни на нашей красивой планете! Их никто никогда не считал, да никому это, наверное, не приходило в голову. Главное, что они есть! С давних лет с родниками связаны многие легенды, обычаи местных жителей, будь то село или заброшенная в таёжной глуши деревушка. Вода из них считается святой, целебной, частенько она помогает лечиться от хворей. На

Руси такие кладези воды часто становились символом нравственной чистоты.

До сих пор помню, как с дедушкой или отцом, а чаще со сверстниками, не раз до ломоты зубов пил из них ледяную воду. По-моему, всем нам с юного возраста известна её притягательная сила. Редко какой проезжий или путник не остановится в жаркий день, чтобы не припасть к студеной водице. В лесной глуши или у берега речки, в тишине, весело раздаётся его хрустальный голосок: клю.. клю. Оттого и такое название – ключик... Он как будто приглашает послушать его радостную песенку и отведать водички. Считалось, что она гораздо чище и вкуснее, чем в реке или озере. А если посидеть у ключика, то под неспешное его журчание можно вспомнить далёкую историю моего народа. Неслучайно таким источникам давали имена: Покрова Божией Матери, Космы и Домиана, Знамение, Глазной источник, Громовой колодец... Только в Орловской области их более ста, а двадцать два из них почитаются святыми...

Время воспоминаний перенесло меня из прошлого в настоящее. На исходе осени, перед Покровом, притягательная сила родников позвала меня в дорогу, а точнее в село Кирово-Городище Сосковского района к источнику во имя преподобного Сергия Радонежского. Проезжая там несколько лет назад, видел, как местные жители благоустраивали памятное для них место...

Скорость, с которой сегодня любой может оказаться где бы то ни было, вовсе ничего не добавляет к возможности что-то больше узнать, а наоборот, часто лишает удовольствия жить не спеша. Считаю, что в самой спешке есть

что-то противоестественное. Посему в этот раз решил не торопиться. Не суетясь, доехать до Кирова, встретиться с людьми, возродившими из небытия святыню.

Обычная загородная дорога районного масштаба постепенно привела меня в село. На пути к нему деревень почти не было видно. Они прятались в плавных низинах, выдавая себя одним или несколькими дворами, высунувшимися среди поредевших после листопада тополей и раkit. Перелески, посадки, окрайки леса не нарушали красивого, ровно разлившегося простора на пути следования.

Стояли те немногие осенние деньки, когда земля, залитая дрожащим прозрачным светом, отдавала последнее тепло, припасённое от летней жары. Деревья словно догорали в разноцветных огнях осени. Обочины, придорожные кусты были усыпаны опавшими листьями. Даже от слабого дуновения ветра они словно трепетали на траве. Прохлада осеннего утра бодрила, добавляла остроту впечатлений, от которой появлялось радостное самоощущение, пронзительнее воспринималось дыхание природы.

Раннее солнце, сдвигаясь с предгоризонтной точки, лениво заливало заросшие раkitником возвышенности Кирова, украшенные домами с просторными огородами, пустыри и окрестности вдоль небольшой речушки. Невдалеке, прямо у дороги, на скромной прихрамовой территории, обозначенной металлическим забором, возвышался небольшой храм с колокольной.

По бетонному мостику направился к церквушке. Переступая по широким ступенькам лестницы посреди коротко подстриженного изумрудно-бархатистого косогора, поднялся

к калитке. Надпись на табличке у входа гласила: «Сей храм воздвигнут на месте разрушенного в 1930 году храма XVIII века преп. Сергия Радонежского, построенного помещиком Зиновьевым А.Н. вместо обветшалой деревянной церкви».

Оказавшись перед входом в калитку, заметил, как на газонах дворика величаво и благочинно расположились вечнозелёные туи. Разгорающийся день медленно шествовал, открывая безбрежную даль горизонта, а сочетание ещё яркой зелени газонов с позолотой православного креста, венчавшего храм, создавало благодать, особое ощущение мирской жизни. Лишь слабый шум моих шагов по шершавой плитке определял реальность бытия. Прошлое тут присутствовало повсюду. О далёком времени красноречиво напоминали валуны, сложенные у ограды, кованые решётки. Их грубоватые металлические звенья, изъеденные временем, пролежав в земле века, даже сейчас, казалось, веяли теплом кузнечной наковальни, на которой их смастерили наверняка потомственные кузнецы.

Справа от входа в храм современники сохранили найденные атрибуты каменного старинного надгробия с едва заметными старославянскими буквами о знатном господине, ушедшем в мир иной. Слева – тропинка из тротуарной плитки уводила посетителя за пределы металлического ограждения. Как оказалось, там находится небольшая площадка, где селяне воздали дань памяти воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны. У подножья камня с начертанными на нём именами лежал в печальном безмолвии небольшой букет осенних цветов, припорошенных прохладными каплями росы. Всё вокруг находилось в идеальном порядке...

Несмотря на раннее утро, дверь была не заперта. Потянув её за кованую ручку, с лёгкостью отворил. Она покорно впустила меня под своды строения. В мерцающем полумраке от одиноко горевшей свечи оказался перед святыми образами. Пахло плавленным воском. Величие скромного убранства поражало чистотой, струящимся светом, озаряющим иконостас. Вздых изумления непроизвольно вырвался у меня из груди...

По всему было видно, что сюда по особым случаям теперь вновь, как много лет назад, приходят люди, чтобы поклониться незримому владыке, воздавая славу, прося спасения и милосердия. Они несут сюда свои радости и скорби, слёзы и молитвы, уповая и веря, что Всевышний сможет освободить от горя и печалей, опутавших их.

Как ни странно, это уединение незаметно принесло мне особое настроение. Привычная жизнь ушла куда-то. Явилось удивительное ощущение спокойствия, возникшее перед образом Николая Чудотворца, вокруг которого лежали приношенья благодарных прихожан. От старательно развешанных икон, пояснений правил поведения в храме, от табличек с историей возникновения села веяло уютом. Какая-то неопишуемая радость присутствия здесь вызвала прилив чувств всеобъемлющей любви, безмолвное восхищение своим состоянием. За несколько минут представил, сколь скоротечно существование каждого из нас...

Не углубляясь в религиозные тернии, вспомнил слова профессора Московской духовной академии Алексея Ильича Осипова, сказанные студентам: «Выдвигать в качестве аргумента против существования Бога то, что Его не виде-

ли космонавты, то же самое, как если бы некто бегал бы с ложкой по берегу океана, черпал бы время от времени воду и кричал: «Видите? Китов в океане нет!».

С благоговением поклонился святым образам. Прося в душе Бога о здоровье, вышел из скромно-строгого здания церквушки.

Испытывая особое умиротворяющее состояние, решил разыскать подвижников, построивших этот храм на крутояре, возможно, самом высоком месте села. С этого холма, словно из сказочных хорóм, сияя в тумане раннего дня, простиралась как на ладони вся округа Кирово... Поодаль от ограды, у поминального креста, в благодатной тени росистого восхода расселась отяжелевшая от упитанности стая белоснежных гусей. Всполошившись от моего присутствия, задрав головы вверх и выгибая шеи, птицы шипением и гоготом проводили меня к дому, что красовался напротив. Заметив у ворот усадьбы лёгкую суету двух женщин и мужчины, поспешил к ним, предположив, что хозяева могут уехать. Опасения были не напрасны.

Действительно, позже выяснилось, что они с утра пораньше собрались в Орёл. поприветствовав кировчан, представился им, рассказал о цели визита. Несмотря на скорый отъезд, они внимательно выслушали меня. После нашего знакомства оказалось, что я попал почти что по адресу. Один из них, Шатунов Пётр Петрович, плечистый, плотный, выше среднего роста мужчина, коренной уроженец села. Когда-то в молодости он покинул село, а несколько лет назад вернулся в родное гнездо. На расспросы о меценатах храма скромно поведал, что немного помогает

содержать это строение. Во время возведения храма под патронатом братьев Тихоновых, тоже выходцев из Кирово, он на свои сбережения отлил для звонницы колокола в городе Сергиев Посад – в месте некогда усердного моления Сергия Радонежского. Упомянул, что мало-помалу сам на радость прихожанам научился звонить во время богослужений. Ведь тут уже давно никто не помнит искусства колокольных звонов. Щуря добрые глаза, Пётр Петрович без особого бахвальства закончил рассказ.

Его жена в разговор не вмешивалась. Молча, с достойной манерой простой сельской женщины, с лицом, где явственно светилась чистота и добропорядочность, разглядывала во мне неожиданного гостя, не перебивая рассказчика...

Невысокая пожилая женщина, стоявшая рядом, назвалась мамой Петра, она с гордостью рассказала, что на одном из колоколов отлито имя её сына. Позже уважительно посоветовала поговорить о восстановлении Источника во имя Сергия Радонежского, входящего в комплекс святыни, с Тихоновым Сергеем Михайловичем и любезно показала дорогу к его дому. Простота и естественность людей говорили о том, что они не ставят себе в заслугу особое участие в обустройстве храма. Разговор был больше о совместной работе селян, помогавших всем миром восстанавливать утраченный символ праведности.

Поблагодарив кировчан за беседу, отправился по указанному адресу в поисках дома с воротами, на которых, по их словам, красуется стая белоснежных гусей. Порядок домов в Кирово объединён не одной улицей, а поселениями, составляя общую часть села, разбросанного по холми-

стым возвышенностям. Между островками жилья и дорóгой в зарослях пожухлой травы прятались бугры, ямы, возможно, от бывших людских гнёзд. Там, где сегодня кипит жизнь, обновлённые крыши хат отблёскивали цветным железом под стать заборам и палисадникам, вдоль которых стоят скамеечки для отдыха, а торные тропики к ним намекали о гостеприимстве хозяев.

Искать подворье долго не пришлось. Буквально через несколько минут уже припарковался у широких распашных ворот. Изображённая на них стая гусей среди живописного луга, с распростёртыми крыльями, картинно встретила меня. Калитка, как было принято много лет назад в сёлах, оказалась не заперта. Без труда по добротной дорожке, ведущей к небольшой постройке напротив современного ухоженного особняка, вошёл в просторный двор.

Под тенистыми соснами, росшими в ряд, было свежо и безлюдно. Сквозь их крону по-утреннему, с отсветами солнца голубело небо. Лишь дружное гоготание где-то на задворках двора гусей да нежное воркование неподалёку стайки породистых голубей нарушало кружевную тишину. Ступив под лёгкий навес из лоз увядающего винограда, увидел двух трапезничавших мужиков, одетых по-рабочему и даже похожих друг на друга. Пахло хлебом и табаком. Они с любопытством взглянули на меня. Как подобает гостю, я поприветствовал их. Не знаю, чем заслужил их расположение, от которого они непринуждённо разговорились со мной и посоветовали пройти в домик, указав, что там находится хозяин подворья. Шагнув через небольшой порожек из-под навеса на веранду, встретился с выходившим из две-

ри мужчиной небольшого роста, с добрыми улыбчивыми глазами цвета неба – это был Сергей Тихонов. Оказывается, заслышав сквозь небольшое оконце разговор, он решил узнать, кто к нему пожаловал в столь ранний час. После нашего знакомства он любезно пригласил войти в дом, как оказалось потом, оставшийся ему от родителей.

В чисто убранной небольшой горнице стены были сплошь увешаны иконами, фотографиями его семьи. Лица отца, матери, восьми братьев и сестры, смотревшие с портретов, светились человеческой добротой, величием, какой-то деревенской чистотой. Жизнь опалила образы вещим огнём испытаний, которые им пришлось преодолеть, вырастив такое количество детей.

Конечно, годы навсегда запечатлевают, а потом проявляют во времени главное, что есть в человеке. Внешние данные Сергея, одного из восьми на фото, в реальности были такими же. Его внешность отражала уверенность, покой, какую-то особую внутреннюю красоту. Присев на табуретки, расставленные в горнице, мы вступили в разговор. Потолковали о пахотных землях, урожаях, о крестьянском труде... Сергей Михайлович говорил не торопясь, вполголоса, часто приветливо улыбался. Из его рассказа узнал, с каким трудом приходилось в чередѣ рабочих будней восстанавливать место, где теперь красуется храм и источник. Всё это было не так просто...

После окончания школы с аттестатами зрелости, получив свободу от родительской опеки, все дети Тихоновых разъехались на учёбу для получения специальностей. Из девятиерых в Кирово вернулся только он с братом. Остальных жизнь разбросала по разным уголкам нашей необъятной страны...

Сергей любил эти места с плывущими в полях комбайнами, с мчавшимися по дорогам грузовиками, гружёнными жёлтой пшеницей... Отец рано приучил его к труду, летом брал с собой в поле, зимой поручал вести хозяйство. Нравилось парню косить траву, выращивать скотину, делать от зари до зари любую, пусть порой даже тяжёлую сельскую работу, потому и остался здесь. Женился. Выросил детей. Теперь, после развала колхоза, сам обрабатывает собственные гектары земли для прокорма домашней живности, для себя и родни.

Приехав однажды в гости к одному из братьев, проживающему во Пскове, Сергей Михайлович был поражён красотой, благолепием тамошних церквей. После разговора с братьями, родилась идея построить в родном селе хотя бы небольшой храм. Решение укрепилось, когда дорожники начали прокладывать трассу в районный центр Сосково. При планировке дороги срезали пласт земли крутоогорья, где обнаружили находки от кладбищенских захоронений бывшего прихрамового погоста. Бережно собрав части сохранившихся надгробий, перенесли их на территорию будущего строения. Постепенно, обивая пороги областных властей, братья Тихоновы получили разрешение на строительство церкви. Средства собирали всем миром. Односельчане не стояли в стороне, помогали, кто чем мог. Один из братьев, Григорий Михайлович, окончивший художественно-графический факультет Московского государственного заочного педагогического института, ныне проживающий в столице, тоже включился в работу. Составили проект. Столичная художественная мастерская подарила для храма несколько дипломных работ

иконописи, а известный режиссёр Никита Михалков, награждённый орденом Сергия Радонежского, по письменной просьбе сестры Тихоновых, помог приобрести церковную утварь для богослужений.

В беседе Сергей Михайлович больше говорил о людях, которые помогали строить, о себе совсем мало. На мой вопрос, кто это с утра навёл порядок в храме, успел зажечь свечу, смущаясь от неловкости, ответил:

– Сам. Забежал сегодня на минутку, немного подмёл пол, дорожки, поставил свечку... Вдруг кто-нибудь с утра придёт к образам...

Несмотря на занятность в начинавшемся дне, Сергей предложил прогуляться по территории и осмотреть его домашнее хозяйство. Я с удовольствием согласился. Мы вышли из уютной хаты. Ступив за порог, почувствовал, как в лицо дохнуло бражной осенней сочностью деревенского подворья, напомнившей мне далёкое детство, враз перенёсшее меня на много лет назад в родное Заречье... Сделав ожидавшим во дворе мужикам несколько распоряжений, он повёл меня в глубину усадьбы. Прямо перед нашей тропинкой возникли воркующие голуби с ажурно-кружевным оперением, белоснежным облаком порхавшие у одной из построек. Необычным видом они вызвали у меня неподдельный восторг. Сергей обыденно пояснил, что завёл их из-за баловства, то есть для красоты... Пройдя загоны, сараи, мастерские, пасеку, мы очутились на берегу водоёма, сотворённого руками хозяина. Любовно обсаженные плакучими ивами берега были сплошь утоптаны гусиными и утиными лапками. Белоснежные пёрышки увесистыми холмиками кудрявились на прибрежной траве.

Утки, гуси, величавые чёрно-клювые лебеди плавали среди птичьего гомона, царившего на серо-серебристой кисейной воде... У каждой птицы были свои повадки, характер. Прямо птичья идиллия, да и только! Глаза Сергея довольно светились, глядя на водоплавающих. По всему чувствовалось, что он любит своих питомцев.

Особой его гордостью были белые лебеди. Их разведение является большой редкостью для селян. С теплотой в голосе он спросил:

– Когда вы ехали сюда, не видели ли пару белых красавцев на водоёме у источника?

– Не успел, на обратном пути от вас заеду обязательно, – ответил я.

– Посмотрите, не пожалеете, они там, на вольной воде, чувствуют себя лучше, чем здесь, – посоветовал Сергей Михайлович. А когда он показал домашний музей, в котором собрана старинная утварь, предметы обихода, то просто покорила своим отношением к хранению атрибутов прошлого. Прогуливаясь по территории двора, расставаться с Тихоновым не хотелось. У сараев ещё лежали утренние тени, натекая сыростью на подворье и кусты, блестящие яркими вспышками от мелких капелек холодной росы, а Сергею уже надо было спешить управиться с хозяйством. Тепло попрощавшись с ним, отправился к роднику.

Перед скромно-гласящим на повороте указателем, обозначавшим стрелкой место источника, свернул к водоёму. Съехав по пологому спуску, оказался на площадке у красиво оформленной территории, всем видом напоминавшей о далёком времени, в котором жили наши предки. Заботливо ухоженные крутые склоны оврага, несмотря на осеннее время, отливали малахитовой отавой, среди которой ровными рядами жались к откосу молоденькие ёлочки.

Аккуратная, подстриженная зелень вызывала умиление. Среди бессчётного количества деревьев, разбежавшихся по склону и стыдливо прятавших свою наготу за мелким кустарником, виднелись рябинки, выделяясь на фоне потемневших стволов багряными корзинками ягод. Огорожа, заборы, сплетённые из тонких веток ольхи, лозы и прутьев орешника, добавляли территории неповторимость, словно сюда явилась сказка. Песчано-галечной тропинкой, витиевато лежавшей на отлогом овраге, направился к истокам.

Воздух здесь был свеж, тягуч и лёгок одновременно. Его хотелось пить большими глотками не выдыхая, оставлять глубоко в груди, чтобы душистая целительная благодать наполняла каждую клеточку тела. Может, то же самое чувствовали когда-то наши далёкие предки, приходя к таким родникам ради оздоровления после праведных трудов, для залечивания ран, полученных в междоусобицах.

Родник бил из горы с трёх сторон. Каждый источник с шумом выталкивал воду через песчаное дно, образуя феерические фонтанчики. Три протока, сливаясь в общую водную полосу, уже на расстоянии нескольких десятков метров преображались в речушку под названием Крома. Здесь можно было побродить по отлогому берегу или просто постоять на небольшом деревянном мостике, любуясь истоком. Тихо, задумчиво было у реки в такое время года. Лишь от редких порывов ветра тоненькие ветки прибрежной лозы, шурша и склоняясь, окунались в воду.

Отсюда исток выглядел как нерукотворный храм под открытым осенним облачным небом. Раздольно плывущие, никем не потревоженные облака парили над рекой, надо мной, даря спокойную нежную одухотворенность этому месту.

Тропинка, устланная мелкими камнями, раз-другой вильнув петлёй, заманчиво уходила на дно оврага. Молча,

почти не дыша, стал спускаться к роднику. Слева, собрав все потоки, бурчал неторопливым властным голосом широкий ручей. Перила из жёрдочек, ступеньки, выложенные деревянными плашками, привели к скамейке из отёсанного бревна, к деревянному домику, укрывавшему один из ключей.

Подмёрзшая над истоком мурава была ещё зелёной, хотя у края отмели начинавшегося здесь ручья притаился первый тонкий ледок. Склонившись к кринице, подставил ладони, чтобы наполнить их ключевой водой. Набрать её в кружку или ковшик, заботливо оставленные кем-то, не хотелось.

Проливая сквозь пальцы прозрачные капли, выпил несколько глотков. Живая влага тут же обожгла меня жгучей прохладой. Разливаясь по телу, переполнила душу до боли щемящим, необыкновенным чувством к родной земле. Как передать мне его? Не знаю... Но отчетливо ощутил, что пахнет эта прекрасная вода чистым снегом, весенним первоцветом, мокрым щавелем на зареченском бугре, опавшими листьями, что ворохом клубятся у тропинок...

Достоверно известно, что в былые времена почитаемые родники украшали цветами, вышитыми полотенцами, рушниками, огораживали навесами. Теперь эту традицию упростили, но всё равно было приятно присесть на оригинальную бревенчатую скамейку у самого сердца источника, продлевая минуты очарования и волшебства от нежного журчания. Ключ, выливаясь из домика-сруба, возведённого над его началом, падал хрустальными струями на мелкие камешки, поросшие у края протоки ярко-изумрудным мхом, пел на все лады извечную песню жизни... Древности этому роднику добавляли лежащие неподалёку плахи от сруба колодца, найденные здесь при расчистке территории...

Думаю, что, соприкасаясь с природой, человек каждый раз с неизъяснимым волнением слушает первые трели со-

ловья, тихий шёпот листвы на деревьях, журчание одинокого родника. В любое время года она прекрасна, по своему особенна. Даже сейчас, на пороге осени, выглядела удивительной, несмотря на холодный ветер, который, мотаясь по окрайкам родника, дыша вокруг сыростью увядания, срывал с растущих неподалёку клёнов и раquit пёстрый платок из листьев.

Хотя певчие птицы давно покинули эти края, улетев в тёплые страны, с дерева на дерево живо перепархивали мелкие птахи, оставшиеся на зимовку. Ещё недавно голосисто щебетавшие на разные голоса, они теперь с редким попискиванием перелетали между веток, немного тронутых первыми заморозками... Яркий одинокий одуванчик прощальным всполохом лета раскрыл посреди пригорка солнечное соцветие навстречу робким лучам солнца. Необыкновенная светлая спокойность навевалась от его светоносной шапочки...

Особенной у истоков была тишина. Какое-то благостное умиротворение разливалось в ней. Даже солнце лучилось нежно, ласково. Оно не слепило, а светило тепло и грустно. Хотелось сидеть, смотреть, слушать и чувствовать, как внутри души отзывается что-то необычное, далёкое, может быть, совсем древнее – из самых глубин. Тихо. Спокойно. Хорошо...

На противоположной от родника стороне оврага, у тропинки, что петляет по склону вверх, раскинула крону огромная груша. В её одиночестве виделась гордость и сила. Не желтела на ней листва, а больше темнела, багрово-коричневыми охапками опушая крону. Миниатюрная табличка поясняла, что это реликтовая груша, по преданиям, растёт здесь около 200 лет и что она однажды зацвела в необычное время – в день освящения данного источника, а на

дворе был октябрь 2012 года. Свидетелями этого чудесного явления стали местные жители и гости, приехавшие на праздник. Сергей Тихонов на мой вопрос, а видел ли он сам цветущую грушу, убедительно ответил: «Да. Бутоны и цветы распустились в тот день на её ветках». Чуть ниже, у подножья горы с восточной стороны, стоит часовня-купальня. Это маленький бревенчатый домик построен с большой любовью и старанием. Крепкие свежие брёвна хорошо подогнаны друг к другу. Крыша сделана из прозрачных современных материалов, в любое время дня пропускающих в купальню естественный свет. Отражаясь, он ровно и спокойно льётся в часовенку, лучится на немногочисленных образах, развешанных на стенах, придаёт человеку уверенность в его благом намерении окунуться в купельке, получить духовную благодать, телесное здоровье. Прохладная вода зазывает умиротворением, чистотой. Знаю многих людей, приезжающих сюда в разное время года...

Живёт родник. Поёт потихоньку серебряным, словно колокольчик, голосом, бьёт из-под земли не иссякая. Возраст его неизменчив в веках, а сам он длиною всего-то от горы до речки... Несёт ручеёк в своём течении добро, дарит людям надежду на то, что они хотят получить в этой жизни. Глядя на струи чистой, как слеза, воды, неведомо откуда пробивающейся, невольно ловишь себя на мысли, что потерялся во времени, что все заботы, планы ушли куда-то. Нет сил заставить себя оторвать взгляд от этого чуда природы.

Слушая журчание ключа, улавливая его мелодии, неизвольно отмечал, как непрерывно бежит он, не теряя скорости, как тускло ещё зеленеет вокруг подвявшая трава, как поблёк цикорий у тропинки, как кружатся редкие мошки, оседая на влажные камешки у истока, как, отражаясь, тонут в искрящейся воде белёсые копушки облаков... Медленное шествие

её потока, точно пламя горевшей свечи в храме, было наполнено особым ощущением близкой, неукротимой жизни...

Меня не покидало ощущение, будто я целую вечность стоял, склонившись над небольшими ручейками, которые выбивались скромными струйками из-под вековой кручи, сквозя через зернистый мелкий песок. Вытекая, они вместе с шелестом вековой груши разговаривали не только со мной, но и с далёким прошлым. Под безбрежным куполом промытого неба в моём сердце теплилось ощущение благодати... Вспомнились слова Иеромонаха Романа о. Андрея Кяйса:

Если тебя неудача постигла,
Если не в силах развеять тоску,
Осенью мягкой, осенью тихой
Выйди скорей к моему роднику...

Всем здесь хватит места и живительной влаги: детям, взрослым, гостям, местным жителям. Мощь родниковой воды, наполненная жизнью самой Земли, даёт особую силу, незабываемый вкус. Дождевая вода освежает, но не насыщает. Пробарабанит весёлый спорый дождичек по человеку, намочит голову или одежду, да обсохнут они на ветру при солнышке, от него не останется следа, тут же забудется сырость, развеяв наше уныние. Только родник надолго запомнится своим журчанием, будет вновь и вновь в бесконечном движении ждать людей, закрепившись в памяти холодными хрустальными струями ключевой воды...

Возведённые у родника постройки, площадки, перила, деревянные мостики-переходы над благоустроенными источниками, красивый кувшин в виде старой амфоры, куда льётся вода, ковшики для питья, скамейки для отдыха и ступеньки, выполненные из кругляшей от деревьев, отточенные колья, ограждающие газоны, тропинки, спиралями закрученные вдоль ручейков, – всё гармонично сливается с

тихим говором воды. Она здесь живая, подвижная и настолько прозрачна, что видна каждая песчинка, словно смотришь на неё через увеличительную линзу.

Когда любовался окрестностями, непроизвольно в уголках памяти возникала удивительная сеть видений, мерцали искорки воспоминаний, создавая особое состояние, оно, отражённое красотой, воскрешало целые картины, прожитые ранее, а теперь опять всплывшие перед глазами...

На некоторое время преграда между прошлым и настоящим настолько стиралась, что начинал чувствовать необъятную основательность жизни, свои корни, соединяющие ушедшее небытие с убегающей вперёд далью... Их невозможно воспроизвести, сложно прочитать мысли, узнать чаяния русских витязей в то туманное осеннее утро перед началом Куликовской битвы, благословлённых Сергием Радонежским на ратный подвиг...

Удивительная мысль сжималась до неудобного вопроса: «А было ли всё это?» Наверное, да! Ведь есть осень, родниковая осень, разлившая солнечные голоса по округе, сияющая лучистым светом, вызывавшая в этом приснопамятном месте сладкую горечь, с которой трудно справиться. Есть деревья, подпалённые желто-красным огнём, горящие ярким листопадом. Каждый уголок этой территории не нарушает здесь общей гармонии природного ландшафта...

Время возвращения домой приближалось с каждым часом. Жизнь, как и прежде, продолжаясь, неумолимо текла... День угасал... В предвечернем солнце, повисшем над низким горизонтом, вода струилась седой рябью, каждый её бугорок горел алыми огоньками, создавая иллюзию нежно-огненного потока. Воздух по-прежнему был чист и прозрачен. Лебеди, покачиваясь под румяным закатом на водной глади, плыли

вдоль берега, празднично и неторопливо, словно провожали, довершая моё пребывание у источника.

Выбравшись на трассу, ещё раз оглянулся на село, утонувшее в дымке осеннего затишья, что до самых крыш окутало деревенские домики... Проснулось какое-то мечтательное настроение. Разгулялось воображение, пробудились юношеские мысли, захотелось мечтать... Вспомнился дом, мой посёлок, песни птиц в прибрежных кустах речушки...

Весь обратный путь ехал молча, вглядываясь в придорожный полевой простор, кое-где обрамлённый перелесками. Чувствуя усталую прохладу угасающего дня, сливавшуюся с моими чувствами, наслаждался ясно-чистой синевой неба, в котором свободно, распростёрши серо-пёстрые крылья, парил перепелятник, высматривая добычу.

Хотелось жить. Невольно подумалось, что где восстанавливают храмы или очищают родники, такие места оставляют в каждом из нас Надежду и Веру. Чтобы почувствовать это, не надо далеко ездить. Стоит лишь довериться и открыться своей Душе. Человек, бывает, не верит, перестаёт ждать, отчаивается, а через некоторое время уходит, не оборачиваясь на своё прошлое. А в это самое мгновение, может, и свершается та особая благодать или чудо, как сокровенный дар, предвосхищающий картину бытия. Сразу хочется полететь, поехать, побежать туда, где встают стеной ещё не тронутые человеком леса, где над горизонтом клубятся пушистые облака, а над хрустальной влагой незамутнённых родников склоняются люди, дабы припасть к этим источникам чистоты, снова ожить, напившись из Истока. Наверное, они создают в человеке настроение, которое побуждает двигаться вперёд, рождает в его сознании приливы гордости за свою причастность к бескрайнему творению жизни.

СВЕТ СКВОЗЬ ГОДЫ

Моим родителям – посвящая!

На краю осени

За самодельным столом, притулившимся у стены одной из комнат деревенского домика, поочерёдно листая учебники истории и географии, задумчиво сидел молодой человек лет двадцати. Густая прядь чуть вьющихся смоляных волос падала на высокий лоб. Крупный прямой нос, подчеркивая слегка удлиненное лицо, придавал ему благородство. Немного тяжеловатый подбородок говорил о решительном, а может, даже упрямом характере. Широкие ладони были не по годам крепкими и мозолистыми. Взгляд юноши неохотно скользил по страницам школьных книг, в спокойной позе чувствовалось едва уловимое волнение. Яркий луч позднего августовского солнца проник сквозь окошко, подсветил листки книг; слышно было, как квохчет встревоженная курица, как азартно чирикают в застрехе неугомонные воробы.

Спустя несколько минут Пётр Тимофеевич, учитель Валуецкой неполной средней школы, быстро встал, прошёлся по комнате, скрипя половицами. Немалого роста, он почти касался головой низкого потолка. Окружающие предметы тонули в синем полумраке. Как до отпуска, здесь всё находилось на привычных местах. Стопка школьных учебников, целый ворох пожелтевших газет на столе, а по соседству – издававший виды венский стул. У закопчённой грубки стояла металлическая панцирная кровать, заправленная суконным одеялом, под ней – деревянный, обитый по краям коваными металлическими уголками чемодан с вещами. Единственное окно с пахучей геранью в жестяной банке на подоконнике выходило на речку Волотынь. Разросшийся по её берегам

кустарник скрывал очертания русла; в ожидании осени, ещё не совсем потерявший изумрудную одежду, он слегка дымился сумраком речного тумана.

Лето, проведенное у родителей в Заречье, далеко унесло учебные хлопоты. Но отпуск подошёл к концу, и начинающего учителя, выпускника Почепского педучилища, ждал второй год школьной работы. Размышляя о будущем, Пётр вновь и вновь спрашивал себя, как встретят его повзрослевшие ученики, некоторые – почти его ровесники? Сможет ли он научить их правильно воспринимать жизнь такой, какая она есть, с её радостями и тревогами?

Пришло время самому настраиваться на начало учебного года, однако известие о новой учительнице русского языка и литературы не давало почему-то покоя, вызывало интерес, от которого он не мог отвлечься. В конце первого августовского педсовета директор с нескрываемой радостью сообщил о новой учительнице Александре Ивановне Максименко. Коллеги на новость отреагировали одобрительным гулом. Посыпались вопросы:

– А сколько ей лет? Хороша ли собой?..

Выяснили, что учительница молоденькая (почти девятнадцать), не замужем, училась в Почепе.

Развеселившись, завуч подмигнул Петру:

– Хорошей коллегой будет Александра нашему Петру Тимофеевичу, – но строже добавил, – побольше бы молодых учителей присылали! Глядишь, легче стало бы работать с молодёжью.

Пётр, покраснев, ответил намеренно спокойно:

– Что ж, поживём – увидим. А вообще-то в Почепе, думаю, готовят хороших учителей.

Через четверть часа небольшой, дружный коллектив школы, ещё не познакомившись с новой коллегой, решил, что будет помогать ей. С тем и расстались до 1 сентября.

Вспоминая слова завуча, Петя мысленно перебрал всех, кого знал в педучилище, но фамилия Максименко не приходила на ум, хотя сейчас постоянно звучала в голове, не давая покоя. Пришлось смириться и дожидаться встречи.

День казался молодому человеку бесконечным. Сидеть одному в пустом доме не хотелось, и он решил пройтись к реке. Толкнув входную дверь, Петр вышел в сени, оттуда – во двор, где вспугнул стайку сереньких взъерошенных воробышков.

Во всей округе давно царили первые оттенки осенних переливов. При полном безветрии, медленно поднимаясь вверх и цепляясь за кусты, плыли в воздухе серебристые нити-паутинки. Вдоль тропинки по-хозяйски расположились кустики пастушьей сумки. Вытягивая белобокие шапочки соцветий, они торопились расцвести до морозов. Среди пожухлой травы гордыми старожилками торчали стебли цикория в голубых звездочках с лепестками по кругу, похожими на ромашки.

Пётр любил это время года. В увядающей природе звонкие звуки лета словно растворялись, а воздух наполнялся духовитым ароматом от садов, где ветки прогибались под тяжестью созревших плодов.

От реки слышался шум падающей воды. Скатываясь с небольшой плотины, выстроенной селянами на весёлой речушке, водяные потоки мощным урчанием разливались по заболоченной пойме. Рукотворная песчано-земляная

насыпь и монотонно гудящая минигидроэлектростанция были гордостью валуйчан: электричество освещало не только дома, но и колхозный двор, хозяйственные постройки. Правда, матовые огоньки в окнах и мерцающие – на фонарных столбах – радовали жителей своим неярким жёлтоватым светом лишь от сумерек до полуночи. Затем электричество отключали, предупреждая сельчан трехразовым миганием лампочек.

Вдалеке от плотины вода словно дышала, вздымая тихие рябушки. Заросли низкорослого кустарника отражались в ней на фоне утонувшего неба. У самого берега, прямо перед затоном, дремло лоснился намытый ещё паводковыми водами ил.

У механизмов плотины, согнув спину колесом, кто-то возился. Подойдя ближе, Пётр узнал местного механика Михаила, умелого и трудолюбивого наладчика всевозможной техники. Помимо этой, самой главной его страсти, смыслил он и в плотницком деле. Работая сторожем, постоянно находил себе новое занятие: то перевесит освешивающую дверь, то сруб колодца поправит, то родник расчистит или попросту наколет дров. Всякая работа у него спорилась, от него одного зависело, будет вечерами в домах свет или село погрузится в непроглядную темень.

Вот и сейчас, расположившись под кроной зелёной ивы, Миша – худощавый, высокий мужик с курчавой, давно нечёсаной шевелюрой и лицом, поросшим мелкой щетиной, – озабоченно кряхтел, пытаясь развинтить какую-то «железку». Руки у него были большие, тяжелые, привыкшие к грубой работе. Осенний ветерок задирает на спине умельца рубаху, обнажая потную спину.

Тень от силуэта Петра застила солнце, и механик неторопливо поднял кудлатую голову. Узнав в подошедшем учителя, выпрямился. Вытирая ветошью промасленные руки, протянул более чистую для приветствия:

– А... это вы, здорово будете, – вскинув брови, немного удивлённо сказал он. – Ловко вы подошли. Я даже не заметил, как.

– Здравствуйте, Михаил.

– Я гляжу, Пётр Тимофеевич, вы вернулись в нашу школу после каникул. Опять детишек учить будете?

– Да, да, – подтвердил Пётр.

– И ряшили, значить, прогуляться?

Пётр пожал плечами.

– Ну, правильно, – словно сам себе ответил мужик. Медленно, расставляя слова и поглядывая на неподвижно лежавшую тень на земле от фигуры Петра, добавил, – у нас тут такая красотища, ёсть где набраться сил, чтобы их хватило и на наших оболтусов.

– Да какие они оболтусы! – возразил Пётр. – Дети как дети. Окончат школу, выучатся, станут специалистами, вам на смену придут, настоящую большую плотину здесь построят.

– Эт ты хорошо сказав про плотину, – оживился Михаил. Он незаметно для себя перешёл с учителем на «ты».

– Я тута вожуся битый час, дело почти не движется с места. Летом выпадало мало дождя, а тяперь для работы станции воды не хватая. Пётр Тимофеевич, посмотри вон туды, – Михаил махнул рукой в сторону берега, видневшегося у верхнего течения реки, – вясной ето озеро разлива-

лась пачти до самова лесу, а нынче так обмялело, что затапливая только яго глубокую часть. Эх, – со вздохом, огорчённо посетовал он, – хорошо бы укрепить насыпь да сделать абсадку деревьями...

Пётр, окинув взглядом берега водоёма, неожиданно предложил:

– Начнутся занятия в школе, я с семиклассниками договорюсь. А весной, после паводка, заготовим черенки вербы, а после высадим их вдоль плотины. Они быстро примутся и укрепят корнями насыпь. Ученикам будет практика, а людям – помощь.

Механик от удивления даже присел немного. Давно ему никто не предлагал пособить, да ещё вот так, сразу.

– А ты не забудешь? – переспросил он с недоверием.

– Не забуду! – улыбаясь, уверенно ответил Пётр Тимофеевич.

– Великое спасибо! – живо воскликнул Миша и добавил, – я тоже приду, сажать вместе будем.

Попрощавшись с Михаилом, Пётр пошёл по стёжке вдоль берега реки, обходя небольшие пригорки.

Над головой плыли редкие облака. С озера на другой стороне плотины тянул прохладный ветерок. Щурясь от солнца, не торопясь и жалея обувь, Петр легко огибал протоки и промоины, оставленные паводковыми водами. В них лежали позеленевшие от времени, поросшие мхом брёвна. Вскоре он оказался на проторенной дорожке, бегущей дальше вниз, к реке. Отсюда открывался чудесный вид на лесок, что улёгся у самого горизонта, на речку, стремящуюся вдаль, чтобы там, у прибрежного посёлка

Палымя, слиться в единый поток с полноводной Судостью. Целительный, напоенный ароматами осени воздух кружил голову, добавлял бодрости. В этой неприметной речушке было что-то чистое, озорное, весёлое.

Из-за слабого сброса воды Волотынь за плотиной совсем обмелела, стала обычной спокойной рекой, с отмелями, небольшими окунёвыми заводями. Здесь любили порыбачить местные мужики, а учитель биологии Пётр Терентьевич приносил отсюда на свои уроки окуней, только что пойманных и плескавшихся в домашнем, с помятыми боками чайнике.

...В этот час «сижи», оборудованные у самого берега, тоже не пустовали, они были заняты мальчишками лет десяти-одиннадцати с самодельными удочками, смастерёнными из молодых ореховых побегов по всем правилам: их очищали от коры и просушивали в тени, на сквознячке. Пётр свернул к рыбакам. Пока он шел к берегу, серенькие трясогузки щеголевато-легко перебежали почти у самых его ног, оставляя в иле тоненькие звёздочки следов.

Один паренек сидел прямо над водой на выгнутой, словно колено, раките, другой – на корточках, чуть поодаль. Ожидая поклёвку, дети сосредоточенно глядели на незатейливый поплавок из гусяного пера. Пёрышко мирно покачивалось на зелёной воде, в отражении прибрежных камышей.

Увлечённые рыбалкой, ребята не сразу заметили подошедшего к ним учителя. А когда увидели, тут же поднялись и вразнобой застенчиво поздоровались:

– Здравствуйте, Пётр Тимофеевич!

– Здравствуйте, ребята. – Петр, чтобы не смущать мальчишек, тут же добавил. – А ну-ка, хвалитесь, что поймали?

Дети, переглянувшись, проворно принялись доставать из воды добычу. Отливавшие серебром плотвички, полосатые окушки и прозрачные пескарики были аккуратно низаны на оструганные веточки с сучковатыми концами.

– О, да вы молодцы! Вон сколько наловили! – стал хвалить их учитель.

– Да мы-то что, одну мелочь поймали. Вот Варька, хитрющая, зная, где ловить!

– А где же она? Что-то не вижу её?

– Варька! – дружно закричали они в сторону разросшихся зарослей, близко подступающих к воде.

Из-за лозняка, обнимавшего небольшой мелкий заливчик с одиноко торчащими водорослями, показалась девчушка с загорелым, обветренным личиком.

Босоногая, в цветастом платье, не прикрывавшем острые коленки, она вопрошающе уставилась на ребят, но, увидев учителя, засмушалась:

– Здравствуйте, Пётр Тимофеевич!

– Здравствуй, здравствуй, Варя!

– Ребята говорят, что ты их обловила. Не покажешь ли улов?

– Я щас, – живо отозвалась девочка, тут же юркнув за куст. Не прошло и минуты, как Варя появилась снова, сгибаясь на бок от тяжёлого бидона в руке, в котором прозрачными бурунчиками плескалась взбудораженная вода.

По её расплывшейся улыбке было видно, что среди ребят она оказалась самой удачливой.

Поставив у ног учителя изъеденный временем бидончик, Варя, несмотря на свой хрупкий вид, уверенным дви-

жением вытащила за жабры довольно увесистого шурёнка. Извиваясь, тот мотал хвостом во все стороны, норовя вырваться из детских рук, веером мелких брызг осыпая подол Вариного платья.

Удивлённый Пётр с нескрываемым любопытством рыболова спросил:

– Да как же тебе удалось его поймать?

Девчушка радостно, с наивностью ребёнка, разведя худенькие ручки, выпалила:

– Я такую рыбину сама в первой раз поймала. Уси ловилась одна мелочь. Вот и сегодня попадалися только селявки. А куда их дывать-то? Кошке, што ли? Продолжая похвалиться, добавила:

– Потом нацепила одну из них на крючок да закинула подальше от берега.

Видя, что мальчишки с учителем слушают её внимательно, Варя затараторила:

– Время прошло мало. Вдруг мой поплавок задвигався, да как стал дёргаться. Эх, если бы вы видали ето! – воскликнула она. – Я подсекла и сразу потянула к себе. Чтой-то тяжелое прицепилось на крючок и тащилось в воде сначала лягко, а потом удочка так согнулась, думала, что сломается! Ух и страшно было! Ну, я потихоньку усё тянула и тянула, до самой отмели. А у берега рыба опять стала так крутиться, что чуть не оборвала леску!

Все притихли и с интересом слушали раскрасневшуюся от возбуждения Варьку, а та, не останавливаясь, ликующе выдавала:

– Я схватила её и выкинула из воды прямо в траву, подальше от берега. Сразу даже не разглядела, что это щука.

А как она билась! У меня от страха сердце стучало так, что чуть не выскочило!

Глаза девчонки восторженно сияли то ли от блеска воды, то ли от ярких впечатлений, а может, от внимания слушателей.

– Ну что, ребята, равняйтесь на Варю и вам тоже повезёт, – погладив девчущку по голове, сдержанно, чтобы не обидеть мальчишек, подытожил Пётр.

Пожелав юным рыбакам удачи, он решил до конца дня заглянуть в школу, благо, стояла она отсюда недалеко, на взгорке. Двухэтажное деревянное здание старой постройки было окружено раскидистыми, с уже пожухлой листвой тополями. Выбравшись из-под речного откоса, Пётр широко зашагал по накатанной дороге и совсем скоро оказался на школьном дворе у парадного входа.

Прохладный полумрак первого этажа встретил гулким безлюдьем. Пахло краской от обновлённых полов, парт, от скамеек. Было чисто и непривычно тихо, словно всё вокруг набиралось сил к новому учебному году. Но эта тишина в преддверии занятий навевала на Петра тревожное чувство. Для него это были не просто уроки, а сама жизнь: он учил своих семиклассников общаться, дружить, понимать друг друга.

Неожиданно в сизом сумраке коридорной тени шумно стукнуло. Хлопотливая «баба Маня» – так все звали школьную уборщицу – всюю хозяйничала в пустой школе: в который раз протёрла ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, полила цветы, поправила занавески в учительской...

Чтобы не мешать ей, Пётр так же тихо, как появился, вышел во двор. Дворник дед Матвей, похоже, тоже расста-

рался: расчистил школьные дорожки, даже написал свежей краской «м» и «ж» на дверях дощатой постройки в глубине двора. Школьная площадка выглядела ухоженной, какой-то праздничной. К занятиям физкультурой были готовы яма с песком для прыжков в длину, турники, брусья...

Учитель не удержался, решил их опробовать. Снял пиджак, высыпал из карманов брюк мелочь, разогнался и прыгнул в длину. На турнике несколько раз подтянулся на руках. Сделав подъём с переворотом, втайне остался доволен не только оборудованной площадкой, но и собой. За прошедшие каникулы он сохранил спортивную форму, набранную в последние годы.

При этой мысли Пётр физически почувствовал, как догорает августовский день, что тает летнее тепло, уступая дорогу осени. Он почти ощутил скоротечность, неповторимость каждого момента молодой жизни. Возможно, его призовут в армию и он расстанется с родными местами, а потом нескоро увидит такую же, как в этом году, золотую, тёплую сухую осень, когда даже роса не выпадала по утрам. Не услышит, как колхозники на крытом току цепями молотят рожь и как над брянским привольем разносится прощальное журавлиное курлыкание...

С грустью взглянув на быстро темнеющее небо, Пётр Тимофеевич поспешил домой. Там он застал воротившихся с работы хозяев, у которых квартировал. Дядю Ваню, мужчину средних лет, своего дальнего родственника, и тётю Нину – его жену. Они вместе трудились на скотном дворе в колхозе. У печки хлопотала Степановна, тёща Ивана. Хотя была она уже в летах, на ней лежали все хозяйские заботы о домашней живности и огороде. Сегодня

она раньше обычного успела упоровать скотину, закрыть курятник с усевшейся на насест домашней птицей, а теперь накрывала на стол к ужину.

Простоволосая, немного согнувшаяся от своих лет, в растянутой кофте с засученными рукавами, она споро снова-ла между печью и чуланом. Её натруженные, привыкшие к крестьянской работе руки беспрестанно мелькали, выставляя плошки с едой. На чисто выскобленном косарём столе появились поливанный, средних размеров чугунок с отваренной картошкой, махотка с маринованными маслятами, трёхлитровый чугунок с утомившимся за день взваром и большая алюминиевая миска с огурцами и помидорами. Коврига ржаного хлеба, топорщась горкой на скатерти, была прикрыта сверху тканым полотенцем. Всё это убранство смутно отражалось в висевшем на стене зеркальце, подёрнутым налётом пара, исходившим от тёплой еды.

Подсаживаясь к столу, Иван осторожно открыл дверцу старенького шкафчика, где пахло хлебными крошками, луком, сухой мятой и анисом, достал оттуда склянку с домашним вином и водрузил её рядом с собой. Разлив в стаканы понемногу терпкой вишнёвки, разом выпили: за приезд Петра, потом за жизнь, чтоб она была легче, а заодно – за здоровье, чтобы не подводило. Утолив первый голод, разговорились об осени, какой она будет, о зиме, о том, как перезимует в холода скотина, а справится ли народ по весне с посевной.

Степановна, молчаливо слушавшая их толкования, обратилась к Петру:

– Скажи, как там твои-то поживают у Зареччи?

Отвечая, Петя был немногословен. Ему неловко было признаваться, что живут трудно, считай, бедствуют, из детей работает только он. Кормит себя, семье помогает, где растут ещё три младшие сестры: Маруся, Дуся да младшенькая Наташа. Четвёртую, Веру, схоронили, не уберегли от болезни ещё в малом возрасте.

Такие разговоры за столом были нередки. Иван, прежде чем идти спать, мог долго говорить с Петром на разные темы, считая его, невзирая на молодость, толковым собеседником. В стране, да и в мире происходило так много разных событий, в которых ему самому было трудно разобраться.

В этот раз подвыпивший хозяин, покрасневшись, выпустив из-под ремня облезлую, выгоревшую за лето на солнце рубаху, попыхивая самокруткой, не выходя из-за стола и изредка надрываясь кашлем от табака, со свойственной ему прямоотой вдруг спросил:

– Пётр Тимофеевич, а не начнётся ли опять война? С германцем у нас теперь дружба, а Англия с Францией вроде как этой-то дружбе противятся.

Суется по хате и убирая со стола остатки ужина, бабы в разговор особо не встречали, а лишь прислушивались к мужикам, проявляя природное любопытство.

– Што ж дальши-то буде? – робко, со вздохом, спросила Степановна.

– Поживём – увидим, – уклончиво отвечал Пётр.

– А японец? Он теперь мирный али как? Не пойдёт на нас, как в пятом годе? – не унимался Иван.

– Нет! Не осмелится.

Тут в поддержку мужа в разговор вмешалась Нина. Навалившись пышной грудью на край стола, дохнув горя-

чим воздухом, продолжая, как и Иван, интересоваться, заговорщицки прошептала:

– А то вот ещё што. Кто етот Троцкий? Бабы судачили, он был с Лениным заодно, а тяперя яго то ли убили, то ли задушили.

– Вижу, бабы тоже газеты читают, – проговорил Пётр.

– Да, в «Правде» недавно было написано, что в Мексике убили Троцкого. Статья называлась «Смерть международного шпиона». Подождите, я сейчас, – прервав разговор, сказал Пётр Тимофеевич. Быстро встав из-за стола, он на мгновение скрылся в своей комнате. Вернувшись с газетой, на ходу стал читать выделенный красным карандашом текст: «В могилу сошёл человек, чьё имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всём мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда – большевистской партии», – сделав паузу, продолжил, – этот человек занимал при Ленине важные посты в государстве, и, видите, кем стал. Я лучше оставлю вам газету, прочтёте, а потом поговорим.

– Хватя на сягодні, пора спать, а то завтра рано вставать, – умиротворённо, с наслаждением зевая, пробормотал Иван. Его не в меру уже давно клонило ко сну.

Покряхтывая от сытного ужина, хозяин встал с лавки, аккуратно отряхнув брюки тыльной стороной ладони на уровне коленей от просыпавшегося пепла, отправился на отдых, негласно увлекая остальных.

Потом они ещё не раз за обедами или во время отдыха после работы вместе обсуждали сообщения, появлявшиеся в печати о врагах народа, о политической и международной жизни страны.

...Поутру, первого сентября, как-то торжественно прозвучал будильник, словно знал, что в этот день его задача – оповестить о начале нового учебного года. Натянув старенькие брюки, надев рубашку, наскоро обувшись, Пётр вышел во двор. Там, как всегда, хлопотали по хозяйству тётя Нина и её мама.

Пожалуй, никакое другое время суток не может сравниться с пробуждением нового дня в деревне. Он начинается с той самой минуты, когда петух звонкоголосо загорланит на заре, напоминая ещё не проснувшемуся солнцу о начале нового дня, затем, когда первые лучи трудолюбивого светила начинают золотить верхушки садов, окрашивая их червонной чешуёй.

Рассвет неуловимым трепетом утра только-только начинал уступать место заре. Робкий свет из-под горизонта тянул свою серо-чернильную, влажную прохладу, она заставила Петра зябко поёжиться. Солнце ещё не взошло, а только обозначило своё скорое появление блёклой полоской над грудой тёмных облаков. Просветы между деревьями были заполнены светло-серым воздухом. Чистые, прохладные ароматы осени несли потоки бодрости, придавали ощущение необычайной силы и основательного здоровья.

Готовясь к армии, Пётр, помимо физической нагрузки, которая ложилась на его плечи по хозяйству в семье, часенько делал рано поутру пробежки. Даже в первый день начала учебного года он не стал менять свою привычку. Пожелав хозяевам доброго утра, он выбежал за калитку на центральную и одну единственную улицу. В клубах поднимаемой дорожной пыли сонно брело разношерстное стадо коров

и овец, наполнявших округу тревожным блеянием и мычанием. Где-то в конце этой живой реки слышались окрики пастуха, сопровождаемые возгласами, похожими на крепкую брань, да оглушающими, словно выстрелы из ружья, ударами кнута. Миновав село и собрав дворовую живность, стадо вскоре скрылось в дубровнике начинавшегося невдалеке леса. Чтобы не пугать животных, Пётр свернул с дороги на тропинку, ведущую вдоль косогора к берегу речки.

Всё явственнее чувствовалось, что просыпается солнце: верхушки деревьев, росших у края тропинки, окутались жёлто-золотистым сиянием, а через некоторое время упругие солнечные лучи проскользнули в прозрачную листву среди ветвей. Они заливали и заросшую подорожником колею дороги, и подсохшую вдоль неё траву. Утро надвигалось треньканьем синичек, целыми водопадами солнечного света, что лился из просторного безоблачного неба, увлекая молодого человека в невозвратное время наступающего дня. Восходящее светило робко делало свои первые попытки окончательно разбудить селян.

В воздухе ещё стоял запах пыли, коровьего молока и пота, так ощутимых в утренней прохладе, когда Пётр, взбодрившись после пробежки, возвратился в дом. На подворье наперебой кудахтали куры, приветливо лаял пёс, а кот воровато долизывал остатки молока из деревянной, выдавшей виды плошки.

Войдя в сени, он увидел на столе приготовленную для него крынку парного, успевшего немного остыть молока. Ощущая лёгкую жажду, взял её сильными руками, запрокинув голову, стал пить через край. Духмяный свежий утренний молочный запах зримо воскрешал дыхание самой природы.

Петру чудилось, что слышит он голоса леса, видит просторы колосющихся полей, разноцветье лугов, ощущает свежесть родниковых речушек... Представлялись деревенские сады, полные налитых янтарным соком яблок-фунтовок, пасущиеся на бугре телята, женщины с коромыслами, на которых тяжело покачиваются вёдра, полные студёной колодезной воды, и бегающие на мелководье болот родного Заречья мальчишки...

Хозяева, вставшие до зари, уже ушли на работу. Окатив себя ледяной водой из медного рукомойника во дворе, что был прибит на колу, вкопанном в землю, Пётр стал готовить принадлежности для бритья. Вначале поправил на ремне опасную бритву, затем мелко нарезал хозяйственное мыло и долго перемешивал в ванночке помазком маслянистые стружки. Намылив скулы, подбородок и особенно тщательно – полноватую верхнюю губу, побрился, глядя в небольшое квадратное зеркальце. Ещё раз сполоснул лицо, привычно зачесал вверх выющиеся густые волосы, пригладив непослушные кудри влажными ладонями. Осушил лицо утиркой, висевшей здесь же на вбитом гвозде. После чего бодро взбежал по ступенькам в дом, где ждала приготовленная одежда.

Праздничный вид, стройность фигуре Петра придал двубортный костюм с хлястиком на спине, накладными карманами и подкладными плечами. Чёрные ботинки, надеваемые только по праздникам, были до блеска начищены гуталином.

Торжественность сентябрьскому дню также задавала детвора, спешившая по улице в школу. У многих ребятшек были холщовые сумки на длинных шнурках, переброшенные наискось через плечо. Девочки весёлыми стай-

ками двигались в сторону школьного двора, щеголяя цветастыми платьями. Кому-то справили обновку, а кто-то обошёлся и перешитым из материнских юбок коричневого или чернильного цвета. Коротко постриженные мальчики с чубчиками выглядели непривычно смирно. На умытых личиках по контуру укороченных волос выделялась ярко-белая полоска кожи, контрастирующая с загорелыми, до цвета шоколада, шеей и лицом.

Все, кому исполнялось семь лет, шли в школу. Но многим, по разным причинам, приходилось бросать учёбу: у одних не было одежды, особенно тёплой, и потому они учились только до холодов, у других – обуви. Третьи – чуть повзрослев, становились незаменимыми помощниками в семьях, заботились о младших, а зачастую подменяли мать или отца в колхозе, зарабатывая трудовни.

Пётр надеялся, что его семиклассники придут в полном составе и будут учиться хотя бы до зимних морозов. Встреча с ними для него была долгожданной, к тому же хотелось увидеть Катю, выделявшуюся из остальных девчат бедовостью. Почти в каждом классе она оставалась на второй год, но с приходом молодого учителя вдруг переменялась: перешла в седьмой класс с хорошими оценками, а по истории и географии получила даже отличные.

Пётр Тимофеевич был не намного старше девушки, и потому догадывался, что она хочет понравиться ему. Взрослая ученица по-особому смотрела на своего учителя, когда обращалась за разъяснением чего-либо непонятного. Её глаза светились очарованием, шедшим из глубины девичьей души, отражали природную красоту и нежность. Пётр порой сму-

щался, краснел под пристальным взглядом бездонных, как голубые озёра, глаз, в груди молодого учителя разливалось тепло. Свои чувства он прятал так глубоко, что никто не мог о них догадаться, а к девушке, на правах старшего по возрасту и положению, относился снисходительно-добродушно.

Но сегодня, увидев старшеклассников, невольно стал искать среди них знакомый силуэт. За лето Катя изменилась: густые волосы были подстрижены чуть выше плеч, чёлка подрезана и зачёсана на бок, новая кофточка с кружевным воротником ладно облегла фигуру.

Девушка заметила его первой и двинулась навстречу. Петр смутился, но шедшая вслед за Катей учительница, опытным глазом оценив неловкость момента, незаметно для окружающих потеснила девушку к шеренге выстроившихся одноклассников. Петр, вздохнув свободно, с благодарностью кивнул коллеге: не придётся встречаться с Катей неподготовленным, вот так сразу, лицом к лицу.

Первое сентября по традиции отмечалось в Валуецкой школе торжественной линейкой. Школьный двор был полон. Взволнованный завуч, не оставляя надежд навести хотя бы относительный порядок в толпе учеников, на ходу отдавал команды классным руководителям, чтобы они организовали построение, но шалившая, взбудораженная толпа загорелых и подростших за лето ребят не реагировала на их просьбы.

Несмотря на шумное оживление, вокруг чувствовалась торжественная обстановка. Девочки, причёсанные и отмытые после босоногого лета, выглядели куда более празднично в сравнении с мальчишками. Яркими лоскутами алого цвета у пионеров горели галстуки...

Нарядно одетые педагоги, поддаваясь настроению школьников, сами были как дети: суетились, шутили, обнимались, обменивались какими-то книгами, поздравляли друг друга с новым учебным годом.

После построения вышел директор, и все разом угомонились. Он поздравил присутствующих с началом учебного года, призвал ребят хорошо учиться, слушать учителей, быть патриотами своей страны. Затем предоставил слово завучу и пионервожатой. От их напутственных речей в атмосфере праздника ощущалось, что начало учебного года должно стать ещё одним шагом к новым успехам.

Когда выступления закончились, директор вновь взял слово. Повернувшись в пол-оборота к незнакомой молодой девушке, стоявшей немного поодаль от учителей, улыбаясь, он торжественно произнёс:

– Хочу всем сообщить, что с этого года у нас будет работать Александра Ивановна, учительница русского языка и литературы, прошу любить и жаловать.

Как по команде, все повернулись в её сторону. Александра Ивановна, после его сообщения, скромно улыбаясь, зарделась от всеобщего внимания и, чтобы не выдать своё волнение, только крепче сжала в руках учебники. Её тонкие пальчики побелели от напряжения, хотя внешне она выглядела спокойной и уверенной.

– Спасибо, – вежливо произнесла учительница, слегка поклонившись присутствующим.

Пётр, видя смущение молодой коллеги и то, как она старалась это скрыть, для себя отметил её смелую педагогическую выдержку. Наверное, этим Александра впервые произ-

вела на него впечатление. Таких девушек он ещё не встречал. В словах директора, в ответе Александры Ивановны не было ничего необычного, но Пётр как-то близко воспринял их. И пока она стояла неподалеку от него, он с напряжением, даже с каким-то особым внутренним волнением, которого раньше в себе не замечал, украдкой рассматривал девушку. Видел красивое удлинённое платье, точёную фигурку, талию, подчеркнутую лакированным поясом с блестящей пряжкой, туфельки-лодочки, тёмно-каштановые волосы, заплетённые в две тяжёлые косы, спадавшие до пояса, и главное... её глаза цвета шоколада. Всё это вместе делало Александру необычайно привлекательной. Сожаление у него вызвал только её небольшой рост, даже на каблучках.

Его мысли прервал зазвеневший колокольчик, который залихватским звоном деловито позвал ребят на уроки.

Выстроившись парами, дети отправились по классам получать расписание уроков.

Первые встречи

Ровной чередой потекли школьные будни, в которых яркой искоркой для Петра была Александра Ивановна. Однажды после уроков он случайно столкнулся с ней в коридоре, когда она собиралась идти домой. Неожиданно для себя, тихонько тронув коллегу за локоть, произнёс:

– Ой, сколько же у вас тетрадей!

Протянув руку к сумке, предложил: – Давайте я помогу вам донести.

В этот момент последние лучи заходящего солнца пролились в окно, легли золотым шлейфом на плечи де-

вушки, и её волосы засветились волшебным светом. Взглянув на него снизу вверх, она смущённо произнесла:

– Да, пожалуйста, Пётр Тимофеевич, если вам не трудно...

Александра Ивановна квартировала на той же улице, что и Пётр, только немного дальше, если идти от школы. Уже вечерело, когда они дошли до калитки. Пётр был красноречив. Он не узнавал себя, без усталости балагурил. Молодые люди говорили сразу обо всём, словно знали друг друга тысячу лет. Ему хотелось услышать о новостях в педучилище, а девушку живо интересовали традиции школы. Она охотно согласилась участвовать в самодеятельности, в работе литературного кружка...

Начинало смеркаться, а они все болтали и болтали. Сопхватившись первой, Александра Ивановна вдруг сказала:

– Пётр Тимофеевич, заговорила я тут с вами совсем, а мне ещё кучу тетрадей проверять.

Пётр на минуту замолчал, не в силах справиться с нахлынувшими на него чувствами, сожалея, что пришло время расставаться.

...Душа молодого учителя была в смятении. Несколько сентябрьских дней после знакомства с Шурой изменили его жизнь.

Общаясь с ней, он получил много необычных ощущений, которым не мог дать объяснение. Его сердце при встречах колотилось в груди с невиданной силой, ему не хватало воздуха, а по телу разливалось необыкновенное тепло. Всё это было для него впервые, по всей вероятности, Пётр влюбился, хотя ещё не знал, радоваться этому или нет. В одном

только был уверен, что Шура чудесная и он постарается заслужить её дружбу, а может быть, даже любовь.

Первые дни сентября пролетели очень быстро. Постепенно налаживался учебный ритм. Пока стояли удивительно тёплые, волшебные деньки осенней поры, Пётр Тимофеевич в конце очередной учебной недели, перед выходным, запланировал прогулку для своего класса. Надеясь сдружить ребят с новой учительницей, он решил пригласить и Александру Ивановну. Ему почему-то хотелось постоянно быть рядом с ней.

Едва последние голоса учеников стихли в пустующих коридорах школы, Пётр заглянул в класс русского языка, надеясь застать там девушку. Приоткрыв дверь, он увидел её. Она собирала тетради и учебники. Ему показалось, что парты, расставленные в два ряда с чернильницами-непроливайками, отдыхая от детворы, наблюдали за ней.

– Александра Ивановна, вам помочь? – тихо спросил Пётр, входя в класс.

Шура от неожиданности вздрогнула. Повернувшись на голос, она увидела сильную мужскую фигуру, закрывавшую весь дверной проём.

– Помогите, если вам не трудно, – женственно улыбаясь и делая ударение на имени, добавила, – Пётр Тимофеевич!

Перешагнув тотчас через порог, Пётр мигом оказался рядом. В смущённом взгляде карих глаз девушки он уловил выражение нежности, которая теплом окатила его тело.

– Шура, хочу предложить тебе пойти с нами на прогулку. Посмотришь здешние места, пообщаешься с ребятами. Да и я буду очень рад, если ты будешь рядом... – заключил он шёпотом, боясь собственного голоса.

Оставаясь наедине, они давно перешли на «ты». После робких, но так чувственно сказанных слов, Шура от смятения почти потеряла голос. Какое-то время оба стояли молча. Для Петра пауза показалась вечностью. В его голове промелькнуло: а вдруг откажется?

Девушка, точно набирая воздух перед прыжком, глубоко вздохнула. Стараясь не показать своё волнение, качнула в знак согласия головой. Будто испугавшись, она быстро взяла со стола сумку с учебниками и мимо Петра опрометью выскочила из класса, сказав на бегу:

– Конечно, пойду.

Спохватившись, Пётр быстро догнал её.

– Александра Ивановна, вы же разрешили мне помочь вам. А сами? – шутливо упрекнул её Пётр и продолжил:

– Как школьница, пробежала мимо меня так, что чуть с ног не сбила. Давай, давай сюда свою неподъемную сумку, – протягивая руку, настойчиво произнес Пётр.

Шура послушно передала ему свою ношу. Расправив плечи, он бодро зашагал рядом, широко и твёрдо ступая по утоптанной тропинке от школы вдоль деревенской улицы. Движения его были спокойными и уверенными. Поглядывая на своего спутника, Шура не в первый раз подумала: как он хорош! От этих мыслей она часто не могла отвлечься, чувствуя нарастающую к нему симпатию. Выбирая места поровнее, старалась ступать так же ловко и легко, как он, желая незаметно поспевать за Петром. Их было только двое в целом мире, так им казалось. Они шли рядом, вспоминали родителей, дорогие места детства, учёбу, обсуждали уроки. Найдя друг друга, они незаметно поделили жизнь на двоих, самых обыкновенных, счастливых людей...

Скорые сентябрьские сумерки незаметно спустились молодым людям на плечи. Склонившись, Петя передал ей сумку и невзначай прикоснулся лицом к нежной девичьей щеке. Его тепло жаркой волной неожиданного чувства накрыло девушку с головой.

Пётр, чувствуя то же самое, понял её смущение.

– Шура... – глухо сказал он, заглядывая ей в глаза. Они блестели ясными звёздочками, а шелковистые волосы, уложенные двумя тугими косами на голове, и изящный стан были настолько притягательными, что Пётр помимо своей воли потянулся к ней.

– Мне пора, – чуть слышно прошептала Александра. – До завтра.

Повернувшись, она сразу же спешно скрылась за калиткой в глубине палисада.

Пётр растерянно остался стоять у ворот. Жгучий взгляд его тёмных глаз был заполнен лёгкой досадой. Ошеломляющее чувство новизны от общения с девушкой заполняло его мысли. Сердце непривычно заныло, в висках появилась легкая боль, от которой, наверное, можно было избавиться, если бы Шура находилась рядом.

Вечер был по-осеннему тёплым. Окутанный сумерками, Пётр, постояв ещё немного, вскоре увидел, как в окошке Шуриной комнаты вспыхнул тусклый свет. Домой идти совсем не хотелось, и он решил немного прогуляться, надеясь остудить беспокойное сердце.

Село было невелико. Его улица в это время отвечала вечернему часу, она словно дремала, уютно чувствуя себя среди садов да колодезных журавлей. Не слышно было ни собачьего брёха, ни человеческого говора. Что-то знакомое,

родное чудилось молодому учителю в этих приземистых домах, блестящих желтоглазыми огоньками окон, в распластанных могучих искривлённых тенях от высоких деревьев, в мягких очертаниях небольших холмов, в шуме падающей воды у плотины...

Небосвод на закате, играя холодным белёсым светом, ещё тлел едва заметной полосой, отчего казался волшебным и таинственным в ожидании первых узорчатых звёзд. Пётр неспешно шёл по истоптанной овечьими копытами дороге, над которой висела вечерняя тишина, и вскоре оказался у реки. Тёмные берега глядели в спокойную воду, устремляясь своим громоздким отражением навстречу друг другу.

В густеющей мгле слышалось резкое хлопанье крыльев по воде и испуганный крик дикой утки. Он пробудил в душе Петра что-то давнее, он разом понял, почему эти дома, и деревенская улица, и тихая речка, и криканье взбудораженного кем-то чирка – всё привычно. Такие же вечера, звуки и переживания от ночных сумерек ему знакомы с самого детства, проведённого в Заречье, а отличались только тем, что там не было Шуры.

Минуя колодец, он вышел обратно на улицу, где таинственно возвышались высокие груши с облетевшей листвой, похожие на те, которые хороводом стояли на дедовом подворье. На небе стали зажигаться мутные звёзды. Степенная тишина, стекая с небес, тонула в ночной немоте осени, чтобы наутро вновь пробудиться с петушиным криком.

Домой пришёл, когда его хозяева поужинали и укладывались спать. Только Иван сидел на ступеньках крыльца, попыхивая в темноте красным огоньком самокрутки. Увидев еле-еле бредущего Петра, хозяин посторонился, пропуская его в хату:

– Это ты, Пётр Тимофеевич?

Не получив ответа, усмехнувшись, сказал:

– Опять хадив к сваёй училке, всё сумки носишь. Табе, Петя, жаниться пора. Девка видная. Опять же из наших – деревенских.

Продолжая свой монолог, заключил:

– Ровня она табе. Вы учителя. Вам будя о чём поговорить.

Растерев носком сапога окурок о землю, Иван вслед за Петром вошёл в дом. В комнатах было тихо, только маятник часов размеренно стучал на стене. На кухне пахло картошкой и солёными огурцами.

– Петр Тимофеевич, ты, наверное, проголодал гулявши. Там Нина оставила табе харчи, поешь.

Равнодушно выслушав хозяина, Пётр машинально снял крышку с приготовленной для него миски, стоявшей на столе. Картошка даже на погляд была аппетитной – душистой, хотя заметно поостыла. Краюха хлеба, прикрытая рушником, большая кружка парного молока, с ещё не осевшей пенкой, напомнили о голоде. Он с жадностью накинулся на еду. Отужинав, отправился спать, не переставая думать о Шуре, пока сон окончательно не сморил его.

На следующий день ничего невероятного, конечно же, не произошло: не налетели ураганы, не ударили молнии, не исчезла школа, только Шура и Пётр думали немного по-другому, иначе. Их сердца с этого дня стучали как-то по-особому...

На прогулку

Закончились занятия, и два класса, готовые к походу, собрались на школьном дворе. День выдался ясным. Школа, окружённая высокими раскидистыми тополями, словно островок, стояла на пригорке в створе широкой улицы села. Отсюда можно было видеть раскинувшееся озеро, обрамлённое пологими берегами и невысокой плотиной, пойму реки с тихими заросшими утиными заводами. Вдалеке, дымясь макушками вековых деревьев, синел Ширяёвский лес. Хорошо просматривалась грунтовая дорога, она вела через колхозные поля в село Семцы, а дальше убегала через дубовый лес в районный центр – город Почеп...

Шумно обсудив план похода, предложенный Петром Тимофеевичем, гурьбой отправились на плотину, туда, где, пенясь, бурлила падающая вода.

День ещё не утратил своего тепла, хотя низкое осеннее солнце на бирюзовом небе, роняя ослепительные лучи, совсем не грело. От него было светло и по-сиротски тихо. В солнечных переливах на кустах, на одиноких травинках неподвижно висели зацепившиеся паутинки – кружева бабьего лета. В ясном небе изредка явно слышались нарастающие и быстро растворяющиеся в тишине всхлипы крыльев от стаяк пролетающих диких голубей.

Пётр в когорте учеников шёл по разбитой песчаной дороге рядом с Шурой. Катя старалась быть как можно ближе к своему классному руководителю, явно ревнуя к нему учительницу. Но любознательные старшеклассники так плотно окружили их, слушая Александру Ивановну, что настойчивой девчужке не было даже малейшей возможности приблизиться к ним.

Александра Ивановна оказалась интересной собеседницей. В отличие от Петра Тимофеевича, читавшего исторические романы, она предпочитала поэзию, восхищалась романтикой Александра Грина. Её рассказ о повести «Алые паруса» сразу же покориł девчонок. Они слушали историю любви с замиранием сердец. Чувствуя неподдельный интерес старшеклассников к литературе, прочитала строфу из стихотворения «Молитва», написанную Мариной Цветаевой в день её семнадцатилетия:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Петру тоже понравилось чтение стихотворений, рассуждения о литературе. Говорила Шура ровно и красиво. Яркие пухлые губы, приоткрываясь, обнажали белоснежные зубы. Крохотные ямочки на щеках мило украшали юное лицо. Свободный вырез платья открывал нежную шею, а тугие косы, лежавшие на хрупких девичьих плечах, добавляли девушке очарования. Петя старался не смотреть на неё, но незаметно для самого себя постоянно поворачивал голову, делая вид, что слушает учительницу.

Шура, чувствуя это, смущаясь, отводила глаза, опущённые шелковистыми густыми ресницами.

– Александра Ивановна, читаете вы просто отлично, мне это, наверное, не дано, потому что совсем равнодушен к поэзии, – проговорил он, когда Шура замолчала.

Ребята вразнобой загалдели, споря, кому что понравилось.

– Я больше люблю книги, – сказал Пётр, – где народные выступления, борьба, смелость, победы... Чем хуже «Алых парусов» «Разгром» А. Фадеева, который, кстати, сейчас дочитываю.

И, обращаясь к ученикам, чтобы все слышали, крикнул:

– Кто читал «Разгром»?

– Я, я, – робко откликнулись два или три голоса.

Понимая смущение ребят, Пётр Тимофеевич спрашивать больше не стал. К тому же они подошли почти к плотине, где вода, шумным каскадом искрящихся капель, заглушая голоса, переливаясь через её створ, пенистым буруном падала вниз, устремляясь вдаль. Она клубилась туманной сеткой дождя в низине на обмелевшей реке. Сине-холодные прелые доски стока пахли сыростью. Пожелтевшие листья с росших по побережью раkit, словно вертолётники, медленно кружась, опускались на тонкую, зыбкую гладь реки. Противоположный берег запустело одичал от безводья.

На шум ребятни из машинного помещения, гремя железной дверью, вышел Михаил, колдовавший у механизмов. Его тёмные волосы кудрявились от сырого воздуха. При виде такой толпы учеников загорелое до кирпичного цвета лицо механика оживилось маленькими глазками из-под козырька старенького картуза.

Поруча́вшись с Петром, он наклоном головы поприветствовал Александру Ивановну. Прищулив один глаз и стараясь заглушить грохот воды, прокричал:

– Как дела, молодёжь?

– Харашо! – дружным хором ответили ребята.

– Небось, двоек нахватали?

– Двоешников на экскурсии не берут, – за всех отвела Катя.

Улучив момент, она быстро оказалась рядом с учителем.

– Правда, Пётр Тимофеевич?

Не успел он ещё что-то сказать, как Михаил предложил:

– Хотите посмотреть, как работает станция?

– Да, – вразнобой закричали дети.

Оглядев ребячью толпу, механик, как будто загребая широкой ладонью воздух, жестом пригласил всех за железную дверь. Шутливо толкаясь, наступая друг другу на пятки, желающие посмотреть сердце плотины пошли за дядей Мишей.

Вскоре показ немудрёного хозяйства был закончен и он как бы невзначай спросил:

– Пётр Тимофеевич, а наш с тобой уговор помнишь?

– Это ты про посадку деревьев?

– Да, – едва смутившись, сказал механик.

– Конечно же, помню. Как только наступит весна, мы сюда обязательно придём. Надеюсь, Александра Ивановна поможет нам.

И словно в подтверждение своих слов, повернувшись лицом к детворе, Пётр громко спросил:

– Правда, ребята?

Разноголосая толпа дружно согласилась.

– Мы бы уже этой осенью посадили, да только черенки вербы вымерзнут за зиму. А берёзки сажать не имеет смысла, они любят сухую почву, а здесь, в трясине, деревья не приживутся. Как ты думаешь, Михаил? Я прав?

– Всё так, Пётр Тимофеевич. Жду тогда всех вас весной.

Провожая школьную делегацию, механик показал, где в первую очередь надо сделать обсадку. На том и расстались...

Стрелки часов неумолимо заваливались в сторону вечера. А ребятам ещё надо было собрать гербарий, побывать на колхозном дворе, пробежаться у перелеска, окружавшего поля, где они раньше убирали картошку.

Шутя и в меру резвясь, детвора вскоре заявила на ферму. Скотину ещё не пригнали в стойло, и загон, пропахший навозом, был пока пуст. Коровы добирали, наверно, последние сочные побеги травы среди жнивья на полях, в лощинках, в зарослях мелкого кустарника или на вырубленных лесных делянках, нагуливая бока перед зимними холодами.

Сараи, сложенные из сухих, подогнанных друг к другу брёвен и покрытые соломой, тихо ожидали мычащее стадо. В редких клочьях размётанных ветром по двору хоботьях, трухи от перетёртой соломы, приготовленной на подстилку животным, копошились голуби и серо-чёрные галки. Они выбирали из сора остатки необмолоченных зёрен. Гвалт на скотном дворе от неожиданно взявшихся откудато подростков заставил стаи кормившихся птиц со свистом взмыть ввысь, оставив за собой только редкие перья, ещё долго кружившиеся в воздухе.

На шум вышли тётя Нина и дядя Иван – хозяева дома, у которых Пётр снимал угол. Пересекая вытоптанный коровьими копытами загон, они подошли к ученикам. Иван впервые так близко увидел среди них учительницу, которую Пётр Тимофеевич провожает до дома. Девушка была хороша собой. Она показалась ему почти такой же, как окружавшие её девчонки.

– Помощь нужна? – шутливо обратился Пётр к Ивану.

– Сами с усами. Управимся! – принимая вызов, ответил тот.

– Вы сюда лучше не ходите, а то испачкаетесь, – вмешалась в разговор подошедшая Нина. – Вон вы какие все нарядные да пригожие. На дворе сейчас пусто, но скоро пастух пригонит коров на дойку.

Кивнув в сторону леса, добавила:

– А вы лучше идите к лесочку, там красиво, сейчас дышится легко.

– Да мы туда и идём, но зашли к вам посмотреть, много ли телят прибавилось, подросли ли они за лето, – вмешался в монолог Петр Тимофеевич.

– А что их смотреть! – всплеснула руками Нина.

– Эка невидаль! Все ваши ученики не раз тут бывали. Помогали матерям коров доить, выпаивать телят. Они знают тут каждый уголок.

Многим ребятам понравилась её похвала. Быстро пробежавшись у загородки с телятами и больше не задерживаясь, с толкотней и беспричинным смехом, свойственным только молодым, компания отправилась через поле к дубняку. Кто-то самый смелый затянул песню. Подхваченная остальными, мелодия, громко взлетев, полилась над лугом, заполняя всё пространство. Александра Ивановна тоже подпевала, ритмично раскачивая в такт ладонью. Всем было безумно хорошо и весело, как тем «трём танкистам», о которых они вдохновенно пели.

...Солнце начинало спускаться за горизонт. В свете вечерней зари огромный лес с малоезжими дорогами, ча-

щами и оврагами, привлекавший своей дикостью, безлюдьем и роскошью осенней растительности, всё ещё не отпускал школьников, собиравших гербарий. Они после рассказов Петра о жизни леса, о его обитателях будто заново познавали свои места.

День неумолимо заканчивался. Возвращались с экскурсии, когда уже совсем стемнело. Первые огоньки всюду сверкали в окнах на пустынной улице Валуйца. Уставшие школьники разошлись по своим домам отдыхать, завтра у них был выходной.

Пете не хотелось расставаться с Шурой. Умоляюще заглянув ей в глаза, попросил:

– Давай погуляем ещё чуть-чуть?

Похоже, она ждала такого предложения.

– Хорошо.

Петя осторожно, чтобы не обидеть, взял девушку за руку. К его радости, она не отдернула её.

– Я тебя, как маленькую, буду держать за ручку, чтоб не потерялась в темноте, – шепнул он ей на ухо, обдавая тёплым дыханием.

Не выбирая, куда им идти, главное – быть вместе, молодые люди незаметно вновь оказались у реки, где они провели остаток вечера. Усевшись рядом на прогретую в затишье землю с пожухлой травой, внимали под куполом мглистого осеннего неба дыхание ночи, не замечая прохлады наступившего сентября. Когда их глаза встречались, Петя и Шура словно проникали друг в друга, вбирая немые, оглушающие волны необыкновенного тепла.

Сидя на берегу, обхватив руками колени, прикрытые подолом платья, Шура с интересом слушала Петра, удив-

лялась, как он улавливает среди шума речной воды плеск рыбы, шуршание где-то в густой траве кормящихся уток, не улетевших на юг и оставшихся зимовать у плотины, хрумканье выдры, поедающей нежные стебли явора... Поражалась его умению не только безошибочно различать ночных птиц по их крикам, но и подражать им...

Осенний вечер и сырость от воды через некоторое время принесли зябкость, от которой девушке сделалось неуютно. Петя, сняв с себя пиджак, заботливо укутал её и обнял за плечи. Его руки показались Шуře горячими до изнеможения, она словно горела в огне. Глубокое, взволнованное дыхание человека, который ей очень нравился, было совсем рядом, и это кружило голову. Только бледная, мутная луна, взошедшая над ними высоко-высоко, была единственным свидетелем девичьего волнения. Шура, преодолев озноб, на мгновение затихла. Петя, склонившись, прижался губами к её шее... От нежного прикосновения, от незнакомой и в то же время безумно приятной мужской ласки девушка не могла пошевелиться... «Боже, что я делаю?» – молнией пронеслось у неё в голове.

– Пётр Тимо..., – только и смогла проговорить она охрипшим от волнения голосом, как он закрыл её рот поцелуем, не давая сказать ей ни единого слова. Задыхаясь от Петиних ласк, Шура пыталась кулачками шутливо ударить его в грудь, но он ещё крепче прижимал её к себе, продолжая целовать губы, глаза, шею...

Остановившись на миг, девушка взглянула на парня. Его глаза сияли счастьем. Шурины руки потянулись к нему, обнимая за шею. Маленькие ладошки, тёплые и мягкие, сколь-

зили по щекам и волосам нежнее, чем шёлк. Полуоткрытые губы горячо откликались Петру, а упругая грудь прижималась так близко, что ему понадобилась большая сила воли, чтобы не случилось между ними близости.

– Прости, – тяжело дыша, через некоторое время про-
бормотал он. – Мне не следовало так себя вести.

Он поднялся с травы.

– Просто я не смог сдержаться. Ты мне так дорога! Я люблю тебя! – стесняясь собственного голоса, произнёс он едва слышно.

Шура, учащённо дыша, стала поправлять волосы.

Сердце у неё заныло, ей на миг показалось, что она в чём-то виновата. Но Петя, увидев потемневшие глаза, в которых отразился испуг, вновь заключил её в объятия и нежно поцеловал, развеяв все сомнения. Она не сопротивлялась, отдаваясь желанию утонуть в мгновениях блаженства...

– Выходи за меня замуж, – тихо сказал он.

– Пётр Тимофеевич, – робко проговорила она.

– Шура, мы же договорились, для тебя я Петя. Хорошо? – прервал её Пётр, пытаясь вновь обнять и прижать к себе.

Девушку ошеломило неожиданное предложение стать его женой. Не зная, что ответить, она смущённо отстранилась от Петра. От волнения и мысли, что она откажет ему, с трудом переводя дыхание, он потянулся опять к её губам...

– Хорошо, я согласна, – как во сне, совершенно обес-
силенная, прошептала Шура...

Вечер приближался к полуночи, пора была идти по домам...

Вернувшись на съёмные квартиры, каждый из них не мог долго уснуть. Пётр, укрывшись одеялом, лежал в полной темноте с открытыми глазами. Один внутренний голос спрашивал: «Правильно ли ты поступил, что едва познакомился с девушкой, сразу сделал ей предложение?» А второй отвечал: «Правильно, такой на свете больше нет».

Наконец, повернувшись на скрипнувшей кровати, он с шумом выдохнул, улыбнулся самому себе и попытался заснуть. Волна тепла, разлившись по всему телу, окутала блаженством. Но стоило только закрыть глаза, как вновь проносились события дня: прогулка, разговоры, лицо Шуры, поцелуи, нежные прикосновения.

В глубине печурки, среди безмолвной тишины дома, словно понимая его состояние, на серебряной дудочке выводил рулады одинокий сверчок. Под его нежное монотонное стрекотание Пётр заснул...

Шура после встречи с Петром тоже не могла прийти в себя. Сбросив с плеч платье, принялась расплетать косы, нервно перебирала пальцами пряди волос, потом навела порядок на столе, суетливо передвигая сложенные в стопку тетрадки. Вешая платье, тихо открывала и закрывала скрипучие дверцы шкафа, стараясь не разбудить хозяйку. И всё думала, думала...

Сближаясь с Петром, она всё больше тревожилась и беспокоилась. Свои чувства девушка старалась никому не показывать. Она обожала Петра, а после прошедшего вечера, услышав предложение выйти за него замуж, растерялась и не находила себе места. Накинув нательную рубашку, собственноручно украшенную кружевами, она подошла к окну, вглядываясь в непроглядную черноту осенней ночи.

– Что я скажу маме, братьям. Поехала работать и тут же нашла жениха? – с тревогой думала она. – С кем останутся они, если я выйду замуж?

Только сильно озябнув, девушка заметила, что босиком стоит на полу. Юркнув под одеяло, Шура, свернувшись калачиком, прижалась горячей щекой к подушке. Вспомнила себя совсем маленькой, беззащитной девочкой, за которую мама всегда принимала решения. От невозвратности времени слёзы из глаз горячей струйкой потекли на прохладную подушку...

Устав от вечерних переживаний, утром, в выходной день, девушка крепко спала. В лицо ей давно бил прозрачный луч солнца, оно заливало оранжевым ливнем всю комнату.

Не дождавшись квартирантку к завтраку, хозяйка заглянула к ней, надеясь увидеть её бодрой. Но застала спящей в кровати, она лежала навзничь без соскользнувшего на пол одеяла. Под рубашкой выделялись круглые упругие груди, а босые ноги оголились до колен. Руки и плечи, без единого пятнышка и родинок, отливали бледно-янтарным цветом. От всей её фигуры, разомлевшей во время сна, чистого, нежного девичьего лица исходило спокойствие и разлитая усталость...

– Пусть поспит, – подумала женщина, вспомнив свою молодость, и осторожно закрыла дверь.

Пётр, напротив, хотя лёг довольно поздно, проснулся, как всегда, с рассветом. Во дворе, чтобы стряхнуть с себя остатки сна, окатился ледяной водой. Хозяйская собака, завидев его, ластясь, чуть не отмотала хвост, выпрашивая подачку. Видя её старания, Пётр не поленился вернуться в

дом. Там нашёл кусочек хлебного мякиша, с которым вновь появился на пороге хаты. Дворняга, на лету схватив брошенный подарок, мигом проглотила его. Более не задерживаясь, Пётр вышел за калитку. Пробежался по росистой тропинке, вернулся уже к завтраку. Перекусив, стал готовиться к предстоящим урокам. Мысли о вчерашнем вечере, проведённом с Шурой, не давали покоя. Нежность, взаимные ласки казались ему красивым сказочным сном. Чтобы подтвердить их реальность, в голове Петра постоянно кружило одно желание: скорее бы увидеть Шуру. Но как? Пойти к ней на квартиру? В деревне было не принято наведываться к девушкам домой. Оставалось искать повод для случайной встречи на улице или дожидаться завтрашнего дня, чтобы увидаться на работе.

Как бы мучительно ни тянулся день, он всё же закончился. Влюблённые, чтобы не вызвать пересуды, при встрече в школе вели себя сдержанно. Их ночные волнения понемногу улеглись.

После занятий Пётр снова вызвался её проводить. Как только они оказались наедине, стал пытливо смотреть на неё, ожидая, что она скажет после вчерашнего вечера. Пытался понять, не обидел ли чем, втайне надеясь на взаимность, а может, даже на нежные признания. Томительное чувство не покидало его, а спелость её губ манила и притягивала, как магнит. Девушка тоже испытывала некую неловкость, догадываясь о намерениях парня. Стараясь скрыть обуревавшие её чувства, Шура, как будто между ними ничего не было, нарочито по-деловому спросила:

– Петя, что делать? Зареченские ребята опаздывают на уроки, особенно в начале недели.

– Ещё бы им не опаздывать, – встрепенулся Пётр, вспоминая своё школьное детство, – если только в одну сторону восемь километров!

– Ну и что, значит, можно опаздывать? – с вызовом в голосе сказала Шура.

– А ты сама попробуй, пройди столько и не опоздай, – подзадорил Петя.

– И пройду, – запальчиво ответила она.

Тут Петру в голову пришла мысль, он, загородив дорогу перед Шурой, лукаво улыбнулся.

– Ты что задумал? – строго и одновременно кокетливо спросила девушка.

– Хочешь поговорить с родителями зареченских ребят?

Шура не медля, глядя в глаза Петру, задорно ответила:

– Конечно, хочу!

– Тогда пошли к нам, в Заречье. Побываем в семьях, чьи дети часто опаздывают в школу. А потом я познакомлю тебя со своими родителями. Ты же не передумала стать моей женой? – заглядывая в её тёмные глаза, спросил Пётр.

– Не передумала, – тихо подтвердила Шура, остановившись. – В Заречье я бы сходила, только к твоим родителям идти страшно, – заключила она, опустив голову, словно рассматривая свои туфельки.

– Чего боишься. Ты трусиха? Да? – не унимался Пётр, тормоша её за плечи.

– Представь себе, правда, боюсь!

– Ты же не одна, я с тобой. Мы теперь всегда будем вместе.

Шура согласно закивала головой, а Пётр облегчённо вздохнул, не веря своему счастью: сбылась его мечта, выходной день они вновь проведут вместе.

На родине Петра и Шуры

В воскресный день, встав пораньше, они отправились в путь. Дорогу выбрали через деревню Гамалеевка, а оттуда лесом – прямо в Заречье.

Петя в душе ликовал. Он даже не думал, как встретят родители, одобрят ли его решение жениться. Выйдя из Валуйца, чувствуя себя на седьмом небе, Пётр шёл с Шурой в родной посёлок. Ветер, бушевавший ночью, к началу дня стих. Низкие, набухшие дождевые тучи рассеивались у горизонта. День обещал быть погожим. Но не надеясь на осеннюю погоду, молодые люди оделись теплее. Шура, даже в объёмной, свисающей почти до колен кофте поверх платья, выглядела привлекательно. Крепкая, ладная, круглолицая, со жгучими до черноты волосами, уложенными узлом на затылке под лёгкой цветной косынкой, – она была хороша собой.

День был трепетным и задумчивым. На подходе к гамалеевским подворьям было заметно, что деревенский люд уже заготовил сено на корм скоту, выкопал картошку, очистил огороды от травы. Изредка попадались на глаза сельские, добравшие в садах последние яблоки. Кое-где ещё стояли тугие кочаны несрубленной капусты. У загонов для скота пахло, как от молодого бычка, который, слюнявя, ест хлеб из рук, норовя шершавым языком зализать рукав одежды. Вокруг чувствовалась безмятежная забывчивость жарких летних дней.

Оставив позади пустынные поля скошенной ржи и пшеницы с длинными вереницами скирд, миновав сеновал, конюшню, а затем и покосившиеся хаты, крытые дором или пепельно-серой от времени соломой, Пётр и Шура

оказались на лесной зареченской дороге, усыпанной по обочинам ворохом опавших листьев. Ни одной птицы не было слышно вокруг, лишь изредка доносилось из глубины чащи нежное и чистое теньканье синички да отдавалась эхом дробь одинокого дятла. Давно улетели на юг щебетуны-ласточки, а ещё раньше в одночасье исчезли быстрые стрижи. Молодые люди вспомнили о них, заслышав в вышине журавлиные крики. Птицы летели ровным косяком к далёкому манящему теплу, курлыкая с небес свои прощальные песни. Петя и Шура долго смотрели вслед веренице журавлей, как будто они уносили с собою лето.

По-осеннему влажным выглядел Гамалеевский лес. На прогретой полуденным солнцем земле, у подножия больших деревьев иногда виднелась мелкая брусничная зелень с округлыми листочками. Словно умытые водой, они отличались на солнце блестящим глянцем, оживляя угасающие краски осени. Узкая, покрытая сваявшейся сухой травой дорожка, по колее которой шли Шура и Пётр, вела их к началу Заречья. Наслаждаясь своей затерянностью, они довольно часто останавливались, слушая шумевший от тихого ветра лес, заполненный запахами мокрой коры осин и полусгнившими от дождей листьями.

На тёмном фоне могучих дубовых стволов яркими пятнами выделялись багряные, опалённые осенью кусты калины. Дорогу обступали высокие деревья, качаясь, они шептались почти под облаками кудрявыми верхушками. Из их поднебесья к подножью великанов изредка прорывался слабый ветерок. Говор леса, неторопливый и печальный, был как холодное лепетание самой осени. Солнце то освещало путников, то вновь рассыпалось по дороге мелкими зайчиками.

Шура никогда не была в таком старом лесу, где вековые дубы и строевые сосны макушками подпирали небо.

– Мне страшно, – прижимаясь к Петру и поднимая на него испуганные глаза, проговорила девушка. Мрачных красок окружающей картине добавляла разбитая тележными колёсами дорога, петляющая среди притихших кражистых деревьев и корявых пней с оголёнными корнями.

В довершение ко всему настороженную тишину внезапно расколол резкий шум взлетевшей птицы, серым пятном промелькнувшей в низком подлеске.

– Не бойся. Это мы рябчика вспугнули. Ты же не трусиха!

– А если сейчас сюда выскочит лось, а хуже того, волк или медведь, – робко возразила она, вцепившись в его рукав.

– Да никого здесь нет! По этой дороге постоянно ходят люди, а звери живут в глуши. Я сюда по грибы хожу. Знаешь, их здесь сто-о-о...лько... – протянул Петя. – Наступит лето, будем собирать с тобой их тут целыми корзинками!

Обняв девушку за плечи, он чмокнул её в щёку.

– Петя, а вдруг нас кто увидит?

– Ну и пусть! – шутливо воскликнул Пётр, заглядывая в её лучистые глаза.

Успокоившись, Шура запрокинула голову к небу и воскликнула:

– Петя, Петя, смотри, смотри, как красиво кружат золотистые листочки! Они похожи на маленькие резные сердечки.

Молодые люди долго восхищались берёзовым листопадом, стараясь уловить то мимолетное мгновение, когда почти невесомый листочек, отделяясь от ветки, начинал порхать в воздухе.

– Петя, мы долго так будем стоять? – первой спросила девушка.

Засмеявшись, он потянул её за руку, увлекая за собой...

Вскоре со стороны Заречья послышался глухой скрип телеги и приглушённый мужской говор, таявший в лесной округе. Из-за поворота показалась лошадь, тянувшая повозку. Возница, сухопарый мужик, опустив на оглобли тощие стариковские ноги в выдавших виды сапогах, то ли гуторил сам с собой, то ли мурлыкал под нос незамысловатую песню.

Петя разжал руку, нехотя отпуская Шуру. Переглянувшись, они пошли навстречу подводе. Поравнявшись с проезжавшим, узнали в нём соседа, по прозвищу Шубка. Волосы деда, густые и мягкие, сбившиеся под шапкой от пота, торчали паклей над нависшими бровями. Казалось, что он никогда не снимал с головы свой тёплый картуз и редко брил росшую на лице щетину.

– Здорово, сосед! – окликнул его Пётр.

Натянув поводья, возница остановил лошадь. Закусив удила, та подняла верхнюю губу, обнажив жёлто-зелёные крупные зубы и бледно-розовые дёсны, недовольно задёрнула ноздрями.

– Здорово. А ты чей будешь? – вздрогнув от неожиданности, отозвался подслеповатый дед. – Никак Тимохов сын? Пятро? – уточнил он, вглядываясь в лицо юноши и не выпуская из рук пугу.

– Он самый.

– Давно я с тобой не бачився. Що воно таке? Кажись, нявесту к батьке вядёшь? – поглядывая в сторону Шуры, с любопытством продолжил:

– Ступайтя, тама ваши вси до́ма. Я у його недавно був. За карасином в лавку еду. Можа, привязли... Но-о-о! Ой, я ё! –

зычно крикнув на лошадь и хлестнув вожжами её по крупу, дед прервал разговор. Лошадь, вздрогнув, дёрнула телегу с места. Гулко ударяясь колесами о корчи, грохоча и качаясь из стороны в сторону на разбитой песчаной колее, повозка пока- тилась дальше. Шура, увидев человека, запросто ехавшего по- среди леса, совсем успокоилась. Дорога теперь не была для неё такой пугающей, да к тому же Петя, не переставая, расска- зывал, какие тут растут орехи, грибы, ягоды, сколько птиц в этих местах летом выют гнёзда да как яростно весной токуют влюблённые глухари. А сам тем временем незаметно уводил девушку в сторону от дороги, надеясь найти хотя бы один гриб. Чутье бывалого грибника его не подвело. Вскоре они оказались рядом с трухлявым пнём, сплошь усыпанным опя- тами. Их шоколадно-серые шляпки, будто соревнуясь друг с другом, наперегонки тянулись навстречу солнцу.

Шура от такого количества грибов была просто в вос- торге. С азартом она принялась собирать и складывать их в платяную сумку, наслаждаясь терпкими ароматами про- хладного осеннего леса...

Дорога из Гамалеевки в Заречье петляла по лесу и бы- ла всего-то около двух километров, но Шуре показалась очень длинной. Выйдя у края посёлка, они услышали пере- звон молотков, доносившихся из местной кузницы, при- ютившейся у зареченского водоёма. Судя по раскатистым тяжёлым ударам, там кипела работа. Увидев, что Шура за- интересованно прислушивается, Петя предложил:

— Давай зайдём в кузню?

Встретив удивлённый взгляд девушки, добавил:

— Я сам там не раз бывал, особенно когда мой дед Мартын для топки горна заготавливал березовый уголь.

Сейчас кузница колхозная, работает в ней наш сосед Василий. У него с женой Ганной восемь детей. Трое из них: Миша, Лёник и Нюра – ходят в Валуецкую школу, они, наверняка, тоже опаздывают на твои уроки. И нам не надо будет ходить с тобой по домам

– Хорошо, – согласилась Шура, – давай зайдём.

Свернув на неприметную тропинку среди высокой травы, они вскоре оказались у полуоткрытой двери, ведущей в кузню. Войдя, увидели одного из зареченцев, который толковал с кузнецом. Василий расхваливал подковы, приготовленные к началу зимы для лошадей. Любуясь своей работой, мастер ласково поглаживал ладонью грубоватые, но с душой обточенные заготовки.

Завидя чисто одетых гостей на пороге, Петины земляки разом замолчали, но узнав Петра, шумно поздоровались, с интересом поглядывая на незнакомую девушку, явно не из их посёлка. Чтобы не мучить догадками мужиков, Пётр сказал:

– А это Александра Ивановна, учительница русского языка и литературы. Пришла познакомиться с родителями своих учеников.

Василий, хоть и был в годах, несмело взглянув на учительницу, спросил:

– А штош мои там натворили?

Справившись с волнением и с осевшим в одночасье голосом, в разговор вступила Шура. Стала рассказывать отцу об учёбе, о дисциплине его детей. Кузнец, присев на закопчённый деревянный чурбан, оперев локти о коленки, не перебивая, слушал, лишь изредка понимающе кивал головой. В конце беседы, приподнявшись и одёргивая

ветхую рубаху в мелких дырочках, прожжённых искрами от горна, пообещал дать взбучку своим школярам за опоздания. Поговорив ещё некоторое время с зареченцами, учителя покинули кузню. Александра Ивановна, несмотря на разницу в возрасте с Василием, осталась довольна этим разговором «на равных».

Попрощавшись с зареченцами, вскоре оказались на белёсой от песка тропинке, вилявшей вдоль просёлочной дороги к Петиному дому. От обилия растущих на улице деревьев воздух над посёлком казался мягкой лиловато-сиреневой дымкой. Шура была очарована. В многоголосии осени, с её шелестом сухой травы, прощальными криками птиц да скрипами оголённых кустов по-новому слышались деревенские звуки: собачье побрёхивание, drobный стук топоров, глухое, испуганное мычание телят, не привыкших ещё к закуткам, звонко-дребезжащее звяканье колодезного ведра о сруб колодца. Над всем этим, что больше всего поразило, разливался зареченский, непохожий на пукосинский торфяной запах болот, ни с чем не сравнимый смолянистый аромат печного дыма и горьковатой полыни...

Шура, испытывая некую неловкость, немного неуверенно шла рядом с Петром, замечая, что из некоторых домов сквозь стёкла их провожали любопытные взгляды. Они как будто вопрошали:

- Кто это с Петром Тимоховым?
- Откуда молодайка буде?
- Никак в посёлке скоро свадьба?

Не находя ответов на свои вопросы, отходили от окон.

Родительский дом завиднелся ещё издали. Крытый в два настила дором, почерневшим от дождей и снега, он скромно

выглядывал из-за буйно разросшегося куста сирени. На подходе к калитке, за редким ограждением из орешника, Пётр и Шура увидели у саманного пятистенка отца с матерью. Они сидели на завалинке, опершись спинами о стену родной хаты, построенной руками Петиного отца – Тимофея.

Хозяин был колоритен. Широкая, окладистая, начинавшаяся почти от самых глаз седеющая борода была аккуратно расчёсана. Прокуренные, с коричневато-дымчатым оттенком усы скрывали полноватые губы. Белёсые брови нависали над пронизательными, добрыми глазами. Тимофеем был крепок телосложением, не очень сух для своих лет, в характере преобладала изобретательность и нетерпение в достижении цели. Эти же черты передал он своему сыну.

Матрёна выглядела под стать мужу. Родившая пятерых детей, она всё ещё сохраняла миловидность. Добрая, безобидная, она в то же время могла проявить твёрдость сельской женщины, готовой выдержать любые тяготы жизни. Выцветший голубой платок, упавший с головы на её покатые плечи, обнажал густую копну поседевших волос, туго завязанных на макушке цветной полоской, оторванной от лоскута. Большие серые глаза смотрели вдаль. Сухие руки, прикрытые передником непонятного цвета, спокойно отдыхали на коленях.

Неспешно войдя во двор через неплотно прикрытую дверку, молодые люди вскоре предстали перед глазами родителей. Переглянувшись, отец с матерью дружно поднялись навстречу сыну и незнакомой девушке. Отец немного впереди, а мать, потупившись, поодаль.

– Здравствуйте, – первым начал Пётр, а за ним и Шура.

– Здравовы будити, – поведя глазами в сторону девушки, вразнобой ответили отец с матерью.

Пётр шагнул навстречу отцу, протянул руку для приветствия. Поручкавшись крепким рукопожатием, обнявшись, оба стали похлопывать друг друга по спине, явно оттягивая время. Отстранившись от сына, обращаясь к Шуре, первым заговорил Тимофей:

– Здорово и тебе, дочка.

Петя, сжав холодную от страха руку девушки, произнёс, – знакомьтесь, это Шура, – запнувшись, твёрдо добавил, – моя невеста.

Видя такой поворот дела, сразу скумекав, Тимофей укоризненно качнул головой.

– Дак што ж ты нам заране не сказав? Мы тады бы подготовилися. А ты, вона, взяв – и явився не один! – с упрёком, глядя на Петра, сказал отец.

– Так вышло, – стал оправдываться сын.

Выручила Матрёна. Всплеснув руками, улыбаясь, воскликнула:

– Хозяин, слухай, что мы держим дятей на вулице, приглашай у хату. Хватить тряндеть. Яны с дороги умаялись, поди, проголодались, а ты тильки ругаешься!

– А ты, дочка, проходи, – обратилась Матрёна к Шуре, – ня слухай яго! Будь як в дому.

Поглядывая на холщовую сумку в руках девушки, спросила:

– А ето что у тябя? Никак грибов насобирали?

– Да, в лесу нашли. Жаль было оставлять. Они такие красивые, – ответила Шура.

– Ето правильно, а нам всё нету время до лесу сходить, – с сожалением произнесла она.

– Вот плятушка. Сыпь сюды. Завтра суп сварим, а шас заходь у дом.

Суется и приговаривая что-то себе под нос, она заторопилась в хату.

Чтобы сгладить неловкость от встречи, Шура вызвалась помочь. Получив одобрение Матрёны, начала вместе с ней собирать обед. Отец, усевшись на табуретку во главе стола, глядя на их хлопоты, неопределённо хмыкнув, стал нарезать большие ломти хлеба.

Незаметно появились миски с огурцами, распаренной репой, а к ним мочёные яблоки да ягодное варенье, сваренное на меду. Неустанно хлопоча с угощениями, Матрёна изредка поглядывала на ловкую Шуру.

Вскоре в хату вошла младшая сестра Пети Маруся, а потом, запыхавшись, влетели Дуся с Наташей. Суматоха сестёр помогла снять напряжение между родителями и молодыми.

Рассевшись за столом, в паузах между разговорами, домочадцы пристально рассматривали Шуру. Девушка старалась держаться непринужденно, хотя волнение нет-нет да и появлялось на её лице. Отец расспрашивал, из какой Шура семьи, сколько их у матери, откуда родом. Сёстры сидели тихо-тихо, боясь, что их прогонят и не дадут дослушать. Охваченные удивлением, они видели в ней необычную барышню, точно появившуюся из сказки, а теперь сидевшую прямо напротив них по другую сторону стола рядом с их братом. Не засмотреться на неё было нельзя: тёмные, цвета ночи волосы, уходили назад двумя тугими косами, лицо, чуть округлое у подбородка, было открыто. Глаза, едва приплюснутый небольшой носик, губы, щеки – все было вылеплено на её лице с удивительной

точностью, чтобы ничто отдельно не выделялось, а вместе являло нежную девушку...

Матрёна скромно молчала, не вступая в разговор, лишь изредка утирала слезинки, появившиеся в уголках её глаз. Тимофей Мартынович слушал Шуру внимательно, не перебивал, был сдержан, чувствовалось, что размышляет о происходящем. Он понимал, что, заимев жену, да ещё из другой деревни, единственный сын больше не будет ему помощником.

Насупившись, Тимофей мерно барабанил пальцами по столу, почти не притрагиваясь к еде, как и его жена.

– Вот что кажу тебе, сынка, – через некоторое время заговорил отец. – Рано тебе жанитца. Ты ящё в армию не ходив, всё учився. Тольки робить начав и с ходу хочишь хамут на шею себе павестить. Не торопився бы ты. Куда она, жанитьба твоя, денется? – с правотой в голосе заключил он.

– А ты-то что думаешь? – холодно спросил Тимофей Мартынович Шуру. – Пойдешь за нашего Петю замуж? Вы ж так мало бачились.

– Пойду! – опустил глаза, заливаясь краской, тихо ответила девушка.

– Скорые вы, только-только робить начали, – опять повторил отец, но махнул рукой и закашлялся.

Разговор становился тяжёлым. Пётр, молчавший до этого, спросил отца:

– Ты сам-то, папа, когда женился, наверное, вовсе не гулял? В твои молодые годы сватали невест, которых женихи видели только на свадьбе. Разве не так?

– А ты ето не сравнивай туточки, – откашливаясь, ответил Тимофей.

Видя, что недовольство родителя не убавляется, а потчевания не добавляют благосклонности, сын сказал:

– Пора нам. Поздно уже, надо возвращаться. Спасибо за угощение. Нам завтра с Шурой на работу в школу, а дорога неблизкая.

– Пагодь, – подобревшим голосом остановил его Тимофей. – Схажу на канюшню, вазьму лошадку, подвязу вас трошки. Чаго зря ноги-то бить. Восемь километров с гаком идтить, а вечер ужо на двару.

Мать, выглядывая из-за печной занавески, делала Петру знаки, чтоб он не перечил отцу.

– Добре бы было, – согласился Пётр.

Встретив быстрый и мягкий взгляд отеческих глаз, дружелюбно попросил:

– Пока ты за подводой ходишь, можно я Шуре твоим садом похвастаюсь, пчёл да кроликов покажу, пусть посмотрит, какой ты хозяин.

Улыбнувшись в бороду от сыновней похвалы, отец, махнув согласно рукой, вышел из хаты.

Петя в присутствии сестёр, что было не принято в посёлке делать прилюдно, взял Шуру за руку и потянул во двор, туда, где белели своими новенькими пузатыми боками бочки, сделанные отцом. А потом повёл в поблекший осенний сад, где, шурша вокруг сарая в зарослях крапивы, гулял прилетевший с дальних сырых болот прохладный ветер. Ранние утренние заморозки давно подсушили убранную от урожая землю в саду, старательно выветривая последние запахи лета: от пряного укропа, мяты, яблок, от ещё чего-то знойно-жаркого, сохранившего прежний аромат, затерявшийся в траве...

Молодым было немного грустно от встречи с Петиными родителями, однако юность, нежные чувства брали верх. После душевной хаты, подставив лица прохладному ветру, они наслаждались его глубокими вздохами... Пройдя по закутам, где в соломе рылся петух с курочками, старательно выискивая насекомых, а в самодельных деревянных клетках подрастало целое семейство бело-серых кроликов, Петя и Шура оказались в саду. Он даже в осеннюю пору выглядел прекрасно. Яблони и груши, потеряв плоды и листья, готовились к зиме. Только на одной из яблонь, высоко на тонкой веточке трепетал пожелтевший листок рядом с одиноким яблочком, никак не хотевшим падать вниз. Грабли, прислонённые к сливе, напоминали об уборке листьев в саду. Тёмное пятно золы от недавно дышавшего костра с недогоревшим сором издавало неповторимый запах осеннего дыма и особый привкус, свойственный только деревенскому подворью. Чародейка осень повсюду развесила яркие лоскуты, пылавшие разноцветьем. Слушая осенний сад, Пётр и Шура любовались его красками, примечая в саду новые саженцы, подвои. Кругом чувствовалась крепкая рука отца.

Петя хотел нарушить молчание, но Шура, мечтательно закрыв глаза, произнесла:

– Тише, т-и-ш-е, слы-шишь, как шумит ветер...

– Да это не ветер, это кто-то подъехал к дому, – рассмеялся Пётр.

– Пойдём, нам пора.

Действительно, вскоре отчётливо послышались голоса и топот. У калитки, держа под уздцы запряжённого в телегу рыжего жеребца, стоял отец. Во двор заезжать не стал. На шум вышла мать, держа в руках узелок с гостинцами.

Упредив её, отец твердо спросил:

– Ну как, собрались? Готовы?

– Готовы, – дружно отозвались молодые.

– Тады усаживайтесь.

Пётр с Шурой уселись в повозке позади Тимофея на душистое, добротно настеленное сено. То ли от того, что сын так скоро уезжал, то ли от мужниных слов у матери сами по себе из глаз потекли слёзы. Утирая мокроту передником, она заспешила к телеге, протягивая гостинцы:

– Петя, возьми, сгодятся.

Мартын, так звали Тимофея Мартыновича в посёлке, поёрзав на подстилке, устроился удобней, взял в руки вожжи, и, тыркнув кнутовищем в круп лошади, тронул с места. Матрёна опять приложила кончик платка к глазам, часто заморгав, прощально взмахнула вслед рукой.

Молодой конь, отфыркиваясь, бодро бежал против жестковатого ветра. Телега мягко катилась по песчаной колее, рисуя за собой следы от деревянных колёс. Вскоре остались позади деревенские хаты с огородами, сады, потонувшие в разноцветье ещё не совсем облетевших от заморозков листьев калины да полудиких груш.

Трясаясь на ухабах и ямках, все сидели молча. Петя, сглаживая длительные паузы, иногда заводил с отцом разговоры о хозяйстве. Шура не вмешивалась, думая о чём-то своем. Побыв в доме родителей Петра, девушка словно забрела в иной мир, где взрослые могли решать судьбы других. Лишённая поддержки отца, Шура чувствовала в Петре надёжную опору. Она представляла, что рядом с ним сможет разделить общее счастье, и даже горе, если оно встретится на их пути.

Её мысли прервал окрик:

– Тпр...р...р....у...

Натянув вожжи и осадив жеребца, Тимофей Мартынович виновато сказал:

– Усё, дальше ни паеду, вы сами як-нибудь добярётесь. Конюх сказав засвятло паставить коня у канюшню.

– И на том спасибо! – от души поблагодарили его Пётр и Шура.

Прихватив с собой зареченские гостинцы, не мешкая, пошли более короткой дорогой через Погореловский посёлок.

Вернулись в Валуец уже под покровом ночи.

Девушку встретила хозяйка с письмом в руках. Оно пришло из Пукосино. Распечатав его, Шура увидела знакомый корявый почерк мамы. «Здравствуй, дорогая дочка, – писала она. – В первых строках своего письма сообщая, что мы живы, здоровы и кланяемся тебе...». После приветствия и приветов, передаваемых от сестры, братьев и родственников, она написала о делах в доме, на огороде, об урожае. В конце письма угадывалась скрытая обида на дочь, что она целый месяц не пишет, не приезжает...

Шура беспокойно заходила по комнате.

– Что тама, у письме-то? – вкрадчиво спросила хозяйка, видя волнение девушки. – Не случилось ли чаго?

– Нет. Ничего не случилось. Просто мама хочет, чтобы я приехала. Скучает. А у меня только один выходной, а до Пукосино не так близко.

С горечью в голосе девушка продолжила:

– Я тоже скучаю по братьям, сестре, ведь впервые уехала из дома так далеко, не считая учебы в педучилище.

Но там я могла уехать домой на два дня, а здесь как уедешь? – задала она сама себе вопрос.

– А ты параньши из школы в субботу отпросись у директора, мужик он хороший, поймёт тебя, – а к ночи будешь дома, – посоветовала хозяйка.

– А так можно?

– А пачаму жа нельзя? – вопросом на вопрос ответила женщина. Со знанием дела подытожила, – мы уси живые люди, значить, усё можна.

У Шуры как-то сразу потеплело на душе. Прижав письмо к груди, она пошла в свою комнату, пожелав хозяйке спокойной ночи.

На следующий день, встретив Петра перед уроками в школьном коридоре, она рассказала ему о письме, а после занятий он предложил проводить её до Пукосино, а заодно познакомиться с её родственниками.

– Вдвоём нам будет веселей, да и я не хочу оставаться тут один, без тебя, – добавил он тихо...

Немного посомневавшись, она согласилась.

Погода на неделе нередко менялась. С утра то перепадал мелкий дождик, сменяемый временами тёплым солнечным сиянием, то небо заволакивалось рыхлыми белыми облаками, лишь на мгновение расчищаясь порывами ветра. И тогда из-за раздвинутых туч показывалась ясная осенняя лазурь. Птиц почти не было слышно. Многие улетели в тёплые края, а оставшиеся промышляли на полях, нагуливая жирок на зимовку.

Опавшие с деревьев листья лежали на земле пёстрым ковром, изредка оживая от порывов ветра. Молодая поросль белоствольных прелестниц была щедро осыпана

червонным золотом. Берёзки, словно магнит, притягивали взгляд яркими вспышками от лучей солнца. Они пробивались сквозь облака, скользя среди сетки тонких веточек, омытых осенними дождями.

Шура и Пётр подолгу гуляли тихими тёмными вечерами. Уединяясь, не могли наговориться, любили смотреть на звёзды и загадывать желания, видя, как они, падая, быстро сгорают. Мечтали о совместной жизни, наслаждались бесшумными, бескрайними ночами, вдыхая прохладные осенние ароматы, в которых тонкими струйками проявлялась терпкость жнивья на остывших от летнего зноя полях.

– Петя, мне хочется держать тебя за руку, веришь? – говорила ему Шура. – Держаться за руки – это... это так приятно, что нельзя объяснить словами. Хочется до боли соединить их, ощущая наше единство, чтобы не было различия между мною и тобой, а мы – были одно целое, – шептала она.

– Согласен со всем, что ты говоришь, – откликнулся Пётр и добавил: – Надеюсь, пройдут годы, а мы всегда будем держаться за руки, это не станет просто нашей привычкой, а будет для нас необходимостью. Верно?

– Я тоже хотела бы находиться с тобой, вот так, целую вечность, – призналась девушка в своих чувствах к Петру – даже стоять и молчать... Для такой ночи слов не надо. Только небо и звёзды, только ты и я...

Растрогавшись её признанием, Пётр, не дав договорить Шуре, низким, глухим голосом повторил:

– Ты и я... – и Шура не поняла, как оказалась в его объятиях. Сердце девушки бешено затрепетало. Переполненная счастьем, она подняла вверх руки и с нежностью обняла Петра, их губы сами нашли друг друга...

Молодые люди надеялись, что сумели сберечь тайну любви, не выставляя своих отношений напоказ, но, как это бывает в деревне, вся школа, всё село только и говорили об их скорой свадьбе...

Собираясь к Шуриной родне, молодые люди купили гостинцев для её младших братьев и сестры. Весь аванс истратили на пряники, конфеты, карандаши и тетради. Впрочем, чем ближе был день отъезда, тем больше сомневалась Шура. Правильно ли она поступает, не слишком ли торопится знакомить Петра с семьёй?

Вскоре неделя подошла к концу. В субботу Пётр, взяв вещмешок с приготовленными подарками, зашёл за Шурой, и они отправились в Пукосино. Накапывал дождик, по небу редкой вереницей плыли кучерявые, отяжелевшие от осенней влаги облака, готовые вот-вот пролиться холодным душем.

Дорога обоим была знакома. На перекладных благополучно доехали до Первомайского посёлка. Перебравшись через реку Судость, вскоре оказались в Баклани, а потом и в Лапино. Все селения на их пути походили друг на друга и даже напоминали Валуец. Такие же дорожные колеи из растёртого в пыль песка и старики, устало сидевшие на завалинках своих домов.

Ещё немного, и вдали замаячило Пукосино. На подходе к нему от Лапино широко открывались дали. Внизу виднелась говорливая полевая речушка Адарка, извилисто убегавшая к горизонту. Её берега обрамляли заросли низкорослого кустарника. На лугах вдоль реки, на молодой отаве, паслось разномастное стадо коров. Дождик посте-

пенно стих. Сразу же в необычно тёплых для этого времени потоках воздуха зароилась не успевшая впасть в зимнюю спячку мошकारа.

Тропка, по которой шли Пётр и Шура, еле слышно напевала свою песню, сложенную из шороха шагов и скрипа мелких камешков под башмаками. Во все стороны от посёлка тянулись клеверные холмы, зеленела под сероватым небом молодая озимь. Деревни почти не было видно. Она пряталась в плавной низине и на едва заметном взгорке, изредка выдавая себя маячившим двором или хатой среди макушек тополей или раkit.

Бурую соломенную шапку родной крыши Шура увидела ещё издали:

– Смотри, смотри, вон туда, – обратилась она к Петру, стоя над спуском к деревне и показывая рукой, – это наш дом.

Он пристально всматривался в даль, пытаясь разглядеть нужное подворье.

Совсем некстати тёплое солнечное сияние вновь сменилось морозящим мелким дождиком. Всю дорогу, пока Шура и Петя добирались из Валуйца, погода несколько раз менялась. Небо часто заволакивалось рыхлыми белыми облаками, а если вдруг местами расчищалось на короткое время, то из-за раздвинутых туч показывалась бездонная высь. Низкое солнце почти не грело, а только блестело, красиво рисуясь на небосклоне.

Сбежав с горки, пошли к деревне по дорожке, которая петляла среди молоденького осинника и голого березняка, насквозь сверкавшего корой, в их зарослях, тихонько шевеля, ветер гнал опавшие пожухлые листья.

Заприметив юные берёзки, Петя остановился, задумчиво провёл ладонью по нежной коре одной из них:

– Шура, смотри! Молодо-зелено, а кроны уже какие ветвистые! Из белоствольных подростков вырастут стройные деревья, их гибкие ветви, думаю, будут опускаться до самой земли.

Помолчав, спросил:

– У вашего дома в Пукосино есть берёзы?

– Так их в лесу много! Рядом с нашей хатой красуются яблони, груши, – ответила Шура.

– А в Заречье, ты же видела, вдоль улицы растут берёзы, клёны, вербы... Мой отец этой весной опять принёс из лесу берёзки, правда, высадил их в этот раз для красоты на колхозном дворе.

Покинув березнячок с осинником, Петя предложил:

– Шура, давай посадим в Пукосино две берёзки, это будем мы с тобой.

– Я не против, – согласилась девушка.

На подходе к дому по улице стали встречаться односельчане. Приветствуя Шуру и Петра, они кланялись, заинтересованно спрашивали, с кем она идёт? Вначале та отшучивалась, но ближе к дому запереживала. Её состояние незаметно передалось Петру.

В небольшом смятении подошли к подворью Максименко Ивана, поднялись на крыльцо из трёх ступенек. Обмахнув веником дорожную осеннюю грязь, толкнули входную дверь. Услышав шум у порога, навстречу вышла Ольга Михайловна – мама Шуры. От неожиданности, всплеснув руками, затараторила:

– Шура, это ты?! Ой, я прямо обмёрла! Думаю, кто это можа быть! Ай, соседка зачем иде.

Она стала бегать то вперед, то назад, суется и шаркая обутыми галошами.

– Я письмо тебе послала, а ответ мяни не пришёв. А ты вот сама сягодня приишла. Да гляжу, не одна вовсе, – заговорила она скороговоркой.

– Да, я, как только получила твоё письмо, так сразу же засобиралась сюда, – немного дрожащим голосом начала Шура. – Мама, это Пётр. Он работает со мной в школе, преподаёт историю и географию, – чуть-чуть помедлив, добавила:

– Он зовёт меня замуж.

Мать оторопело остановила взгляд на дочери. Не до конца осознав, о чём это она, сказала:

– Ну что ж, заходите у хату, снимайте одёжу да располагайтесь, а потом поговóрим. У мяни тута беспорядок, ну ничего, проходите. Поди, устали с дароги-то, – продолжила Ольга Михайловна, сразу поняв причину молчания дочери в течение месяца.

Вскоре пришли Андрей и Нина. Сестрёнка, увидев старшую сестру с незнакомцем, потупясь, остановилась в дверях, а потом вовсе спряталась за мамин подол. Шура кинулась к ним, по очереди обнимая и тормоша. Но девятилетний Андрей чурался ласк старшей сестры. Широколобый, с густыми смольными волосами, неуступчивым характером, он был точной копией отца, сгинувшего на Финской войне. Мальчик явно чувствовал себя взрослым мужчиной, которому не подобает принимать телячьи нежности. Пятилетняя Нина, напряжённо морща носик с конопушками, сбегавшими на щёчки, выглядывая из-за матери, смотрелась худеньким растеньицем с непропорционально длинными руками и ногами. Лицом была бела, как первый

снег, глаза зелёные, что в лесной заводи вода, и волосы не черные, как у Шуры, а светло-русые. Поговаривали, что схожестью она напоминала бабку по отцовской породе. Спущенные носочки на тоненьких ножках добавляли ей вид ребёнка, недобравшего материнской ласки. Да и где её было взять, эту материнскую ласку, в большой семье? Под конец войны, в марте 1940 года, горячими слезами встретила Ольга известие о гибели мужа. Долго не могла поверить, что осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Только Шура была из них старшей и училась в педучилище, а остальные – мал мала меньше.

Немного успокоившись после приветствий, Петя вместе с Шурой стали выкладывать из вещмешка и раздавать гостинцы.

– А где же Коля? – спросила Шура у матери.

– Да, гдей-то с хлопчиками на улице бегае. Приде скоро. Он управивси по хозяйству, нехай тяперя отдохне.

Крепкая, невысокая ростом, Ольга Михайловна стояла в выцветшей косоворотке. Из-под длинной юбки виднелись сапоги с отрезанными голенищами. Худощавое лицо уже начинало покрываться мелкими морщинками, а серые, ещё не утратившие блеска вдовьи глаза были ясными. Сложив на животе руки, как делали многие её сверстницы, и остановившись у печки, она наблюдала за всей возней и суматохой, приглядываясь к Петру. Приезд «жениха», пусть даже такого рослого, красивого, был ей совсем некстати.

Мысли матери неспешно совершали привычный хозяйственный круг. Её помощница, только начав «вставать на ноги», собирается уходить, чтобы жить своей семьёй. Она хотела этого для своей дочери, но не сейчас, когда остальные дети ещё так малы.

Отгоняя от себя недобрые предчувствия, Ольга сказала:

– Дочь, подмогни на стол собрать. Повечеряем. Разно-
солов у мяни нема, сама знаишь, что ёсть, то и подадим.
Вот сягодні ляпёшки спякла из обдирной муки, найдем
ящё чаго-нибудь. А ты, Пятро, – обратилась она к парню, –
разожги лампу, а то зовсим тьмно за вокнами, скоро друг
друга не убачим в тьмноте.

Шура стала помогать матери. Вытащила из печки
сальные, чёрные от сажи чугушки с картошкой и кашей, а
Ольга Михайловна пошла в погреб за солёными огурцами.

Пётр взял спички, привычно зажёг фитиль керосино-
вой лампы, стоявшей на деревянном столе. Как только над
конусообразным стеклом появились лёгкие струйки чёрно-
го дыма, он прекратил выкручивать фитиль, чтобы не было
копоти, и повесил её на железный крюк, свисавший с по-
толка над головой. Теперь большую комнату, она же была
и прихожей, и спальней, и кухней, освещал блёклый, сон-
ный свет. Ровно, чуть слышно позванивал и потрескивал в
ней выгорающий керосин.

Осмотревшись, увидел в простенке между окнами
громоздкий комод, на нём лежало зеркальце, гребень да
стопка книг. В углу одиноко приютилась прялка с белым,
пушистым облаком кудели, постиранной и просушенной
овечьей шерсти, зажатой между деревянной рогатиной.
Рядом, на табуретке, лежал сшитый вручную коврик, что-
бы удобнее было сидеть. Большое место у стены занимал
деревянный диван с высокой спинкой. Кругом были сал-
фетки. На них узорчатыми завитками распускались лазо-
ревые ирисы, весёлые ромашки с золотистыми серединка-
ми, расправляли крылья фантастические птицы с яркими

перьями. На черневшейся в углу старинной иконе, на портретах, развешанных на стене у дивана, красовались полотенца из отбелённой холстины. Они были украшены не только вышивкой, но и тонкими кружевами. Такое убранство придавало помещению нарядный вид.

– Это кто ж у вас такой рукодельник?! – восхитился Пётр, глядя на Шуру.

Девушка смутилась.

– Ето Шура усё вышила, – вмешался в разговор Андрей, – и вот, и вот, – показывал он рукой то на подушки, лежавшие на диване, то на расшитый рушник в святом углу над иконой, то на накидку или оконную занавеску. – Ето усё Шура!

Присев на деревянный коник, Пётр подозвал к себе стоявших поодаль Нину и Андрея. Дети теперь без опаски уселись рядом. Вскоре пришёл и тринадцатилетний Коля. После знакомства с Петром он настороженно вслушивался в разговоры взрослых, колготившихся по дому, вёл себя сдержанно, не доверяя чужаку. Чтобы расположить брата к Петру, Шура сказала:

– Вот тут меня всё хвалили за вышивки, а настоящий помощник в доме – это Николай. Он у нас мастер. Всё может сладить, отремонтировать, весь в отца да в деда пошёл. Теперь себе в помощники маленького Андрея берёт. Верно я говорю, мама? – повернувшись в сторону Ольги Михайловны, спросила Шура.

– Да, дочка, твоя правда. Ето ён сделав мяне валёк, да такой, что ни у кого у дярэвни такого ладного нету. И талкушка яго для картошки хараша, одно загляденье. А на днях прялку пачинив, вона стаить, красавица, дожидается мяни, – откликнулась женщина.

Коля от такой похвалы залился краской. Степенно пригладил растопыренной пятернёй непокорный чуб, пряча в бездонных карманах широких штанов обветренные, покрытые цыпками руки, по-хозяйски подсел на край лавки. Широкий в плечах, коренастый крепыш, с потрескавшимися губами, ясным чистым взглядом карих глаз, он выглядел старше своих лет. Уже сейчас в нём просматривалась удаль трудяги, знающего себе цену.

Вскоре Ольга Михайловна позвала всех снедать. Немалой семьёй, плотно усевшись за накрытый к ужину стол, поговорили о деревенских новостях, о надвигавшейся зиме. Будущая тёща осторожничала, приглядывалась к Петру, старалась не говорить о замужестве дочери, больше расспрашивала его об отце, матери, сёстрах, о том, как они восприняли новость о женитьбе. Дети, слушая взрослые разговоры, в основном молчали, лишь изредка толкая друг друга под столом ногами, не поделив кусок хлеба или солёный огурец.

В конце ужина, вопреки ожиданиям Ольги, Пётр и Шура, не сговариваясь, сообщили, что на Покров, 14 октября, в субботу, пойдут в сельсовет расписываться. Мать опять забеспокоилась:

– Ой, я ё!!! Жанитца ряшили! А не ровён час война зайде у хату, што патом? – всхлипнула она. – Я вот потеряла кормилица, осталась вдóвой. Не дай Бог, и у вас така судьба буде. Ой, я ё! – опять запричитала она. – Погуляли бы ящё, поболе побачили бы друг друга. Вона, каки событья идуть.

Ольга Михайловна ещё что-то говорила, хотя понимала, что всё напрасно. Дочь её не слушает, хотя она выросла хорошей хозяйкой, всё по дому умеет делать: и

шить, и вышивать, и вязать, и косить, и хлеб печь, недаром, знать, Петру приглянулась. По его жарким взглядам мать догадывалась, что её Шура очень нравится ему, так же, как когда-то она нравилась Ивану.

– А ты, Пётр Тимахвеич, – обратилась она к парню по имени-отчеству, – пади, ящё в армии не служив. Уйдешь, а жонка одна останется? Да?

Понимая материнскую тревогу, он старался успокоить её, хотя у самого были мысли, которые не давали покоя.

– Ольга Михайловна, чему быть, того не миновать. Если всего бояться, то тогда и жить не стоит. Всё наперёд не просчитаешь.

– Гляди, Пятро! Я, видно, тебе с дочкой не советчик. Попробуй только обидь Шурку! Не одобровать тебе, – перейдя на шутливый тон, пригрозила будущая тёща.

Убрав со стола остатки еды и аккуратно подобрав тряпкой хлебные крошки, она показала железную кровать со взбитой периной, где предстояло спать Петру. Сыновей определила на едва тёплую печку, дополнительно подкинув туда ещё одну дерюжку, чтоб было не хрустко лежать. Шуре с Ниной выделила место на диване, а сама решила постелить себе на сундуке, скрытым за небольшой ситцевой занавеской.

Через некоторое время женщины, пошептавшись, уединились в углу хаты, а Петя вышел в сад подышать вечерним воздухом. Всё шло не так гладко, как хотелось бы. Ни в Заречье, ни в Пукосино не услышали молодые родительского благословения. Грустные мысли, казалось, передались даже осеннему вечеру. Стал накрапывать нудный дождик, в котором ощущалось какое-то осеннее увядание. Он уже не звенел

своими падающими каплями, как летом, а больше баюкал что-то усыпительное, словно кто-то едва заметно шевелился в кустах, трогая мягкой лапкой пожухлую траву, лаская продрогшие тропинки вдоль палисадника.

Петя любил слушать мерный шелест дождя, его завораживающие звуки – от лёгкого стука в оконные стёкла и глухого шлёпанья по соломенной крыше – до напряженного гула, когда он льёт сплошной стеной. Только сегодня шум барабанищих капель беспокоил его ожиданием неизвестного.

Таинственным ему представлялся и ночной сад, едва угадывавшийся в темноте. Ветви продрогших яблонь отражали падающий из окон свет, густыми тенями ложась на мокрую землю... От крыши деревянной веранды отлетали капли воды, они холодной росой падали на одежду, руки. Становилось зябко. Было бы совсем кстати, чтобы дождь закончился так же скоро, как и начался. Петя поднял воротник пиджака, пытаясь согреться...

Было уже поздно. Оглянувшись на маленькие окна – эти золотые глаза дома, мерцавшие отражённым светом керосиновой лампы, – захотел в тепло. Приглушённо звякнув клямкой на тяжёлой двери, он вернулся в хату, где веяло тишиной и уютом.

Мать и дочь он застал у большого раскрытого сундука, украшенного коваными уголками и фигурными ручками. Ольга Михайловна сидела на табурете, в переднике, в цветастом платочке, повязанном сзади на шее, держа на коленях небольшую горку какой-то ткани, а Шура, что-то рассматривая, стояла рядом. Как потом оказалось, они перебирали сложенное приданое: рушники и столешники-

скатерти, настилальники-простыни и наволочки, рубашки, вышитые гладью на груди и подоле, кружевные салфетки, расшитое роскошное домотканое бабушкино покрывало.

За добром у женщин был особый уход: его каждое лето просушивали, проветривали, чтобы не залёживалось, а на дно сундука укладывали сушёные корешки бузины. При виде вошедшего женщины удивлённо, даже немного испуганно взглянули на него, словно он застал их за весьма щекотливым занятием.

Пацаны, набегавшись за день, спали. Чтобы не тревожить их, не смущать женщин своим присутствием, Пётр, шёпотом пожелав всем спокойной ночи, лёг отдыхать.

Наутро он проснулся от необыкновенной тишины. Кругом стояло какое-то оглушительное беззвучие. Рассвет только-только начинал брезжить жидким неоновым светом в оконные стёкла, промытые вчерашним дождём. Напрягая слух, уловил лёгкую возню и шуршание мух, прятавшихся на зимовку в расщелинах потолка. Ольги Михайловны в доме уже не было. Как всякая мать, да ещё оставшаяся вдовой с четырьмя детьми, она не жалела себя, отгораживая малых детей от непосильного труда. По привычной для вдовьей доли судьбе, она не чуралась мужской работы: косила, пилила, могла отремонтировать покосившийся забор, ловко прибить отвалившуюся жердину...

Пётр, хрустнув ржавыми пружинами кровати, осторожно встал. Оглядевшись, увидел, что все остальные домочадцы ещё спят. Решил одеться и выйти во двор. Утро начиналось для него необычно, он впервые ночевал с Шурой под одной крышей, отчего в душе разливалась приятная нега. Соблазн увидеть свою любимую поутру был ве-

лик. Ступая босыми ногами, подошел к дивану, где, поверх одеяла, обняв младшую сестру, спала Шура. Очарованный увиденным, он несколько минут стоял, любясь её вздрагивающими во сне ресницами, не в силах отвести глаз от разнеженного сном спокойного лица девушки, от размётанных по подушке расплетённых кос... Теплая волна любви с новой силой окатила его с ног до головы. Промелькнула мысль: – «Она моя. Я никому её не отдам».

Так начался его второй день в Пукосино. Заправив постель и накрыв её покрывалом, он с неохотой посеменил к конику. Одевшись, вышел во двор, где встретил Ольгу Михайловну. Укутанная в тёплый полушалок, в кротовой старой плюшке, она выглядела озабоченной. На её ногах просторно возвышались голенищами кирзовые, явно большого размера, сапоги.

– Табе што не спится на новом месте? – спросила она, увидев Петра.

– Спится! Всё хорошо. Просто я привык рано вставать. Может, чем помочь, Ольга Михайловна?

– Подмогни, – помолчав, ответила та, видно не ожидавшая такого вопроса, – дверь с пятли слятела, не могу сама повесить. Сил не хватая. – Вздохнув, добавила, – можа, дров наколешь из кругляков? – А то скоро халада зайдут. Каждое палено будя на счату. Дровы у нас тяперя на вес золота. Печь таплю ими только када «ставлю хлебушек», чтобы ён пропёкси... У другие дни – тарфóм да кизяком таплю...

– Конечно, конечно... я всё сделаю, только покажите, где взять топор и куда сложить дровишки, – уважительно произнёс Петя и продолжил, – я у себя в Заречье не только

готовые кругляки колол. С отцом в лесу дубы не раз валили, распиливали их и привозили к дому.

– На тебе тапор, поработай тяперь и у мяни! А я пагляжу, який ты хлопец, – подавая Петру колун, снисходительно проговорила Ольга. – Дрова патом уси прибяри у сарай, – уходя со двора, добавила она.

Рассвет постепенно разгорался над селом. После вчерашнего дождя вокруг было сыро. От покосившегося чурбана, на котором рубили дрова, а то и головы петухам, пахло паутиной и трухлявой замшелостью. На тонких голых ветках кустов, тихо покачиваясь хрустальными бусинками, висели капли воды. Кругом стояло то утреннее затишье, от которого не чувствовалось даже воздуха.

Поплевав по привычке на ладони, чтобы топориче не скользило в руках, Петя размахнулся, вбивая колун в кругляк, втайне надеясь получить благосклонность Ольги Михайловны за исполненную просьбу. Движения его были точны и уверенны. От этой удалой работы белые на срезх поленья разлетались с треском в стороны, засыпая вокруг землю. Выскочившая из курятника курица, испугавшись упавшего полена, метнулась к забору, выпустив из-под крыла несколько лёгких пушинок и, зыркнув красным глазом на незнакомца, принялась сердито кудахтать.

Когда лоб Петра густо покрылся бисеринками пота, на пороге незатейливого крылечка появилась Шура. Она заметно отличалась от той Александры Ивановны – учителя Валуецкой школы.

С высоты ступенек, поглядывая на него сверху вниз, девушка шутливо скомандовала:

– Пётр Тимофеевич, пора снедать! Хватит работать! А то и умереть с голода можно!

В простеньком сером платье, чуть прикрывавшем её колени, кокетливо упершись кулачками в талию, она казалась по-домашнему мягкой и очень желанной.

Пётр от неожиданной привлекательности девушки даже немного опешил, не сразу поняв, что от него хотят. Глядя на Шуру, он на миг замер, опустив руку с топором.

– Петя, что ты стоишь?! Мой руки да иди в дом! – сверкая белозубой улыбкой, приказала Шура.

– Я сейчас! – откликнулся Петя.

– Буду ждать!

Игриво тряхнув косами, девушка скрылась в дверном проёме сенец.

Отворив хлипкие ворота сарайчика, Пётр сложил там дрова и направился в хату сквозь беззвучно кружившуюся в воздухе сырую пыль от вчерашнего дождя. В горнице уже всё блестело чистотой, посередине стола на деревянном кружке румянилась стопка свежеиспечённых толстых блинов, чуть поодаль исходила тёплым паром толчёная картошка с подсолнечным маслом, к пшённой каше была приготовлена грибная подлива. Окружив стол, большая семья Максименко и их гость из Заречья не спеша стали завтракать...

За разговорами время пролетело незаметно. Перед возвращением в Валуец Шура решила показать Петру деревню, а заодно сходить с ним за саженцами берёзок. Ольга Михайловна тоже одобрила посадку деревьев у калитки дома, так думая про себя, – нехай сажают. Хужее не будя. Уеда дочь из дому, хучь берёзки останутся.

Небо приветливо наливалось синевой, погода разгуливалась, день обещал быть сухим. За саженцами пошли ко-

ротким путем, по еле заметной среди кустов, заглохшей от травы дороге, про которую знали только пукосинцы.

Наверное, нет ничего прекраснее того уголка, где человек родился. Шуре тоже свой посёлок, с его окрестностями, был самым милым и дорогим. В Пукосино она знала каждую тропку, ложбинку, овражек и хотела показать Петру сразу, как можно больше, обожаемых ею мест: выгон, что раскинулся выгоревшим осенним ковром за их подворьем, куда она с детства ходила в полдник доить коров; овражки, где наравне с матерью косила траву для скотины; пруд, в котором с подружками спасалась от летней жары; огненные ряды клёнов вдоль дороги, а ещё широкие низины с густым разнотравьем, с ягодами и уймой кислого щавеля в летнее время.

Пётр любовался округой, охотно соглашался смотреть то, что она предлагала, заодно слушая местные поверья и легенды, связанные с родным краем девушки.

Незаметно дошли до подлеска, где самосевками росли молоденькие берёзки. Аккуратно выкопанные деревца принесли к дому и сразу же посадили у забора, справа от калитки. Привязали нежные стволы к вбитым в землю дубовым кольям, заботливо огородили ветками из упругих сучьев, защищая от домашнего скота и зимних заносов...

Время неумолимо бежало вперёд, пора было возвращаться. Прежде чем отпустить молодых в дорогу, Ольга Михайловна накормила их, собрала гостинцы: налила стеклянную литровую бутылку молока, положила в чистый тканевый узелок несколько подовых лепёшек. Прощаясь, просила быть осторожными в пути, приезжать в Пукосино, чаще писать письма.

Проводы были недолги. Все вместе вышли за порог, сказали друг другу до свидания. Расстались без слёз и обниманий.

На большаке Шура с Петей надеялись встретить случайную попутную подводу. Ожидая её появления, Пётр изредка оборачивался, всматриваясь в даль, где синело скучное облачное небо. Накануне оно, пролившись дождём, раскиселило дорогу. Вскоре им повезло. Из-за стены деревьев у поворота увидели контуры понурой лошади с опущенной головой и съёжившегося мужика, уныло сидевшего на телеге. Когда неспешная повозка поравнялась с путниками, Шура узнала в нём земляка.

Это был дед Фёдор из соседней деревни, сутулый мужичонка низенького роста. Костистый подбородок на мелком лице и небольшие бесцветные глазки придавали ему вид постаревшего подростка. После небольших приветствий он усадил молодых людей к себе на повозку, подстелив им для мягкости немного соломы, выдернув клочок из-под драной телогрейки, на которой сидел сам. Натужно скрипя, переваливая с горки на горку мимо полей и изб, пахнувшая дёгтем телега довезла их до Баклани. Оттуда, ещё засветло, Пётр и Шура добрались пешком до Валуйца.

...Долгая дорога, знакомства, новые впечатления лишь обострили жажду взаимных встреч, желание Шуры и Петра быть вместе. Зрелое дыхание уходящей разноликой осени неуловимо вселяло в них уверенность в полной расположенности, в доверительной отзывчивости друг к другу. Они окончательно решили устроить небольшую свадьбу, но сбыться этому было не суждено...

Петру пришла повестка из военкомата. 11 октября 1940 года его призывали в армию.

Боль учит любви

В последние дни перед проводами Пети, переживая предстоящую разлуку, Шура не могла сосредоточиться на подготовке к урокам. Делала всё машинально, словно во сне. Вечерами молодые люди долго не могли расстаться. Им хотелось каждую минуту быть вместе, прикасаться друг к другу, смотреть в глаза, не прекращая целоваться, наслаждаясь общением.

Накануне отправки Петя зашёл к Шуре на квартиру, чтобы как всегда пойти с ней на прогулку. Хозяйка дома ещё утром уехала на несколько дней к родственникам в Ширяёвку. Молодые люди впервые оказались в доме наедине. Смущаясь, решили никуда не ходить. Шура приготовила ужин. От глаз девушки, от её улыбки Петру веяло чем-то родным. Еле теплившийся свет лампочки, перемешанный с сумраком осеннего вечера, делал комнату тихой и ласковой.

За несколько мучительных дней перед расставанием Шура не раз задумывалась, что в её жизни должна быть хотя бы одна ночь, которую втайне любая девушка мечтает встретить с любимым человеком и которая запоминается навсегда. Об этом она читала в романах. Всем своим юным существом чувствовала – этот момент настал, его нельзя упустить. Шура знала девчат, не сумевших сохранить хрупкое равновесие между словами «хочу» и «не надо», созданное из весны и света, луны и сумерек...

Залитое лунным светом окно, среди огромного количества таких же, глубоким поздним вечером в этот раз дышало таинственной жизнью... Рука Пети коснулась тонкого запястья Шуры. Они смотрели друг на друга.

– Ты дрожишь? – шёпотом спросил он.

Ответа не было.

– Можно, я останусь с тобой...

Вместо ответа их губы стали искать друг друга. Предчувствие... Надежда... Волнующая радость... заслоняли благоразумие. А вдруг надсмеется, а потом забудет? Разум говорил ей: нельзя, опасно, – а в счастливом сердце разливался томный свет любви...

В какой-то момент юная страсть закипела, опалила жаром, когда Шура услышала, с какой нежностью Петя произносит её имя. Запрокинутое лицо утонуло в чувственных поцелуях, не было сил сопротивляться или о чём-либо думать. Шура сходила с ума от прикосновений его губ, то легких и нежных, то грубых и страстных, утопая в минутах блаженства. Сердце девушки трепетало, хотя страх наполнял всю изнутри, она старалась не показывать его. Петя, не отрываясь от Шуриных губ, сильными руками приподнял её и тихо уложил на кровать... Ему понравилось, что любимая даже не заметила этого, а только крепче обвила своими руками его шею. Шура была тёплой и податливой. Нежные, ласковые прикосновения дарили им невероятное наслаждение... Любовь лёгким дыханием коснулась, заполнив своим светлым теплом каждую клеточку их тел, всё, что было вокруг...

Ранним утром Шура осторожно открыла глаза, несколько раз моргнув, пробудилась ото сна. Под тёплым одеялом её тело было настолько сильно прижато к Петру, что они казались единым целым. Лунный свет за окном давно померк, наверное, ночное солнышко покатилося встречать утро. Всё, что их окружало: люди в соседних домах, дороги, убегающие

вдаль, убранные хлебные поля в росистой стерне – ещё спало крепким сном... Даже звёзды, поблекшие в утренней небесной выси, казалось, застыли в мягкой полудрёме...

Склонившись над спящим Петром, Шура нежно поцеловала его, тихонько положила свою голову ему на грудь. Ей хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно... Не имело значения, сколько сейчас было времени, она не могла нарушить этот чарующий миг.

Пётр открыл глаза. Поцеловав её волосы, прошептал:

– Как же приятно так просыпаться!

– Да, – еле слышно откликнулась Шура.

Обнявшись, они молча лежали, слушая тишину, наблюдали, как синеет за окном рассвет, как у самого края неба мутнеет красный серп месяца, поникший почти до горизонта, как зарождается новый день их совместной жизни. Каждый из них думал, что эта ночь будет навсегда их тайной и общим секретом.

– Наверное, пора вставать, – прервала молчание Шура.

– Да, – вздохнул Пётр, целуя её плечо, голову...

– Занятий у меня нет. Попрощаюсь со всеми и поеду в военкомат. Ты поедешь со мной, ведь мы с тобой теперь муж и жена! Правда?

– Конечно! – ласково ответила она. – Я договорилась, завуч заменит меня на уроках литературы. Хорошо, что ты загодя попрощался с родителями и отвёз к ним свои вещи.

Шура села на край кровати и принялась заплетать косы. Закончив, откинула их на спину, погладила прохладные руки от плеч до локтей. Мысли о скорой разлуке вновь заставили сжаться девичье сердце, по щекам, медленно скользя, показались неутешные слезы. Чувствуя настроение любимой,

Петя, уловив момент, приподнявшись, заключил в объятия, покрывая мокрое лицо горячими поцелуями...

В этот день вся школа во главе с директором провожала Петра Тимофеевича в армию. В Валуйце проводы сопровождались застольем с самогоном, пением песен под гармошку, причитаниями и голосьбой баб. Несмотря на деревенскую бедноту, изменять местным традициям не стали. Учителя принесли из дома всего понемногу: нарезанной капусты, сдобренной подсолнечным маслом, печёной картошки, солёных огурцов, осенних груш, яблок, янтарных, уже просолившихся бочковых помидоров, а кто-то не пожалел кусочек сала из прошлогодних запасов. Получилось скромно, но празднично. Не было только обилия самогона, он как-то совсем не вписывался на школьном столе.

Коллеги не скупилась на пожелания, старшеклассники – на стихи и обещания хорошо учиться. Односельчане просили возвращаться после службы только в Валуйцы. Каждый хотел обняться с учителем, пожать на прощанье руку. Шура, глядя на суматоху, царившую вокруг, думала только о расставании с любимым. Лицо её было бледным, а под глазами проступила лёгкая синева.

Настало время уезжать на сборный пункт в Почеп. Председатель колхоза «Победа» расстарался и выделил по этому случаю единственную полуторку. Ухватившись за шаткий борт машины и опершись ногой на потёртое колесо, Петя легко запрыгнул в деревянный кузов. Шура последовала его примеру. В кабину к шофёру уселся агроном, чтобы доехать до райцентра. Под задорные крики валуйчан и непрерывный сигнал клаксона машина двинулась в путь.

Отъезжавшие долго смотрели, как им машут вслед. Только когда село скрылось за поворотом, молодые люди уселись на солому, настенную в кузове, прислонившись спинами к кабинке, обнялись. Под рокот старенького мотора, трясаясь на ухабах, ехали в Почеп. О чём тогда говорили, было не столь важно, главное – они были вместе, чувствовали стук своих влюблённых сердец, опалённых расставанием...

У военкомата царила кутерьма, беготня и толкучка. Призывники, провожающие, а то и просто любопытные горожане толпились во дворе. Одни из них, бессмысленно шатаясь, ходили взад-вперёд, другие – сидели прямо на земле под раскидистыми кустами с облетевшими листьями, прихлёбывая из деревянных плошек тюрю или молоко, а третьи – раскуривали самокрутки, затягиваясь и выпуская вздрагивающими ноздрями едкий дым. Поодаль стояли жёны призывников с малолетними детьми. В руках у них были приготовленные в дорогу узелки с провиантом для своих мужей.

Шура ничего этого не замечала, она держа Петю за руку, пробивалась вместе с ним к зданию военкомата, Протиснувшись в дверь, Пётр вошел, чтобы пройти регистрацию, а Шура осталась во дворе... Через некоторое время он вернулся к ней.

Ждать до отправления на вокзал пришлось недолго. Народ живой толпой вдруг зашевелился, расступаясь. На деревянный помост, сооружённый из свежих досок на небольшом возвышении над землёй, поднялось руководство района вместе с военными. Голоса на площади сразу стихли. Один из прибывших, мужчина в военной форме старше и солиднее остальных, вышел вперёд. Одёрнув гимнастер-

ку и широко, как на палубе корабля, расставив ноги, начал говорить новобранцам напутственную речь, отмечая сложную международную обстановку не только на наших западных границах, но и на Дальнем Востоке. За ним по очереди сказали своё слово все остальные.

Когда военком дал команду грузиться по машинам, многолюдная толпа всколыхнулась воем баб, провожавших мужей, словно на войну. Они женским природным нутром как будто чувствовали, что она была не за горами. Мужики, чтобы не сравняться с бабами, храбрились, сдерживались, борясь со слезами, подступавшими комом к горлу. Как могли, успокаивали их, обнимая вместе с детьми. Молодые парочки, не стесняясь окружающих, постоянно обнимались прилюдно, обещали писать письма...

Людская волна, перекатываясь от толпы к машине, нагнетала непреодолимое беспокойство. Минуты прощания Шуры и Петра летели так стремительно, что у них не было сил что-то говорить. Все слова были сказаны ещё вчера: о любви, о письмах, об ожидании. Не отрываясь, они смотрели глаза в глаза, полные тревожного волнения, запоминавшая взгляды друг друга на долгие дни, пока не будет встреч. Платок, давно съехавший на плечи Шуры, обнажал тёмные завитушки волос, не убранных в косы. Они приятно ласкали Петра, когда он, в последние минуты перед отъездом, целовал её лицо, щёки, руки...

Беспокойный голос военкома ещё раз повторил команду «на посадку». Вскоре машина, где был Пётр, фыркнув выхлопной трубой, тронулась с площади, увозя колыхавшееся в кузове очередное пополнение для Красной Армии.

Шура, сжав концы полушалка в кулачок, долго смотрела вслед уезжающим, напрасно отыскивая глазами Петра.

– Александра Ивановна, нам пора возвращаться, – тронул её за плечо агроном.

Шура, не говоря ни слова, машинально направилась к машине.

– Садитесь в кабину, – раздался у неё за спиной голос агронома, – скоро вечер, в кузове будет холодно.

Шура остановилась, словно не понимая, что от неё хотят.

– Александра Ивановна, на Вас лица нет! Не переживайте так. Отслужит Пётр Тимофеевич, обязательно вернётся. Помолчав, весело добавил, – справим вам всем колхозом свадьбу. Вот тогда погуляем!

Шура послушно поплелась вслед за ним к машине. Агроном забрался в кузов, а она, как во сне, дёрнув книзу железную ручку дверцы, открыла кабинку. Встав на ржавую, залатанную жестью подножку, уселась рядом с шофером. До самого Валуйца ехали молча, не проронив ни одного слова: каждый из них думал о своём.

По возвращении в село Шура погрузилась в работу, ожидая писем от Петра.

Даль одна на двоих

Пётр с призывниками Почепского района прибыл в Брянск. Сформированную команду новобранцев отправили по железной дороге в северо-восточном направлении.

Паровоз, дав прощальные гудки и помаячив последним общим вагоном, увёз армейское пополнение в неиз-

вестность. Она оказалась за тысячи километров от Валуйца: на Владимиро-Ольшанской военно-морской базе Тихоокеанского флота, в бухте Ольга, названной в честь княгини Киевской Руси.

Пётр был зачислен в отдельный стрелковый полк. В Приморье уже была зима. Барачные казармы, где размещались солдаты, продувало насквозь. Хотя печки топились в них круглосуточно, всё равно стёкла в маленьких окнах обмерзали плотным слоем льда, а поутру, от дыхания солдат, слезились потоками воды, стекающей по стенам, образуя мутные лужицы на полу. Приходилось спать не раздеваясь.

Во время двухдневного карантина значимым событием для новобранцев стало посещение бани и получение армейской формы. При входе в помывочную будущие красноармейцы с грустью отдавали привычную гражданскую одежду, а не успевшие постричься – расставались со своими шевелюрами. Оставшись нагишом, они голой толпой ввалились в моечное отделение, где их ждала горячая вода в деревянных шайках и хозяйственное мыло. Небольшая выгородка, приспособленная под парилку, соблазнительно манила горячим паром. Шумно плескаясь, новобранцы обливались из шаяк водой с головы до пят, получая наслаждение... Кругом стоял басовитый мужской гул, тонувший хриплым эхом в углах бани.

Тела, распарившись, готовы были теперь к любым преобразованиям. В предбаннике к окончанию мойки старшина и каптенармус подготовили новое обмундирование. По очереди, чистым и робким от наготы солдатам, старослужащие выдавали с нарочитой небрежностью бывалых красноармей-

цев нижнее бельё, гимнастёрку, брюки, портянки, шинель, шапку и валенки. Новобранцы с большой охотой надевали военную форму, как потом оказалось, на долгие годы... Молодое пополнение разом стало похоже друг на друга.

Собрав новичков в красном уголке, командиры распределили их по специальностям. Тех, кто имел кузнечные навыки, умение плотничать или чинить конскую сбрую, сёдла, заниматься портняжным делом, – отправили в хозяйственный взвод, а других назначили в подсобное хозяйство, чтобы снабжать армейскую часть мясом, молоком, рыбой.

Удалённость от «большой земли» мешала регулярно привозить продукты, поэтому военные жили на самообеспечении: содержали скот, выращивали овощи, ловили рыбу, охотились, экономно расходуя добытое и выращенное. Петра, имевшего педагогическое образование, определили учиться на связиста.

Потекли однообразные, да к тому же полуголодные, дни армейской службы. Солдат учили правильно наматывать портянки, быстро обуваться, заправлять гимнастёрки, носить военную форму, ходить с песнями строевым шагом. Изучали военные уставы, устройство оружия, совершали многокилометровые маршевые броски в сопки с полной выкладкой, сдавали нормативы по военным специальностям и зачётные стрельбы на полигоне. За день Пётр изматывался так, что стоило ему прикоснуться головой к тощей подушке, как он моментально засыпал.

Выбрав момент в круговерти армейской жизни, Петя, уединившись в дежурной каптёрке, написал три письма: домой, Шуре и в школу. Хотел, чтобы родные и коллеги

узнали: он жив, здоров, что у него всё хорошо. Край, где служит, очень красивый. Не утерпел, рассказал в своём послании о высоких сопках, по-деревенски – горах, стоящих повсюду, о крутых берегах, опоясывающих бухту, и бившихся о них волнах с пеной на гребнях у подножья хребта Сихотэ-Алиня. Короткими строчками поведал о строгой красоте Приморья, так непохожей на брянские раздолья, как постепенно втягивается в солдатский быт, что благополучно осваивает армейскую специальность. Переносимым трудностям в его письмах места не нашлось...

Послание Шуре оказалось длинным и подробным, между строчек которого Пётр намекал, что скучает по ней безмерно, без конца вспоминает все их встречи, ждёт от неё писем.

Времени на писанину потратил много. Выводя строчку за строчкой, он часто смотрел застывшим взглядом на побелённую известью стену, давно утратившую свою белизну. Мысли молодого человека путались под нахлынувшими воспоминаниями: вот он, босоногий, на покосе с отцом бежит по густой траве, сбивая ногами прохладную росу, а вот – шумящий лес, уходящий макушками деревьев высоко в небо... Школа... Шура... Проводы в армию... Далеко за полночь, поблагодарив дежурного офицера, разрешившего написать письма, задув фитиль семилинейной лампы, Пётр отправился спать, осторожно ступая по промёрзшим половицам.

Почту доставляли к месту службы с оказией, порой раз в два месяца. Старательно заклеивая каждое написанное письмо и отдавая для отправки, Пётр знал, что оно будет распечатано и прочитано армейской цензурой. Но солдат не роптал, писал на родину, с нетерпением ждал вестей из дома.

Первые письма Шура и директору школы от бойца Рабоче-крестьянской Красной армии, служившего в 140-ом отдельном стрелковом полку, пришли только в начале января, когда на Брянщине, как и в Приморье, стояли трескучие крещенские морозы.

Директор прочитал послание Петра Тимофеевича в учительской, а также отдельно – ученикам седьмого класса, где классной руководительницей стала Александра Ивановна. Ребята с интересом слушали рассказ своего учителя о службе на Дальнем Востоке, а потом долго, наперебой, обсуждали услышанное...

Получив от солдата первую весточку, Шура была счастлива. Не откладывая, в тот же день написала ему ответ, сама отнесла запечатанный конверт почтальонке, а Петино письмо долго ещё носила с собой в сумке, перечитывая его по несколько раз. В каждом его слове ей виделся далёкий край. Тысячи километров разделяли их. По её представлениям, бухта Ольга находилась где-то на краю света и была просто недостижимой. Чтобы больше узнать об этом местечке и хотя бы мысленно стать ближе к любимому, Шура принялась листать все книги в библиотеке, но, к сожалению, ничего не нашла. В скромном хранилище Валуецкой школы в основном были тематические книжки и журналы, дополнявшие школьную программу. Не отчаиваясь, стала терпеливо ждать ответы от Петра. Скукая по нему, сама почти каждую неделю отправляла ему послания.

Зимними вечерами, проверив тетрадки, Шура, укутавшись в тёплую кофту, рассказывала Пете о школе, о его, а теперь уже её подопечных, о деревенских новостях и даже о

берёзках, посаженных вместе. Особый кусочек письма повеествовал о её чувствах к нему, о тоскливых днях одиночества. Слушая заунывные песни зимы, она ждала тёплых весенних дней. А зима в наступившем 1941 году была снежной. Вьюги хороводили свои кудели. Пурга, завывая, заметала овраги, возводила сугробы вровень с крышами хат, злобно свистя в печных, простуженных сквозняками трубах.

Шуре хотелось поговорить с Петром, иногда спросить совета. Ей поручили ведение политинформаций, а он больше её знал о международной обстановке. Как историк, легко и понятно объяснял события, происходившие в мире, вселял уверенность в мощь страны. Ему верили. Сила Красной Армии воспевалась в песнях довоенной поры, славилась в фильмах, которые крутили в Валуецком клубе. Шура вместе с учениками тоже с удовольствием распевала песню «Если завтра война, если завтра в поход... Мы врага разобьём малой кровью...». Мальчишки и девчонки подражали киногероям: разведчикам, танкистам, лётчикам. Подростки хотели быть таким же отважными: прыгать с парашютами, умело управлять танками и самолётами, смело давать отпор многочисленным врагам.

В синеве мартовского неба над Валуйцем всё чаще стали появляться аэропланы. Они пролетали так низко над землёй, что можно было увидеть лётчика и разглядеть номер машины. Военные самолёты, летевшие куда-то на запад, перестали быть редкостью. Тени от них накрывали дома, катились мрачными пятнами по полям, покрытым первыми тёмными проталинами.

Весна 1941 года была поздней. Только ближе к Пасхе, с середины апреля, дружно стали таять снега. В оврагах

зажурчали искристые звонкие ручейки, бегущие к реке. На своём пути они растворяли и увлекали за собой насыщенное талой водой снежное крошево. Заструились в берёзах по деревянным жилкам потоки прозрачных сладких соков. Над окошком Шуры вытянули свои носы две прозрачные, словно хрусталь, сосульки. Дырявя подтаявшую внизу корочку льда, задзинькали с соломенных крыш капли. Скворцы запели весенние песни, обживая покинутые на зиму скворечники. В лощинах у реки замаячили серебристо-серые шарики набухших почек ивы и вербы.

В подошедший выходной Шура не поехала в Пукосино и осталась дома. Услышав рокот аэроплана, она вспомнила, что в одном из писем Пётр намекнул, что они строят базу для самолётов морской авиации... Вскочив со стула, она быстро подбежала к окну. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, стала смотреть в чистое небо, надеясь увидеть пролетавшую железную птицу. Когда она слушала гул машины, ей грезилось по девичей наивности, что Петя тоже может прилететь к ней в Валуец на таком самолёте. В своих фантазиях представляла, как вдруг он неожиданным сюрпризом объявится с Дальнего Востока, приземлится прямо на спортивной площадке у школы... Он был горазд на разные «фокусы». Не раз удивлял её внезапным появлением у калитки дома в ранний час, когда она выходила с вёдрами к колодцу, а ещё, закончив свои уроки, почему-то оказывался у порога школы, встречая её в вечерний час с работы... Сама Шура никогда бы не осмелилась взмыть высоко в небо, потому что была трусихой. Но в этот раз он не прилетел, а самолёт вскоре скрылся за горизонтом затихающим звуком, унося с собой несбывшиеся девичьи мечты...

Учебный год заканчивался. В школе старшеклассники сдавали экзамены, а малышню отпустили на каникулы. Шура готовилась уехать в отпуск до сентября к матери в деревню. Наступало лето – наверное, самая прекрасная пора не только для детей, но и для всех селян. Несмотря на каждодневный труд от зари до зари, люди радовались изобилию тепла, зелени, цветов, ягод, грибов и всему тому, что могла дарить природа срединной России.

В начале июня Шура отправила письмо Петру, в котором просила отвечать ей в Пукосино.

Подросшие за год братья и сестра с радостью встретили её приезд. Соскучившись по дому, она принялась помогать матери по хозяйству: стирала и убирала, доила корову и ходила по воду в колодец на край деревни...

Минорная нота войны

Давно устоялись длинные, солнечные дни. Подрастали травы. Тимофеевка выпустила первые цветущие метёлки, что по народным приметам определяло начало сенокосной поры. По вечерам, на закате, по деревне всё чаще разливались звонкие удары молотков, отбивавших косы, чтобы на ранней зорьке, летним лёгким утром, по ещё не высохшей росе выйти косарю на полянку и положить рядок-другой сочной травы.

Лето входило в пору зрелости. Ожидание дождей затягивалось, они не выпадали с мая. Наступила сушь. Днём деревенские подворья пеклись на солнце, а ночами от духоты кровь стучала в висках. Нестерпимо жарко было даже в продуваемых сквозняками сараях, сбитых из нестроганных гор-

былей. Короткий летний сон прерывался каждым звуком: лаем собаки, учуявшей зверя, суматошным кудяхтаньем кур, взбудораженных ежом, что забрался в курятник, и беззаботным смехом гуляющей молодёжи на краю деревни.

В этот раз после томной ночи Шура с матерью, встав до восхода солнца и прихватив узелок с нехитрой снедью, отправились, пока не сошла роса, скосить выделенную колхозом луговую делянку. Распластавшись, она зеленела у овражка, рядом с речушкой Адаркой. Первые солнечные лучи только-только начинали скользить по сонной земле. Поймав их, роса переливалась миллионами радужных капель, словно россыпи прозрачных алмазов на малахитовом ковре. Было ясное воскресное утро перевалившего за половину месяца июня.

Повязав на головы белые ситцевые платки, подоткнув подолы юбок, женщины, выстроившись друг за другом, принялись за работу. Лезвия отбитых накануне кос, сочно посвистывая, ловко скользили по росной траве, срезая душистое разнотравье. Вжик... вжик... неспешно разливалось вдоль луга. Вздрагивая, никла под острыми литовками трава... Всё выше поднималось солнце. Легко парила земля, смешиваясь с дымкой уползающего тумана. С прогретых косогоров в волглую низину тихо стекали тёплые струи воздуха, заполняя собой одуряюще пахнущее обилие только что срезанной травы. Над головами монотонно зудели крохотные пронзительные мошки, а прогретую тишину стал наполнять неутолимый, ровный, сухой стрекот кузнечиков.

Впереди, шагах в трех от Шуры, поблескивая дряблым телом, запрыгала земляная лягушка, прячась за небольшой

кротовой кочкой, заросшей луговой травой. Девушка остановилась, распрямила уставшую спину. Ладони от косья с непривычки горели огнём. Увидев на них яркие водянистые пузыри, подумала: «Ничего, потерплю. У мамы и того хуже. Мозоли такие, что руки к концу лета грубеют так, что кожа лопается до крови, но она не жалуется...»

Ольга, заметив, что дочь всё чаще стала останавливаться, тоже перестала косить и отбросила косу на только что скошенный рядок. Поправив съехавший на лоб мокрый от пота платок, сказала:

– Шурка, хватить на сягодня, а то без рук останимси.

Глядя на выкошенную проплешину, она подумала, что уже и так отхватили изрядно. Время близилось к полудню. Густую тишину позднего утра давно тонко разрежали по свистам невидимые птицы, а трава почти совсем обсохла. Солнце нещадно пекло голову, плечи, но на душе у Ольги было радостно. Видя настроение довольной матери, Шура, окинув взглядом окрест, воскликнула: – Хорошо-то как! Прямо загляденье!

Усевшись на краю делянки в зеленоватой тени молоденького деревца, они расстелили на траве стираную тряпочку, разложили на ней хлеб, бутылку молока, накрепко закупоренную газетной пробочкой, пару яиц да пучок зелёного лука. Растирая натруженные руки, не торопясь, стали молча завтракать... По высокой травинке рядом с Шурой ползла вверх божья коровка. Вздвигалась упорно, бесстрашно... Мать и дочь загляделись на неё. Коровка долезла до самого верха, покачалась на макушке, расправила крылышки и полетела как-то боком над скошенными травами...

Передохнув и доев остатки скудного завтрака, с косами на плечах отправились в посёлок. Торная тропинка виляла змейкой под изволок среди разросшейся зелени придорожного травостоя, норовившего поглотить её своими зарослями. Вскоре они оказались у ближайших хат. Неожиданно из-за поворота, на дороге, ведущей прямо к середине деревни, показалась бричка, в которой сидел председатель сельсовета. Во весь опор он гнал и без того споро бегущую лошадь, словно спешил на пожар.

Увидев женщин, приподнявшись в полроста, громко, чтобы его услышали издалека, выкрикнул:

– Война!

Опешившие от такого известия, они не сразу поняли случившееся. Осознав, но до конца не поверив, Ольга перекрестилась, призывая небесные силы защитить. Страшное известие сразу всколыхнуло печальное воспоминание о гибели мужа на Финской войне, о плачущих детях в осиротевшем доме, от слова «война» мир рухнул вокруг неё. Шура, увидев ужас и слёзы в глазах матери, вспомнила о Петре... Забыв про усталость, обе, не сговариваясь, сорвались с места и побежали к дому.

В Пукосино новость мгновенно облетела все подворья. Люди не могли сразу поверить услышанному, хотя председатель сельсовета – лицо официальное, не верить ему было нельзя. Выйдя из домов, мужики в полголоса обсуждали страшную весть, будто боясь спугнуть мирную тишину, а бабы, горестно глядя на них, тихо плакали, облокотившись на плетни и загородки у своих подворий. Они-то, как никто другой, знали цену страшным словам «началась вой-

на...», когда покидали родные дома их сыновья, мужья и даже отцы, многие из которых больше не возвращались. Ухватившись за материнские подолы, бабам вторила малышня. Мужики побойчее отправились в правление колхоза, надеясь услышать подробности. Но почти каждый из них не верил, что немцы могли напасть, ведь был договор с ними. Считали, что если уж сунутся, то война будет не долгой, наша армия вмиг разобьёт их.

У входа в здание правления на столбе висел старенький, побитый временем репродуктор, из которого ждали новостей. Народ подходил и подходил, заполняя лужайку под окнами здания. Через час, а может, больше, «тарелка» захрустела, зашипела. Голосом Молотова она подтвердила нападение Германии на Советский Союз. Пукосинцы после услышанного ещё долго не расходились, пока к ним не вышел хромой счетовод:

– Братцы! Бяда пришла к нам. Началась война. Што стоять! Идите по хатам. Ждите особого распоряжения.

Потоптавшись, все нехотя потянулись к хатам, каждый думая о своём...

С этого дня у людей наступила жизнь, полная тревог. Репродукторы не выключались круглые сутки, передавая тревожные сводки. В городах было объявлено военное положение: комендантский час, светомаскировка. Сельские школы, где совсем недавно учили детей, превратились в призывные пункты. Отцы и старшие братья покидали семьи, уходя на войну. Пришлось взрослеть до времени даже совсем юным мальчишкам. Через несколько дней в Пуко-сино принесли первые повестки о призыве на войну резер-

вистов, а в августе 1941 года Западные районы Орловской области были оккупированы фашистами.

Последнее Петино письмо Шура получила перед войной в конце апреля, после чего переписка оборвалась. Как выяснится потом, его, служившего в Приморье, перебросили воевать под Москву в составе 134 артиллерийского полка 172 гвардейской дивизии. Связистом он участвовал в боях на Воронежском, Степном, Юго-Западном, Первом Белорусском и Первом Украинском фронтах.

О том, что творилось на западе в начале войны, можно было только догадываться по рёву тяжёлых немецких бомбардировщиков. Вереницами несли они свой смертоносный груз в глубь нашей страны. Успехи немцев были очевидны. Один за другим враги занимали города: Минск, Смоленск, Гомель... Уцелевшие красноармейцы, измотанные и голодные, поодиночке и группами, боясь попасть в плен, выходили из окружения, пробиваясь ночами по лесным непролазным дорогам.

Пукосинцы после захвата Почепа почти сразу увидели немцев. Оккупанты нагрянули в деревню со стороны Лапино. Это село лежало на высоком холме поодаль, раскинувшись ближе к большаку. Солдаты, а их было не менее двухсот, после полудня на крепких лошадях спускались с горы к реке. Строевым порядком, держа небольшую дистанцию, они надвигались неспешной серой массой. Неестественно выгнутые высокие кокарды немецких фуражек из серого сукна, металлические орлы, свастика, другие вычурности их одеяния вызывали отвращение и страх у жителей. Лошади были тоже под стать своим ездокам: була-

ной масти желтовато-песочного окраса, высокие в холке, тяжёлой походкой, точно айсберги, мяли своими мощными копытами пукосинскую землю.

Увидев перед собой тихую деревушку, по пути к которой на взгорке, прямо у дороги, возвышалась небольшая церквушка, они решили расквартироваться в посёлке по домам. Комендатуру в Пукосино разместили в школе, конюшню – в столярных мастерских. В садах, полных яблок и груш, понаставили технику, ломая колёсами кусты крыжовника, смородины, малины. Сами же с автоматами наперевес, закатав рукава рубашек выше локтей, постоянно что-то горланя на непонятном лающем языке, пошли по дворам, считая себя с этого времени хозяевами. Чувствуя безнаказанность, немцы бесцеремонно вваливались в хаты, забирали всё, что попадалось им под руку. На ломаном русском языке требовательно просили, указывая на пустые бидончики:

– Матка, млеко, млеко.

Хозяйка, суетясь, наливала в бидон молока и спешила быстрее выпроводить их за порог. От греха подальше отдавала яйца, сало...

В близлежащих деревнях фашисты тоже занялись поборами, а чтобы поддерживать «немецкий порядок» – назначили старост, создали полицию из числа жителей, выражавших симпатии к новой власти. Большинство из них в прошлом были единоличниками, затаившими злобу на Советы.

Наместники новой власти выслуживались перед оккупантами. Вооружившись штыками и металлическими прутьями, они протыкали сложенное в копны сено, разыскивая зерно и продукты. В потайных местах искали схроны, о ко-

торых немцы сами не могли догадаться. С кровожадностью хищников расправлялись с теми, кто помогал партизанам.

В Пукосино старостой немцы поставили Мишку Карбанова, он стал главным в деревне, противиться ему было нельзя, но пукосинцам, в отличие от соседних деревень, повезло с ним. Староста своих односельчан не обижал. Приходя в дом в сопровождении вооружённого солдата, а то и двух, просил хозяев:

– Отдайте сено али хучь скільки можати, а то придуть немцы, выгрябуть вси до нитки, ничего ни оставят.

Люди соглашались, отдавали, кто что мог. Сборщики, педантично пересчитав всё собранное в этом доме, шли к следующему, хотя всегда находился тот, кто защищал своё, не терпел насилия. Непокорных часто били прикладами, арестовывали, а то и расстреливали.

При облавах силой увозили молодых девчат для отправки в Германию, а если находили солдата в доме, вышедшего из окружения, то отправляли в штаб всех, кто прятал его. Домой они уже не возвращались.

Жили тяжело, много работали. Нельзя сказать, что пукосинцы голодали после поборов, но они и не разъедались. Берегли зерно до весны, летом собирали щавель, грибы, ягоды... Женщины, старики, старухи вместе с подростками косили, молотили. На старых лошадёнках, оставшихся в селе, трудились за себя и за мужиков, мобилизованных на войну или партизанивших в трубчевских лесах.

На территории в границах сегодняшней Брянской области действовали наряду с местными отрядами соединения орловских, курских, украинских и белорусских парти-

зан. Ныне ещё живущие пукосинские и лапинские старики, бывшие в то время детьми, помнят рассказы о легендарных командирах Ковпаке, Сабурове, начинавших из их краёв свои знаменитые рейды по вражеским тылам.

В оккупации приходилось нелегко, правду о положении на фронтах можно было узнать только прочитав партизанские листовки, за распространение которых тоже беспощадно карали. Рассказывали, как в соседней деревне немцы расстреляли молодого бойца, а для устрашения и деда-инвалида, в доме которого его нашли. Начальник полиции Зеленский, живший в Лапино, отличался особым рвением на службе у немцев. Был лют, не щадил даже своих родственников. За его зверства, после победы над Германией, жители деревень сполна отомстили ему. Повесили предателя посредине Лапино и три дня не снимали с виселицы.

На его совести было много смертей... За Бакланью, в сторону Юдинова, был выброшен парашютный десант девушек-разведчиц. Немцы с полицией бросились на поиски. Прибыв на место высадки, увидели в чистом поле только копны соломы. Зеленский проявил незаурядную находчивость, начал штыком протыкать их и обнаружил разведчиц. С ними фашисты зверски расправились, долго мучая на допросах.

В отличие от Зеленского, староста Карабанов, напротив, сочувственно относился к односельчанам, не доносил на них. После освобождения Пукосино от немцев, он ушёл воевать в Красную армию и погиб на фронте.

Его хорошо знала Ольга Михайловна. Будучи ещё девушкой, она запала ему в сердце, но предпочла выйти за-

муж за Ивана. Получив отказ, Мишка долго копил свою обиду на её избранника, глядя, как дружно они живут, растят детей. Сам он вскоре тоже женился на местной девушке Катерине, родившей ему потом двух дочерей. После гибели Ивана на Финской войне Карабанов вновь было воспрянул духом, надеясь на взаимность. Однако вдова предпочитала растить своих детей сама, хотя явного отказа не давала, считая предложение женатого Михаила блажью. Теперь, когда его назначили старостой, на правах хозяина деревни, стал захаживать к вдове, не смевшей резко отвергать внимание к ней. Уважительно, даже нарочито с почтением, Ольга Михайловна называла его по имени и отчеству, подчеркивая его должность. Он же, думая, что сердце женщины смягчилось, заходил во двор, а то и в дом. Осматривал хату, пожитки, деловито рассуждал:

– Слухай, Ольга, будя тябе одной маяться. Жалко глядеть на всех вас. Давай я помогу. Все одна да одна с дятлами. Правда, Шурка твоя уже нявеста. Скоро самой впору жениха в дом приводить.

У Ольги ещё в девичестве не было особой симпатии к Михаилу, а теперь, когда он служил немцам, и подавно. Он стал для неё предателем, да и соседи по деревне недобро поглядывали в её сторону из-за подобных визитов. Ко всему прочему не хотела вдова скандалов с его женой, которая открыто ревновала её к мужу.

– Погодь, Демьяныч, – отвечала она ему тихо, стараясь не разгневаться, – что чичас об етом говóрить, война кругом, а с Катериной как? – Опустив глаза, продолжала, – не ко времени твоя помощь. Сами управимся.

Хотя душой чувствовала, что вряд ли это время настанет, не могла она забыть своего Ивана, его нежной ласки, что так мало на её долю досталось, хотя родила от него четверых... Старалась быстрее закончить разговоры. Выпроваживая старосту из дома, напоминала:

– Шли бы вы домой. Дяла стоять. Робить надо. Дятей кормить. Не ровён час Катярине донясут, что у мяни быв. Будя тябе тады дома взбучка.

Почесав лоб тыльной стороной ладони, Михаил нехотя вставал с табуретки, обиженно вздохнув, уходил. Иногда, спускаясь с крыльца, он оглядывался по сторонам и, убедившись, что кругом нет посторонних, приглушив голос, говорил:

– Чуишь, Ольга, опять «гости» к нам скоро пожалуют. Ты бы Шурку-то отослала подальше от деревни, не ровён час, угонют в Германию.

Сделав паузу, будто ожидая благодарности от женщины, добавлял:

– Только не болтай другим-то лишнего, считай, я тебе ничего не говорив.

Не испытывая судьбу, Шура загодя уходила к родной тётке по материнской линии в Пукосинский посёлок, что скрывался у леска на отшибе от Лапино. Да к тому же, ещё умудрялась предупредить своих ровесниц, которым грозила такая же участь. Переждав облаву, вновь возвращалась домой.

Однажды из Заречья пришло известие – немцы заживо сожгли в сарае людей за помощь партизанам. В том пожаре погибла и Петина мама. Шура узнала об этом, когда разносила почту по двум соседним деревням, подменяя во время оккупации почтальонку.

Долго не могла поверить. Как выяснилось позднее, родители Петра, чем могли, тайно помогали партизанам, а его сёстры – Мария и Евдокия, ушли в леса ещё в начале оккупации. В тот роковой день зареченцы собрали для партизан две подводы с хлебом, картошкой, солью, махоркой, одеждой. Одной из них правила Матрёна.

Когда до леса оставалось рукой подать, им навстречу неожиданно выехал немецкий патруль. Остановив лошадей, каратели догадались, куда едут бабы. Телеги отобрали, а тех, кто вёз провиант, привезли в соседнюю деревню и закрыли в деревянном амбаре. Под дулами автоматов с криками «шнель-шнель!» каратели согнали в него и жителей этой деревни. Ближе к вечеру, подперев распашные ворота бревном, немцы, не жалея горючего, облили соломенную крышу, деревянные стены, а затем подожгли. Зарево от страшного пожара было видно во всей округе... Шура и Ольга искренне горевали, узнав о смерти Матрёны.

С тоской в душе Шура подумала о том, что Пётр, сражаясь с фашистами на фронте, наверняка не знал о смерти своей матери. Ему никто не мог это сообщить, ведь кругом шла война, да и она сама давно не получала от него писем, а полагая, что у него другой адрес, тоже перестала писать. В окружении было не до них, с трудом пытались как-то выживать. Немцы забрали зерно, выгребли запасы из подвала, благо осталась картошка, морковка да немного собранных яблок, спрятанных под домом в яме.

Лишились жители и своих главных кормилиц – коров. В один из чёрных для селян дней разношёрстное стадо, собранное со всей округи, немцы погнали по дороге в Жуди-

лово на железнодорожную станцию, чтобы затем переправить в Почеп. Впереди ехало несколько гружёных подвод. В ряды мычащих, голодных, уставших от переходов животных под лай собак загнали пукосинских и лапинских коров. Хозяйки, не успевшие загодя спрятать буренок, громко голосили. Внезапно в небе появился самолёт с красными звёздами на хвосте. Лётчик стал бомбить обоз. Немецкие солдаты, до этого безразлично сидевшие на повозках, громко крича и ругаясь, врассыпную кинулись с дороги, прячась в густую рожь.

Одна из бомб попала в середину стада. Вверх полетели комья земли вместе с разорванными тушами. От утробного рёва раненых животных кровь застыла в жилах у всех, кто стал свидетелем бомбёжки. На земле без движения остались не только коровы, но и большинство ненавистных немцев с выпученными глазами, залитыми сизой кровью. Они пытались не попасть под удары, укрываясь среди высоких хлебных стеблей, вжимаясь в чужую землю осунувшимися, заострёнными подбородками, ища защиты.

Опомнившись после налёта, недобитые фашисты уложили тела погибших и раненых на телеги, громкими, косноязычными окриками собрали разбежавшихся коров. Вскоре вся эта процессия скрылась за нескошенной колхозной нивой в траурном свете низкого вечернего солнца.

Люди, глядя вслед угнанному стаду, долго стояли молча, как на великой панихиде... Только беззаботные ласточки звонко щебетали над вздыбленным полем, пронзая чёрный дым, поднявшийся после взрывов.

Сердца забились вразнобой

Поздним сентябрьским вечером при свете керосиновой лампы Ольга и дети ужинали тем, что Бог послал. В основном на столе была картошка. Запаренная за день в печке, так что кожа покрылась засохшей коркой, она с просолившимися огурцами для всех была настоящим объединением. О мясе семья не вспоминала, а последних кур давно переловили немцы. Сидя за столом, разговаривали между собой вполголоса, чтобы не накликать беду в дом. Мягкую тишину тёмных сумерек нарушил осторожный стук в окно хаты, что выходило в заросший сад. Дети, как по команде, перестали жевать и затихли. Шура с матерью переглянулись.

– Кто бы это мог быть?

Ольга привсталала. Осторожно положила на стол деревянную ложку, напрягла слух: не показалось ли им?

Робкий, в то же время настойчивый стук вновь повторился. Все смотрели на мать. Чуть помедлив, словно оттягивая время, тихо ступая по отмытым половицам, Ольга Михайловна вышла в тёмный коридор и дрожащим голосом спросила:

– Кто?

В ответ молчание.

– Кто тут? – с замиранием сердца и с бóльшим волнением повторила она.

В ответ тихим хриплым голосом ответили:

– Свой буде.

– Яки таки?

За дверью стояла тревожная тишина. Женщина медлила. Тысячи мыслей проносились в её голове. Страх за семью сковывал движения, мягкой пеленой обволакивал тело. Через некоторое время опять послышалась:

– Оля, выйди, побачиться треба.

По голосу угадывалась соседка, жившая через три дома. Опасливо вздохнув, Ольга, отодвинув деревянный дверной засов, вышла в сад. В непроглядной осенней темноте увидела троих. Двое из них ей были знакомы: соседка и её сын, которого мобилизовали в начале войны. Третий – был не из местных, молодой человек в потрёпанной, лёгкой не по сезону одежде, тяжело опиравшийся на палку.

– Ольга, дарагая, выручай, – заговорила женщина, – акрамя тябя прасить некаго. Два дни у мяни живут у хати – сын и яго товарищ. Яны сбёгли из акруження, уже целый месяц дабиралися до нас. Кругом немцы, куды денишьси?

Ольга, разглядывая незнакомца, молчала.

– Ты знаишь, моя хибара нибальшая. Свояго-то мы схаваим, а вот яго, – и, указав рукой на паренька, продолжила, – куды схавать, не знаем. Ён ранен, кашляя, далече яму не уйти, да и куды чичас пойдёшь, кругом немцы, – повторила она. – Как оклемається, так сразу уйдёть.

Дослушав короткий, сбивчивый рассказ соседки, Ольга сказала:

– Дык и у мяни самой дети. Если прознають, што солдата хаваю, тады всех порешат.

– Не узнають, – прижимая худые руки к груди, горячо возразила женщина, – староста не привядёт к табе немцев, ён твой дом оберегае. Памаги! Кроме нас, нихто не узная, что к табе беглеца привяли. Отвечать будем умести. Я тоже баюсь, но жалко солдатика. Убьють ведь, не дождётся яго мать с войны.

Маленькая, щуплая, с опущенными руками, умоляющая женщина выглядела беспомощной. В уголках её глаз непро-

извольню заискрились слезинки. Зашмыгав носом, она стала стыдливо утирать фартуком влажные воспалённые глаза.

Зябко передёрнув плечами, скорее от волнения, чем от холода, Ольга, глубоко вздохнув, сказала:

– Ну, што, раз Бог яго привёв к нам, будим памагать! А што опосля будя, нам не знамо.

И, перекрестившись, жестом пригласила парня войти, а соседка, шепча слова благодарности вслед Ольге, вскоре скрылась вместе с сыном в непроглядной темени опасной ночи.

Поднявшись по широким деревянным ступенькам из тёмного сада через холодные, сырые сенцы, Ольга с окруженцем вошла в хату. Для него комната показалась большой, хотя на четверть была занята печкой. Полинявшие от времени цветастые шторы отгораживали её от дивана, а кровати – от сундуков и комода. Незамысловатая мебель, тепло от протопленной печки располагали к уюту. В воздухе витал запах распаренной свёклы и репы.

Ольга догадалась, что сидевший на диване Коля, а чуть дальше Андрей и Нина, плотно прижавшись к Шуре, с тревогой ожидали её возвращения. При тусклом свете керосиновой лампы длинные тени на стенах казались страшными чудовищами и наводили на них ужас. В глазах детей застыл страх. Увидев возвратившуюся мать, ребятишки хотели кинуться к ней, но не решились из-за незнакомца. Ольга, немного рассеянно, в то же время строго проговорила:

– Коля, Андрей, время позднее, быстро лезьте на печку! Лажитесь спать! – Повысив голос, чтобы дети не слушались, цыкнула, – только шуманити у мени!

Повернувшись вполоборота к старшей дочери, добавила:
– А ты, Шура, уложи Нину, а сама прииди сюды. Чичас у нас с тобой дела будуть.

Пошебуршав на печке, ребятня вскорости затихла. А когда в дальнем углу хаты улеглась и Нина, Ольга Михайловна вступила в разговор с парнем, смиренно до этого сидевшим на лавке с полужакрытыми глазами, привалившись к стене. Вид у него был измождённый: прилипшие ко лбу тёмные волосы, потухший взгляд, ввалившиеся щеки, поросшие редкой, как у юнца, щетиной.

– Как тяби завут?

– Андрей.

– А хвамилия твоя яка буде? – спросила она.

– Щуреви́ч.

Подошла Шура, вопросительно посмотрела на молодого парня. Мать, перехватив её взгляд, тихо, чтобы не будить детей, сказала:

– Соседка привяла. Завут яго Андрей. Раненый ён. Некуда яму деться. Поживе пока у нас.

Глядя на парня, внимательно слушавшего Ольгу, видя его остановившийся взгляд на дочери, пояснила:

– А ёго моя старшая дачка́, – не без гордости добавила, – учительница. Тольки чичас ня уча. Якая тяперича учёба. Немцы у нашей школе, да и в Валуецкой тожа, где она раньше работала, комендатуры понаделали. Скарея бы их с нашей зямли прагна́ли... Силён нямчура... Вона ты еле выбрався, – покачав головой, с горечью произнесла мать.

Тут она вспомнила, что хотела что-то сделать. Сгорбившись, прошла по сумрачной комнате, тенью пробежала

по стене к неубранной на столе посуде. Поправив тлевший фитиль в лампе и посветлев лицом от озарявшего пламени семилинейки, остановилась у печи.

– Шура, у нас ещё репа осталась, иди бяри да няси на стол, пусть поест, – распорядилась Ольга.

Сама тем временем, выставив заслонку из устья печки, вытащила на загнетку чугунок.

– Соседка гаварила, что вот ён с яё сыном почти што месяц выхóдили из окружения, – продолжала Ольга. Сбившись с мыслей, опять принялась рассуждать, – ён подлечится, паправится, а патом пóйдя опять ваявать. Пра-сила памочь. А где яму жить, ума не приложу. Ну... ето апосля, а чичас давай пакормим салдатика, сматри як отащав, одни глаза и ёсть, а на теле кожа да кости.

Вскоре в комнате, где установилась особенная тишина позднего деревенского вечера, лишь изредка нарушаемого вздохами Ольги да её пояснениями, на столе появилось всё, что осталось от ужина.

Андрей, слушая рассуждения хозяйки, устало улыбаясь, благодарил за приют и еду. Он был до того худой, что одежда на нём висела, словно на скелете. Огромные, серо-холодные глаза на исхудавшем лице зияли двумя чёрными пятнами, а мучительная ломота раненой ноги добавляла ему болезненный вид.

После еды, чтобы развеять подозрения домочадцев в его возможном дезертирстве, парень, смущаясь от неловкости и нервно дёргая скулой, рассказал:

– Остатки нашей роты разбитого немцами батальона пробирались на восток, на соединение с Красной Армией.

Враги, узнав, что нас удалось окружить, прочёсывали лес и все близлежащие деревни. Чтобы пробиться к своим, командир разбил оставшихся солдат на небольшие группы и приказал всем, даже не имевшим оружия, выходить из окружения. Пробирались только ночами, ориентируясь по звёздам, а днём, затаившись, скрывались в оврагах, лесных чащобах. Было страшно, могли убить как свои, так и чужие. Два раза чуть не попали в засаду. Мне повезло с вашим земляком, он знал эти места и вывел нас к посёлку.

Тяжело вздохнув, боец опустил голову на грудь и, сдерживая боль от затёкшей раненой ноги, замолчал.

– Господи, страх який, – с сочувствием в голосе проговорила Ольга. – Ну, тяперя у тяби усё пазади. Раз живой оставси, надо быстрее поправляться да покумекать, што дальши робить будишь, – заключила хозяйка.

Стали решать, как быть. Так рассуждали и так, всё одно выходило: или найдут раненого немцы, или его выдаст кто-нибудь. Ведь внешне Андрей сильно отличался от местных. Тёмноволосый, очень худой и бледнолицый, а потому среди них будет заметным.

Между тем Шура нагрела воды и приготовила кусочек хозяйственного мыла. Прервав разговор матери с Андреем, предложила обработать рану. Солдат, смутившись, нерешительно посмотрел на стоявшую перед ним девушку.

– Як тута, стесняться нечаго, подымай штанину. Надо рану промыть, иначе бяды не миновать – строго сказала Ольга Михайловна.

Наклонившись, парень с трудом освободил ногу. Тряпица на ране была сплошь пропитана засохшей кровью.

Шура поставила тазик с водой как можно ближе к свалившемуся на их головы окруженцу, чтобы было удобнее обрабатывать рану. Однако долгий переход по болотам и лесам плохо отразился на повреждённой ноге. Шура с трудом очистила грязь и промыла рану. Стараясь не выказывать слабость перед женщинами, Андрей от боли только крепче стискивал зубы, отчего по скулам проходила дрожая волна спазмов. Шура, видя мучения парня, поминутно прислонявшегося затылком к стене и тревогу в его глазах на побледневшем лице, перевязывая, пыталась, как могла, осторожнее прикасаться к ране...

Не придумав, куда спрятать незваного гостя, отложили всё до утра, ссылаясь на русскую поговорку «Утро вечера мудренее». Пока Шура возилась с перевязкой, Ольга принесла дерюжку, постилку, кинула их на деревянный коник у стола, тем самым определив ночлег Андрею.

Вдруг с печи, из очёлка послышался тихий шёпот Коли:

– Ма, – начал он...

От неожиданности раздавшегося почти в полной тишине голоса трое взрослых вздрогнули.

– А давайте схаваем яго у подвали. – Боясь, что его не дослушают, быстро проговорил, – в подвале яго никто не найдя.

– Ты что не спишь, негодник эдакий! Подслушиваешь взрослые разговоры, – с укоризной напустилась на него сестра.

– Да я сам не маленький, – огрызнулся в ответ Коля, – как робить, так большой, а как слухать вас, так малой, – с обидой пробурчал мальчишка.

– А ведь правду гавóрить наш Колька, – поддержала его мать. Повернувшись к очёлку, задумчиво сказала, – что ж, вход в подвал у нас добрый. Лампу найдем, яё только поискать у чулане нада. Будя худо, ядú туды принясём, а так с нами харчаваться будя. Заместо стола табуретку поставим. А ты как думаешь, Шурк?

– Мам, как мы сами-то про подпол забыли? – оживилась она.

Андрей, слушая их разговор, сказал, извиняясь:

– Я вас не стану долго обременять, чуть-чуть подлечусь и – на фронт. Наши должны вот-вот погнать фрицев! Сколько можно отступать!

Ольга, склонившись над открытым ящиком комода, копаясь, неторопливо, достала чистую одежду, оставшуюся от мужа. Переложив несколько раз сложенные вещи, протянула их Андрею:

– Переоденься в чистая, а то на тебе жалки глядеть. А твою хворму завтра постираем, да припрячим подальши от чужих глаз.

Засмущавшись, парень принял их, встал с лавки, согнувшись, неловко прошёл за ширму, чтобы переодеться... Измученный за последнее время, он быстро заснул, даже несмотря на жёсткую деревянную постель.

Только за полночь, погасив лампу, женщины улеглись. Ольга в тот вечер долго не могла сомкнуть глаз, тихо лежала, вслушиваясь в звуки кромешной темноты осенней ночи. Вспоминала Ивана, когда он таким же юным, как этот паренёк, заметил её среди подруг. Думала, а как бы он поступил сейчас? Одобрил бы её решение или не стал рисковать детьми из-за незнакомца?

До конца не раскрытая её любовь к погибшему мужу перенеслась на детей, на домашнее хозяйство, с новой силой всколыхнулась материнской жалостью к пришедшему молодому пареньку, попросившему у неё защиты. Вспомнила ухаживания теперешнего старосты, а ранее завидного жениха в их деревне. Как ни искала в себе хоть какое-то чувство к нему, но и по прошествии времени – не находила.

За окном уже брезжил сиреневатый густой рассвет, а её дремавшее сознание всё ещё удерживало от сонного забытья. Только перед самым кукареканьем «вторых петухов» – а петух на посёлке с приходом немцев остался один не пойманный – под монотонное стрекотание сверчка в тёплой печурке забылась тревожным сном...

На следующий день домочадцы соорудили топчан из необструганных досок, набили соломой матрац, застелив его домотканой дерюжкой. Яма стала пригодной не только для укрытия, но и для жилья... Младшим детям строго-настрого велели не рассказывать соседям или друзьям о том, что у них в доме есть постоялец.

Так потекли дни, полные беспокойных забот с новым жильцом. Глубокая рана на ноге гноилась, а Шура, стараясь облегчить его страдания и боль, делала перевязки: отмачивала присохшую ткань, промывала травяными отварами, прикладывала листики подорожника, заготовленного ещё летом.

Оккупация затягивалась. Ольга вместе с односельчанами работала там, куда направлял староста, надеясь за свой труд получить зерно. Рабочих рук не хватало, ведь в деревне остались одни старики да женщины. Шура присматривала за хозяйством, за детьми, управлялась по дому, скрывалась, боясь быть отправленной в Германию.

Дыхание зимы ощущалась всё зримее, оно угадывалось в каждом наступавшем дне. В погожее время над землёй низко поднималось холодное, словно заиндевелое солнце, налетал колючий ветер, принося из-за горизонта пегие снеговые тучи... И вскоре пришёл день, когда на смирившуюся, притихшую, точно овдовевшую, землю, просыпался, будто сквозь сито, рассыпчатый поток снежинок...

Андрей постепенно поправлялся. Девичьи руки помогали лучше любых лекарств. Молодые люди много рассказывали друг другу о себе. Шуре их доверительные беседы скрашивали одиночество, в котором она оказалась без школы и писем Петра. Андрею интересно было больше узнать о семье, которая его приютила.

– Шура, а где ты так ловко научилась врачевать? – как-то спросил он.

– Окончила курсы медсестёр, ещё когда училась в педучилище. – Смутившись, девушка с улыбкой добавила, – как видно, не зря.

Постепенно они узнавали друг о друге всё больше и больше. Андрей тоже был родом из многодетной семьи. Жил с родителями на границе Украины с Польшей. Корни его фамилии Щуревич уходили к далёким польским шляхтичам. Однофамильцы встречаются среди польских евреев, живущих на белорусских и украинских землях. С первых дней войны он был призван на фронт как курсант военного училища... Шура рассказывала постоянно о родственниках, что строго смотрели с портретов на стенах, увешанных рушниками. Показывала поделки отца, свои вышивки, плетёные кружева.

Со временем окрепший Андрей стал всячески помогать ей в хате: подмести пол, разжечь отсыревшие поленья

при затопке печи. Ему было приятно общаться с девушкой, нравился её спокойный, мягкий говорок с певучим оттенком местного диалекта.

Глядя в открытое светлое лицо, в добрые глаза Андрея, Шура тоже была рада такому собеседнику. Он её нисколько не тяготил своим присутствием. Рядом с ним она меньше думала о войне, о тяготах оккупации. Молодые люди говорили о прочитанных книжках, увлеченно спорили. Андрей часто раззадоривал Шуру, заставляя её искренне доказывать своё мнение, противоположное его суждениям. В такие минуты он очень внимательно и загадочно смотрел на девушку. В его взгляде сквозила мужская нежность. Ольга всё замечала, от её материнского глаза ничего не было скрыто. Втайне она подумывала о таком муже для дочери. Умный, уважительный, мастеровитый: то режет ложки с Николаем, то дверь подобьёт, чтобы сквозняки не тянули, то лавку починит. Рукастый, ласковый, а Ольгины дети в нём души не чаяли, принимая, как родного.

Оставаясь наедине сама с собой, женщина рассуждала: «Вот война закончится, Андрей с Шурой сойдутся, создадут свою семью. У мяни жизнь не заладилась, можа хоть у дятей палучится. А Петя вернётся али нет? Как знать?» Да и не нравился он ей, грубоватый, своенравный, не о таком она зяте мечтала. Смущало одно, Шура вядёт себя с ним как с братом. «Ну да ладно. Жизнь пакажа...».

Ольгу больше беспокоило, что староста Михаил стал подозрителен. Всё интересуется, с чего это она его избегает, в дом не приглашает, да и соседи косятся, спрашивают, почему она детей со двора не выпускает...

Несколько раз в неделю, поздними вечерами, Шура, хоронясь от посторонних глаз, ходила с Андреем на прогулки, не покидая двора. Прогуливаясь, они больше молчали, скрываясь за высоким забором плотно сбитого частотокола. Порой замирали, прислушиваясь в морозном безмолвии к скрипам полозьев саней или чужих шагов возвращавшегося запоздалого селянина. В один из таких зимних вечеров вышли в сторону огорода, на выгон, туда, где был большой прогалок между соседскими подворьями. Парню давно хотелось побывать за пределами двора. Уговорив девушку, они нарушили запрет Ольги, строгонастрого запрещавший такие прогулки.

Бархатный купол чернильного неба сиял множеством ярких звёзд. Вдвоём в лунной ночи, посреди белеющего безбрежья, они медленно шли рядом, настороженно вслушиваясь в тишину. Она не была молчаливой, а звучала на разные голоса: под ногами хрустел снежный наст, изредка доносились приглушённые удары, похожие на разрывы снарядов. Это трещали от морозов промёрзшие сугробы. Деревья отбрасывали серо-синие тени, а силуэты от их фигур, расплываясь в разные стороны, словно перешёптываясь, двигались вместе с ними.

Андрей в последнее время всё чаще говорил о своем возвращении на фронт, рана на его ноге почти зажила. Тяготился тем, что надо было постоянно прятаться. Молодой человек прислушивался к гулу самолётов, различал по работе моторов свои, определял, летят они бомбить немцев или возвращаются обратно.

Проявляя к нему природную женскую заботу, Шура с болью слушала, что он обуза в их доме.

– Вот совсем окрепнешь, тогда и уйдешь. Твоей ране нужен ещё покой, – убеждала она парня, – да и куда сейчас идти? К партизанам? Говорят, что поблизости отряды только в Трубчевском лесу. Нужен надёжный проводник, чтобы туда добраться, а где его найти? Немцы часто делают облавы...

– На днях рассказывали, – продолжала она, – в Валуйце, где я до войны работала, убили старого учителя за то, что он не давал немцам забрать со двора корову. Хватают всех подряд, увозят в Бакланскую комендатуру, а потом угоняют в Германию, а то и вовсе убивают...

Слушая Шуру, Андрей чувствовал её участливое отношение. Самому тоже было тяжело от мысли о предстоящей разлуке. Девушка стала ему очень дорогой. Бледное от лунного света девичье лицо было печально-задумчивым, тёмные озёра глаз, вздрагивающие над ними длинные заиндевелившие ресницы выдавали тревогу. Помимо своей воли, парень тонул в счастливых мгновениях своего затворничества.

Прошёл час или более... Морозило. Звёзды сквозь мутные облака сияли бриллиантами на мрачно-лиловом небе. Ветер, повздорив с позёмкой, лизал шершавым языком не прикрытые снегом кочки, нарытые кротами ещё летом, забирался колючим ёжиком в рукава. Холод быстро набирал крепость. Глядя, как Шура, защищаясь от ветра, кутается в шаль, как придерживает на груди распахивающееся пальтишко, он ощутил такую нежность к ней, что захотелось прижать её к себе, защитить и от этого ветра, и от всех земных бед. Остановившись, уклоняясь от вздыбленной позёмки, Андрей пересохшими от волнения губами, не узнавая своего голоса, тихо произнёс:

– Шура...

Девушка, повернувшись, озабоченно взглянула на него, думая, что ему нужна помощь, но встретила взгляд, полный любви и страсти. Шура застыла на мгновение: она никогда ранее не видела Андрея таким.

– Шура, Шурочка, – парень протянул к ней руки, пытаясь обнять девушку и поцеловать.

Продолжая шептать о своих чувствах, он прижал её к себе. Ошеломлённая, она не слышала слов, срывающихся с его губ, их уносил ветер в глухую ночь.

– Андрей! – вскрикнула Шура и, упёршись кулачками ему в грудь, вырвалась из объятий.

– Прости меня, прости! – взмолился он.

Стараясь прекратить это безумство, Шура тихо, но решительно прошептала:

– Нам пора. Уже поздно. Мама будет волноваться. Наверное, все легли спать.

До дома молодые люди возвращались молча, уворачиваясь от порывов ветра и кружившейся снежной пыли, летевшей в лицо. Дивный вечер, начавшийся ровно и легко, закончился размолвкой. Андрей ругал себя за самонадеянность, за мечты. Сколько раз тихими вечерами, под стрёкот сверчка, ему грезилось, как он подходит к ней, обнимает и целует, целует её плечи, шею, волосы, губы, как она отвечает ему взаимностью... От таких мыслей юное сердце томно замирало. И вот сегодня наступил тот долгожданный миг, но чуда не произошло. В полном смятении он шёл теперь в дом, с такой близкой и вмиг ставшей такой далёкой Шурой.

Ольга не спала, поджидая дочь. Она лежала с открытыми глазами. Глядя в чернильную пустоту, думала, дума-

ла, думала... Странная тишина царила вокруг. В её душе давно поселился страх, с которым теперь постоянно жила: переживала за детей, за сокрытие постояльца, (не накличет ли он беду в их дом), за взрослую дочь (не совершит ли она безрассудных поступков). Ведь молодость способна на всё. Мысли женщины путались, набегая одна на другую...

– Чтой-то долго их нет. Не случилось ли чаго? Мятель на дворе, што ли? Вона как ветер с шумом да свистом носится по крыши.

Время тянулось так медленно, что Ольга потеряла счет часам. Только услышав, как с размаху хлопнула сенная дверь, подхваченная порывом ветра, мать поняла, что они вернулись.

Молодые люди, стараясь никого не разбудить, тихонько, не зажигая лампы, разошлись по своим местам: Шура – за занавеску к Нине, а Андрей – в подпол. Притворившись спящей, Ольга не стала задавать вопросов. Вскоре шумевшая за окном вьюга и тишина занесённого снегом дома погрузили её в сон...

Андрей всю ночь промаялся в своей подземной каморке, шагая при едва коптившем фитиле керосиновой лампы от стены к стене. Муки отчаяния от того, что девушка отвергла его, угнетали сознание. Мрачное помещение, где он обитал, вдруг сразу утратило своё очарование, которое он находил ранее, особенно если приходила Шура, шутливо и беззаботно болтая с ним. Холодной сыростью веяло из углов. Серые земляные стены тяжёлым грузом давили на плечи, грудь, где разливалась грызущая телесная боль. Всё прошлое в их отношениях померкло для Андрея. Ему хотелось скорее бежать

отсюда, бежать далеко-далеко: на фронт, к партизанам, куда угодно. Пусть его убьют! Зачем жить? В голове стучала только одна мысль: «Что я наделал? Что я наделал?»

Наступило утро, а он всё ходил и ходил, стиснув до боли зубы. Услышав, как заскрипели половицы над головой (это Ольга Михайловна готовилась топить печь), присел на топчан. Прошедшая ночь истощила его. Не было сил начинать новый день. Свернувшись калачиком, укрыв голову тяжёлым ватником, он словно провалился в тёмную пустоту.

Шура, от бередивших душу признаний Андрея, забылась тревожным сном глубоко за полночь. Но услышав, что мать растапливает печь, гремя заслонкой и ухватами, тут же встала. Наскоро собравшись, уложив косы, начала помогать матери наливать чугуны водой, с вечера заправленные бураками да картошкой. Ольга, увидев, как дочь прячет взгляд, не решилась расспросить о ночной прогулке. Глядя на неё нарочито безразлично, она с наслаждением затянулась долгим, глубоким зевком, выказывая полное равнодушие к настроению дочери, зная наперёд, что та ей всё равно ничего не расскажет.

Разговаривая полушёпотом, чтобы не будить младших, немного погодя они вышли во двор. После холодной ночи от позёмистого ветра все ступеньки крыльца были в снегу. Сочно пахло свежим снегом. Небо мягко туманилось белёсой дымкой, обещая тихую погоду. Морозец прочно заковал лужицы во дворе, а земля, черневшая ещё вчера от следов домочадцев и редкой пернатой живности, лежала под тонким прозрачным покрывалом из мелкого снега. Нахохленные воробьи, вынырнув из застрехи, возбуждённо

чирикаая, сбились в стайку у двери закутки. Они пытались найти в рассыпанной соломе хотя бы немного зёрен. Шура, увидев мелких воришек, шутливо взмахнула рукой. Пташки, как по команде, ф-р-р... разлетелись в разные стороны.

В саду, при полном безветрии, безмолвно склонились под снежной порошей пожухлые метёлки полыни. Серый купол небосвода словно пронзался рыжими лучами зимнего солнца, обозначая восход. Раннее утро отсчитывало свои последние часы. Не верилось, что где-то идёт война...

Управившись во дворе, набрав хвороста и поленьев, запорошенных снегом, мать с дочерью, возвращаясь в хату, впустили кота, ластившегося к ногам распушившейся от мороза шерстью.

Стояла тишина. Только под сводами печки, потрескивая, сипели горевшие дрова, бросая всполохи пламени на загнетку. Дети спали, а жилец ещё не поднимался наверх. Ольга развязала тяжёлый шерстяной платок и фартук, обхватывавший её талию поверх зимней телогрейки. Молча сняла тёплую одежду, повесила её на алюминиевый крючок, ещё Иваном прибитый на деревянную доску к стене. Поглядывая на пасмурное лицо дочери, как бы между прочим, с лёгкой усмешкой в голосе, заметила:

– Видна, прагуляв учёра дапазна твой бальной, а тыепера вона спить, никак ни проснётца.

Дочь промолчала.

– А не паругалися ли вы часом? Ты ж и обидить могёшь. Табе што если не так, дык ты вмиг вспыхнишь, як порох.

Шура, поджав губы, недовольно откликнулась:

– Больно надо!

Мать, заметив перемену в голосе дочери, утвердилась в догадке. Решила не вмешиваться, не спрашивать её.

Опустив печную заслонку на пол, она принялась кочергой поправлять красно-золотые поленья, постукивая и поднимая фонтаны фиолетово-оранжевых искр. Повозившись, задвинула в устье печи закопчённые чугуны, чтобы сварить в них постную кашу да жидкую похлёбку.

Шура уселась штопать штаны Николая, порванные на днях. Накладывая на прореху стежок за стежком, затаив дыхание, прислушивалась к звукам в подполе. Треск горевших в печке дров мешал уловить хоть какое-то движение в жилище Андрея. Когда Ольга зачем-то вышла из хаты, она, сорвавшись с места, в один миг оказалась у лаза. Замерев над входом, девушка ощутила зловещую тишину... За дверью сенец слышались шаги матери. Шура тут же быстро вернулась к своей работе.

Волнение девушки не проходило. От напряженного дыхания ситцевая с оборкой кофточка часто поднималась на груди. Утренний свет озарял тревожное лицо, на котором темнели брови и подрагивающие ресницы. Щёки пылали, как с мороза, а иголка в руке уже не раз проколола палец до крови. Ольга, заметив рассеянность Шуры, спросила:

– Што ето ты так долго капаесси? Ужо пора бы закончить, а то дык до обеда будишь сиднем сидеть. Коля праснувся, да и остальные ужо не спать. Иди закрой хату на засов, да зови Андрея, будим снедать.

Шура резко встала. Не зная, куда деть руки, одёрнула ими подол юбки и пригладила волосы на височках за уши. Неуверенно подошла к лазу, склонившись, тихо позвала:

– Андрей?

Ответа не было.

– Андрей!?! – чуть громче и настойчивее произнесла девушка.

Из темноты отозвались:

– Шура, это ты?

– Я, я. Иди за стол.

– Вы ешьте без меня, я пока не хочу, – каким-то чужим голосом проговорил он.

– Мама кличет, – чеканя каждое слово, добавила она и вернулась к столу.

Услышав знакомый, ставший до боли родным голос, Андрей подумал, что не так всё плохо, как он представлял себе ночью. Не надо отчаиваться. К нему вдруг вернулась слабая надежда на какое-то счастливое завершение всех его терзаний.

Повременив, он быстро встал и вылез из подпола. Подоздоровался, сполоснул лицо прохладной водой, нервно причесал чёрные волосы, присел к столу. Ольга широко улыбнулась ему, но посмотрела как-то особенно, словно желала заглянуть в его душу. Андрей ел молча, скорее даже машинально, хотя откликался на всё, что предлагала ему хозяйка дома. Поблагодарив за еду, наморщив вдруг лоб, словно что-то вспомнил, поспешил скрыться в своём жилище.

Шура, наблюдая за происходящим, не могла для себя ответить, что будет дальше. Сердце её дрожало... Парень был ей интересен: он умён, у него ясные, добрые глаза, красив. Живо вспоминалась их беззаботная болтовня, споры, но огромное чувство щемящей душевной боли закралось от его вчерашнего признания. Оно застало её врасплох. Чувство материнской заботы о нём никак не вязалось с той взаимностью, которую ждал молодой человек. Чтобы не терзать себя мучительными вопросами, решила оставить в их отношениях всё как есть.

Тем не менее время шло, бежали дни, полные тревог и мирских забот в немецкой оккупации. Андрей и Шура пережили первые муки размолвки. Постепенно девушка привыкла к его многозначительным взглядам, ненавязчивым ухаживаниям.

Однажды, в безмолвной зимней тиши позднего вечера, оставшись в доме одни, Андрей не справился с огромным чувством любви, а Шура от какой-то девичьей безысходности или мимолётной душевной доброты поддалась силе телесного желания, переходящего в блаженство и восторг, захватившего их своим единением. Ничто не нарушало в этот миг их союз. Прохладный воздух хаты едва качал язычок пламени в керосиновой лампе. Угловые тени от развешанных вышитых полотенец затаённо лежали неровными бликами на потолке. На занавеске, оставив вокруг себя тончайшую блестящую пыль, тихо сидела, застыв в зимней спячке, одинокая ночная бабочка, похожая на комок серого шёлка, словно боялась пошевелиться... Затеянность молодых людей в огромном мире за стенами деревенской хаты они ощутили как великое счастье...

Лет кружение

Зима с вьюгами и метелями, с позёмками и снегопадами, с седыми морозами и серым, снеговым небом уже властвовала во всей округе... Волнительные дни как будто летели. Шура, опасаясь последствий от близости с Андреем, теперь старалась не быть с ним наедине. Когда вместе с односельчанами мать уходила заготавливать дрова или в

соседнюю деревню разжиться едой, девушка находила повод оставить в доме кого-нибудь из младших. Андрей безмерно страдал от этого, тем не менее, уважительно относился к намерениям Шуры, замечая мимолётные перемены в её настроении: то она шутила, а то глаза беспричинно наполнялись обидчивыми слёзами.

Вскоре девушка почувствовала, что от запаха варева, печного дыма, даже порой от свежего воздуха её начинало мутить, а по утрам одолевала сонливость. Вначале она не придавала этому значения, думая, что всё происходит от усталости, а то и просто от нехватки солнечного тепла. Но в какой-то момент догадалась о причине. Охваченная страхом неизвестности своего будущего положения, замкнулась в себе, стала больше работать. В одиночестве на задворках старательно выгребала снег, чистила и без того ухоженную мелкую скотину – прижившихся двух овечек да молодую козочку...

Ольга Михайловна заметила перемены у дочери. Даже под широкой кофтой фигура её заметно располнела, под глазами обозначалась лёгкая синева, а за столом она ела совсем без аппетита. Выбирала больше солёные огурцы да кислую капусту. Опытная женщина обо всём догадалась, но не хотела этому верить. На днях, побывав в Лапино, получила по какой-то случайности, с оказией, в адрес дочери два письма от Петра, написанных им ещё задолго до немецкой оккупации. Не заглядывая в будущее, она искренне порадовалась, что не отдала дочери эти письма, думая, что поступила правильно.

Выждав подходящий момент, когда Шура чистила закуток козы, мать, строго взглянув на дочь, спросила:

– Ужо не тяжёлая ль ты, Шурк?

После недолгой паузы, та стыдливо склонила голову, а хриплые, еле сдерживаемые рыдания подтвердили предположения Ольги. Материнское сердце сжалось. Она посмотрела в сторону хаты. – А йому гаворила?

Шура, прикусив губу и утирая слёзы, отрицательно замотала головой.

– Значить, как любитца, так умести, а как рябёнка рóдить, так одна? А ну-ка, подь со мной, – властным голосом приказала Ольга, направляясь в дом, – ишь ты, не казала ничего! Скрамница нашлась... – негодуяще приговаривала она.

Поставив у стены грабарку, Шура, еле переставляя ноги, двинулась вслед за матерью.

Андрей и Коля, сидя на деревянном конике, вырезали в соседнее село заготовки из липы для иконостаса. Увидев заплаканную Шуру в сопровождении сердитой матери, Андрей встал им навстречу. Машинально стряхнув с колен остатки пахучей золотистой стружки, парень взволнованно спросил:

– Что-то случилось?

Ольга, обратившись к сыну, сказала:

– Коль, выйди из хаты, пагуляй малость, тута взрослым поговорить треба.

Тот, не раздумывая, как будто только и ждал этого, схватил с печки валенки, сушившиеся с вечера, быстро сунул в них ноги, натянул шапку и, надев на ходу отцовский зипун, быстро исчез за дверью, впустив из сенец пар колючего морозного воздуха. Андрей не двигался с места, чувствуя, как предательски багровеют уши.

Ольга без вступления сразу обратилась к парню:

– Шура родить, как бы нам тяжело не было, ребёнка выходим, а вот ты што нам скажишь?

Молодой человек замер. В его взгляде отразилось неподдельное удивление, однако в ту же секунду лицо его засветилось счастьем, какое может быть только у любящего человека.

– Ребёнок!? Ольга Михайловна! – запинаясь, покраснев от волнения, срывающимся голосом произнёс он. – Я, я... не знал... я, я... так рад! Я так... я очень...

Его кадык от волнения заходил вверх, вниз, а на лбу появилась испарина. Кое-как собравшись с духом, в повисшей тишине проямлил:

– Я люблю Шуру. Это очень хорошо, что будет ребёнок. Шура, я... – Ольга Михайловна, вам... нам не будет тяжело. Я... Мы будем вместе его поднимать!

Немного боязливо протянул руку, взял девушку за запястье. На радость ему, Шура её не отняла. Неожиданно для себя, запинаясь от волнения, выпалил:

– Ты согласна пойти за меня?.. Замуж...

Помедлив, Шура тихо ответила:

– Да.

Андрей повернулся к её маме и уже окрепшим голосом добавил:

– Ольга Михайловна, закончится война, я не буду скрываться, как сейчас. Мы обязательно поженимся, у нас будет своя семья.

После этого разговора в доме для Ольги и Андрея словно всё расцвело. Весна, задерживаемая холодами, вдруг хлынула в окна ярким солнечным потоком, на который нельзя было взглянуть без боли в глазах. Ослепительным золотым лучом он проникал сквозь мутные стёкла, играл на цветастых занавесках, озаряя всё пространство комнаты. Почудилось, что за

окном от весеннего припёка как-то по-другому завохтали куры. В воздухе разлилась та особенная свежая чистота, которая наполнила сердца каким-то бодрым, новым ощущением, предсказывая мирный, ясный диалог после долгого, затянувшегося молчания. Обдумывая неожиданное событие, каждый из присутствующих непременно надеялся испытать доселе неизведанное счастье.

Шура, стоя у стены, почти безучастно слушала мать и Андрея. Её густые смоляные волосы расходились двумя косами, выделяя белый, как мел, лоб. Глаз не было видно, девушка их не поднимала. Длинные ресницы дышали влагой, а на бледных щеках поблёскивал невысохший след от слёз. Губы, чуть припухшие от беременности, ничуть не портили красоту девушки. На несколько мгновений она словно застыла. Мать, окликнув её по имени, заставила Шуру поднять голову. Девушка вдруг вспыхнула и, смущаясь, улыбнулась...

Их диалог вскоре нарушил шум за стенами хаты. Понесся нараставший гул самолётов. Немецкие бомбардировщики тяжёлым рокотом моторов вмиг напомнили о затянувшейся войне.

Люди даже в посёлке понимали, что скоро должны были наступить в боях решительные перемены. Страна, сосредоточив силы на первом этапе войны, добилась некоторых побед над фашистами. Для обороны столицы в Подмоскovie перебрасывались новые войсковые части. В одной из них в составе 134 артиллерийского полка 172 гвардейской дивизии сражался и Пётр. Командуя взводом, получил там своё первое боевое крещение. За мужество и

героизм, проявленные в боях, он был награждён первой боевой наградой – орденом Красной Звезды.

Не получая весточек от Шуры, не зная, что с ней, Пётр ожесточался против врагов, понимая, что с оккупированной территории вряд ли можно было послать письмо на фронт. В промежутках между марш-бросками, в перерывах между боями всё равно ждал заветный треугольник, думал о Шуре, переживая, ждал ответы. Не знал он, что Ольга Михайловна не торопилась отдавать дочери его письма, взятые у почтарки, как не знал и о смерти матери, заживо сожжённой фашистами.

Наступившая весна 1942 года, вместе с ожившей после зимы природой, добавляла людям терпения, несла с собой надежду на победу. Радовал посиневший, набухший от воды снег. Разом почернели, запарили просыхающие соломенные крыши. В Пукосино зашумели, весело зажурчали в протоках, по канавам пенистые ручьи, устремляясь с крутых холмов в гостеприимную Адарку. Вскоре вместо покрытых бурым месивом дорог обозначались будущие тропинки, а сквозь старую прошлогоднюю траву стала пробиваться нежная, молодая поросль. Окутались зелёным туманистым облаком ракиты и тополя, что росли вдоль посёлка по берегам реки.

Селяне готовились к весенним работам. По крохам собирали семена и высевали в землю, вскопанную лопатами или распаханную на отбракованных немцами лошадях. Но чаще впрягались в плуги сами, чтобы успеть посадить и посеять вовремя. Работали от темна до темна ради куска хлеба, который ценили больше всего.

Картошку сажали зачастую очистками, вырезая «глазки», а из остатков и мелких клубней варили снытку – жидкую похлебку, вперемешку с травой. Пекли «тошнотики» из перезимовавшей в поле картошки, случайно оставшейся с осени. Большие семьи голодали.

Шура почти не помогала работать на огороде, ей было трудно нагибаться. Андрей всячески оберегал её, но выходить из дома по-прежнему не мог, скрывался. К Пасхе, которая в этот год была поздней, он смастерил деревянный иконостас. Втайне от старосты старики установили его в церквушке во имя Рождества Пресвятой Богородицы в селе Лапино. Белокаменная Божья обитель, отсвечивая ярким куполом, стояла на высокой полугоре, у каменистой дороги на Пукосино. Немногочисленные селяне, несмотря на тяжёлое время, придя в праздничный день в церковь, тихо любовались умелой работой неизвестного мастера, разглядывая резное кружево. Пришедшие, не стесняясь, усердно молились, прося защиты для родных.

Люди радовались возможности собраться вместе. Им нравилось даже шарканье собственных ног по деревянному настилу. Выходя из полумрака церкви на паперть, щурились от яркого дневного света. Христосовались, вполголоса обсуждали новости с фронта.

В вышине майского неба, выплыв потоками из-за горизонта, двигались кипенные облака, похожие на кучи недавнего зимнего снега. Весенние прохладные ветры пахли свежей травой. На двух берёзках перед домом, что посадили Петя и Шура два года назад, уже разлупастились липкие душистые почки. Луга подёрнулись зелёными кочет-

ками дикого шалфея и жёлтыми звёздочками одуванчиков. Отовсюду вылезла трава, её некому было ни есть, ни топтать. Скотины в деревне почти не осталось.

Шура, к этому времени отяжелевшая от беременности, всё чаще засиживалась на скамейке у стены дома, прямо под окнами, с отремонтированными и обновлёнными Андреем ставенками. Отрешённо слушала, как среди зарослей, у края выгона, будто пробуя голос, кукует кукушка... Частенько погружённая в свои мысли, она не замечала ничего вокруг, только рука, лежавшая на животе, иногда слегка подрагивала от готовившегося появиться на свет ребёнка...

Май радовал щедрыми грозовыми ливнями. Дожди укрывали землю сплошной пеленой парящей теплом влаги, так необходимой для всего живого. Извергаясь с небес крупными, похожими на горох, каплями, выбивавшими неумолчную дробь по оконному карнизу, вода шумными потоками хлестала по крыше дома, сливаясь по жёлобу в давно переполненную бочку.

В один из таких дней, ближе к вечеру, Ольга возвращалась домой из соседней деревни. Задиристый ветер, зло шествуя по траве, с силой поднимал пыль, трепал на ней одежду. Туча, так внезапно накатившаяся с юга, веяла весенней прохладой озонистой душистой грозы. Она целиком заволокла небо. Стало совсем темно. Первые крупные капли дождя застали Ольгу посредине улицы, ведущей к дому. Вслед за ними непрерывно засверкали молнии, их иссиня-голубой свет всё ярче и чаще озарял грозно шумящие деревья, которые гнулись почти до самой земли. От раскатистого удара грома содрогалась земля. Хлынувший дождь поливал как из

ведра. Ветер завывал все сильнее и сильнее, подгоняя Ольгу вперёд. Её косы упали на плечи, тяжёлые мокрые локоны заструились в порывах ветра, пугаясь и закрывая лицо.

При каждом всполохе на небесах страх сковывал всё существо женщины. Сердце замирало, а затем начинало бешено биться, вторя глубоко в груди очередному дребезжащему раскату грома. Она ускорила шаг и, прикрыв голову кофтой, снятой с плеч, перешла на бег. Не разбирая дороги, заспешила к своему подворью.

Промокшая до нитки, вбежала в дом, где её встретила настороженная тишина. Тусклый свет керосиновой лампы едва проливался над деревянным столом, расползаясь по стене неясной тенью. Притихшие дети сидели на печи, тревожно выглядывая с очёлка. Задёрнутые занавески на окнах скрывали бушевавшую стихию. Вначале мать подумала, что домашние напугались грозы и притихли, но, взглянув на Шуру, поняла истинную причину тревоги. Растерянный Андрей, подавшись всем телом навстречу Ольге, посмотрел на неё как на спасительницу. Шура с мучительным выражением на лице, подперев поясницу рукой, ходила взад-вперёд по хате, надеясь облегчить начавшиеся схватки.

Ольга, не понаслышке знавшая о рождении детей, заволновалась. Утерев лицо рушником, скрылась за шторкой, чтобы переодеться в сухое. Мысли матери металась в голове, как шумевший ураган за окном:

– Куды бжать? Каго прасить? Одна не управлюсь.

В душном полумраке хаты, в подпечье, зачурюкал сверчок. Отодвинув рукой занавесь, мать одернула юбку и обыденным голосом спросила у Шуры:

– Давно ето у тяби?

– Сразу после обеда заболела спина, а потом вот к вечеру появилась сильная боль, – морщась, ответила та.

– Тяперь значить пришёв час родиться вашему дитю, – обращаясь сразу к Шуре и Андрею, проговорила Ольга. – Тярпи, дощь, така наша бабья доля.

Видя, что схватки стали более частыми, она продолжила:

– Андрей, а ты не стой як стовб, иди вазьми кастрюлю пабольши, да поставь на керасинку. Грей воду. А я пабягу за помощью к Христи.

Пошарив рукой у запечья, Ольга вытащила полушалок, наинула его на мокрую голову. Не задерживаясь в хате, скрылась в тёмном проёме двери. Выскочив за порог, побежала в конец улицы к дому повитухи Христи, которая не раз помогала появиться на свет Олиным детям. Беспокоясь за дочь, несмотря на сырой ветер, бивший в лицо шлейфом просеянных капель дождя, и на кромешную темноту ночи, лишь изредка освещаемую голубоватыми отблесками уже поутихшей грозы с низко гремевшим громом, Ольга быстро, хотя почти на ощупь, дошла до нужного дома. Озябшими костяшками пальцев постучала в дверь. Света в хате не было, ей никто не отвечал. Прислушиваясь к тишине, она вновь с силой забарабанила кулаком. Через несколько минут, которые показались ей вечностью, послышались шаркающие шаги, а вскоре заскрежетал засов. В глубине веранды раздался испуганный голос хозяйки:

– Кто тама?

– Ето я, – Ольга.

– Що воно таке?

– Христа, – умоляюще произнесла Ольга, – пойдим до нас.

– А што стряслося?

– Дочка рожае, треба твая помощь, – умоляюще заговорила встревоженная мать, чувствуя, как явственно у неё ёкает сердце от возможного отказа постаревшей повитухи.

– Якая дощ? – недоверчиво спросили из-за двери.

– Дык моя, Шурка! – со слезами в голосе почти прокричала Ольга.

В темноте коридора что-то упало, послышались уходящие шаги:

– Я чичас, только аденуся...

Ожидая Христа, Ольга в лёгкой кофточке ёжилась от холодного ветра, молясь за дочь о благополучии. Совсем скоро вышла повитуха, и они вместе, помогая друг другу, дошли до подворья.

...В хате дети, словно птенцы в гнезде, сидели тихо, прислушиваясь к слабым стонам, доносившимся из-за занавески. Христа, намылив руки огрызком хозяйственного мыла, вымыла их горячей водой. Затем, вывернув побольше фитиль в керосиновой лампе, прямиком направилась за ширму, где на кровати, укрытая до подбородка одеялом, металась и стонала Шура. Намокшие пряди её волос прилипли ко лбу. Присев на край постели, повитуха оцупала огромный вздрагивающий живот.

Схватки продолжались всю ночь. Шура цеплялась пальцами за руку матери, комкала простыню...

– Тихоньки... тихоньки... потярпи, — говорила ей помощница.

Изредка Шура вставала, топталась по избе, при схватках опиралась на стол или на спинку кровати. Лежать ей становилось всё труднее. Ольга принялась подавать чистые тряпицы Христе, смачивала водой пересохшие губы.

Андрея отправили в подпол, чтобы не мешал и не видел мук девушки. Её страдания действовали на него удручающе. Повитуха без слов понимала, что происходит, она старалась, как могла, помогать.

В ожидании появления ребёнка соседка разговаривала с матерью на житейские темы, перебирала деревенские новости: кого убили, кто уехал на фронт, кто ушёл к партизанам. И Шура ненадолго отвлекалась от боли, ей становилось легче.

15 мая 1942 года, на рассвете, всё завершилось благополучно. Огласив слабым писком свой приход в этот мир, на свет появилась крохотная девочка, которую назвали Диной. Шуре, измученной родами, было удивительно слышать эти непривычные плаксивые звуки, казавшиеся какими-то таинственными, даже потусторонними... Она равнодушно слушала мать и Христю, хлопотавших вокруг ребенка. Когда они искупали малышку и завернули её в чистые пелёнки – позвали Андрея. От радости, что всё закончилось благополучно, он просто не знал, как себя вести: то заглядывал в сморщенное личико дочки, то подходил к жене, гладил её голову, то, что-то лепеча, благодарил женщин, помогавших родиться дочке.

Повитухе Ольга насыпала в подол фартука картошки, дала пяток яиц, припасенных для такого случая от двух молодых курочек, которых выменяла по весне на ведро картошки. Умоляла Христю никому не рассказывать о рождении дитя и её отца.

Со временем в деревне стало известно о внучке Оли Максименко, но добрые люди сохранили тайну, не донесли ни немцам, ни старосте об Андрее, потому маленькая девочка росла с родителями.

Через год после рождения Дины победа наших войск на Орловско-Курской дуге принесла освобождение Орловской области, а к сентябрю 1943 года части Брянского фронта во взаимодействии с партизанами освободили от оккупации её западные районы. Советские войска вошли в Пукосино со стороны Почепа. Услышав новость о приходе своих, люди выбегали навстречу красноармейцам. Бабы, причитая, обнимали и целовали солдат. Заглядывая в их усталые, счастливые глаза, расспрашивали о своих близких, ушедших на фронт, называли фамилии, – не встречались ли? Свали в руки хлеб, узелки с едой, приглашали в хаты. Бойцы отказывались. Наступление продолжалось, времени на передышку не было. Хватило только на небольшой привал у бывшего сельсовета. Собрали митинг, где молоденький командир пообещал гнать ненавистного врага до его логова и там уничтожить, чтобы больше никто и никогда не посягал на нашу землю.

Бабам не хотелось отпускать защитников. Но командир, устало взглянув на циферблат часов, которые вытаскил на цепочке из кармана-пистончика, отдал приказ на сборы. Построившись, солдаты двинулись в сторону трассы, ведущей на Унечу, изредка оборачиваясь и махая руками на прощанье. Пока освободители покидали деревню, за ними шёл весь народ, а вездесущие мальчишки, подзадоренные военными, ещё долго бежали впереди.

Следующий день выдался по-летнему солнечным и тёплым, пукосинцы решили отметить своё освобождение от немцев. Собравшись у репродуктора, закреплённого на столбе у правления, нарядно одетые, они впервые после начала войны слушали Левитана, читавшего сводки о наступательных операциях советских войск. Поздравляя друг друга, с надеждой говорили о скором возвращении близких с войны.

Порадоваться за победу пришла и семья Максименко. Вместе с Ольгой и её детьми был непонятно откуда взявшийся парень, явно не из их села. Сапоги молодого человека, с низкими голенищами, были точно не его, а скорее, Ивана. Волосы тёмного цвета, зачёсанные к затылку, подчеркивали иссиня-белый цвет лица, без единой кровинки. Плотные сжатые губы не шевелились, сдвинутые к переносице брови над ясными глазами выражали естественную удаль, даже какую-то отчаянную решимость.

На руках молодой человек нёс, судя по нарядному яркому платьицу, девочку. Её лицо было таким же светлым, как у него. Розовая шапочка, обрамлённая белоснежными кружевами, усиливала бледный цвет лица ребёнка. Глядя на малышку, облокотившуюся ручкой на плечо мужчины, чувствовалось, что она давно знала его, потому как не вызывала желания перейти на руки к кому-то другому. Уже потом пукосинцы узнают всю историю, случившуюся на подворье Максименко, а Андрея будут благодарить за изготовленный иконостас.

Спустя короткое время рядовой Щуревич отправился в военкомат, после проверки, получив недостающие документы, отправился на фронт. Вскоре от него стали прихо-

дить письма, а иногда небольшие посылки со сладостями и вещами для дочки.

Радость освобождения для жителей Пукосино сменилась тревожными ожиданиями запоздалых известий о пропавших без вести, о погибших смертью храбрых на поле боя. Вновь получали письма от тех, кто по-прежнему сражался. Прибывали треугольные конвертики с весточками для Шуры от Петра, но Ольга, втайне от неё, старалась перехватить их и не показывать дочери.

Между тем война удалялась, наши войска освобождали один город за другим. Пётр, вместе со своей частью, шёл дальше на запад, продвигаясь с боями, участвовал в освобождении не только своей территории, но и Польши, Чехословакии, а также в разгроме немецких захватчиков на территории фашисткой Германии. Он давно освоил премудрости налаживания и обеспечения проводной связью армейских подразделений. С тяжёлой катушкой семижильного кабеля за спиной, с телефонным аппаратом в деревянной коробке на боку, с полной боевой выкладкой он неустанно прокладывал связь, прячась от вражеских пуль и обходя мины. Быстро разматывал, наращивая концами километровые телефонные линии, не менее профессионально собирал провода, передислоцируясь на другое место. Приходилось участвовать в открытых боях с фашистами. Его боевые заслуги Родина отметила Орденом Отечественной войны I степени, Орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За доблестный труд и отвагу».

Война раз за разом оставляла на теле отважного Петра свои отметины, но, залечив раны, он возвращался на

фронт. В 1944 году его направили на краткосрочные офицерские курсы. После их окончания Пётр вернулся в действующую армию парторгом 3-го батальона 338 гвардейского стрелкового полка 117 гвардейской стрелковой дивизии. Войну Пётр закончил в Берлине, но победный май 1945-го не завершил его военную службу. Вместо возвращения домой офицера направляют в Западную Украину, где обстановка требовала присутствия советских военных.

Возвращение

За годы войны Пётр почти совсем потерял связь с родными. Перед отправкой на новое место службы он подаёт рапорт командованию на предоставление ему краткосрочного отпуска. Оторванный от своих корней, опалённый войной, юноша всей душой стремится домой. Ему хотелось поскорее узнать, что с родителями, как Шура, школа? После обустройства в Бердичеве, в конце мая Пётр, наконец-то, едет в свой первый отпуск после шести лет службы.

Трясаясь на перекладных, качаясь в вагонах, проезжая станцию за станцией, он приближался к Почепу. Из поезда, озарявшего станции цепью огненных глаз, даже в сумерках, он видел разорение, оставленное войной. Сердце щемило от боли, стал много курить, выходя из вагона на полустанках. Незнакомые люди, чаще это были женщины, с затаённой надеждой спрашивали: кто он, откуда, где служил, не встречал ли там, на войне, их сына, отца, мужа, показывали фотокарточки родных довоенных лет... Пётр делился махоркой с инвалидами, для которых железнодорожные станции стали временным домом, где они кормились или побирались, копя деньги на дальнейший путь к родственникам.

Дорога к дому была тяжёлой, но Пётр рисовал в воображении картины долгожданных, радостных встреч. Сидя у открытого окна вагона, вспоминал, как шёл на запад, скольких товарищей потерял в этой страшной войне, думал о том, как повезло ему остаться в живых...

Жмурясь от острого наслаждения, лейтенант вдыхал запахи летней земли, зреющих трав. Мелькавшие за окном пейзажи глубоко бередили душу возмужавшего Петра. Улыбаясь, он представлял глаза Шуры, проводившей его когда-то в армию, её шелковистые волосы, заплетённые в две тугие косы. В сердце словно разливался мягкий свет, а предстоящие встречи туманили мысли.

...Ему даже не мешали разговоры попутчиков, устроившихся за откидным столиком вагона напротив. Один из них, долговязый мужик, с маленькими зеленоватыми глазами, в стоптанных ботинках непонятного цвета, шумно рассказывал своему соседу о послевоенных ценах на продукты, шурша газетными листами не первой свежести. Другой, ясноглазый и добродушный, с деревянным протезом вместо ноги, по разговору, потерянной на фронте, блаженно улыбался, согласно кивал головой с коротко остриженными волосами. Опершись на костыль, он прислушивался сквозь стук вагонных колёс к рассуждениям и рассказам мужика.

На столике подрагивала початая бутылка водки и один стакан на двоих. Лежала нехитрая закуска: два надломленных кренделя, пучок зелёного лука да небольшой кусок пожелтевшего сала. Время от времени мужики плескали в стакан бодрящей жидкости. Выпивали по очереди, крикая от удовольствия, на миг замирали от огненной стихии,

разливавшейся по всем внутренностям. После закуски, немного ошалев от выпитого, они с новой силой продолжали свои рассказы о прожитом, сонно шевеля бровями и плохо соображая, кто кому жалуется на свою жизнь... Иногда, неподвижно и тупо остановив взгляд на Петре, попутчики предлагали ему выпить, но Пётр старался не вникать в их разговоры, не единожды отказываясь от приглашения поделить с ними затянувшийся обед.

Безмятежное волнение зреющих под июньским солнечным небом мирных хлебов, тени от вагонов, плывущие по земле, поросшей бледно-серебристым бурьяном, притихшие тропинки у дорог, убегающие от полустанков в перелески, зыбкая дрожь парева над землёй у манящего к себе горизонта, – всё это, как ни странно, пробуждало воспоминания о тревожных фронтовых буднях. Виделась сырая, вздыбленная от взрывов земля, болотные, расхристаные снарядами трясины, заминированные улицы городов, катушка на спине, с которой он бежит только вперёд с надеждой и верой в скорую победу.

В очередной раз, оказавшись на перроне вокзала, Пётр отвлекался от воспоминаний, утопая в людских голосах и множестве других звуков мирной жизни, забытых на войне. Его по-детски радовало всё вокруг: объявления о прибытии и отправлении поездов, снующие пассажиры, дети и старухи, предлагающие товар. Трогали до слёз даже художные лошадёнки с грустными глазами, медленно тянувшие грязные телеги под окрики возниц, сидевших на них рядом с грузом и дергавших верёвочными вожжами, как бы стараясь помочь немощной животине.

От Почепа, где пешком, а где на попутной подводе, Петя во второй половине дня наконец-то добрался до Заречья. Родительский, побелённый мелом дом с двух окнами на улицу за эти годы как будто врос в землю, стал ниже. Волнуясь, он отворил калитку. Его глазам предстала мирная картина: во дворе, в пыльной ямке среди выбитой ногами травы, как и в довоенное время, копались и лежали на боку куры. У сарайчика на растянутую верёвку развешивала бельё старшая сестра Маруся. Завидев военного ещё издали, она с тряпкой в руках подалась вперёд, боясь разочароваться в догадке. Только когда Петя, возмужавший за годы службы, широко улыбаясь, вошёл во двор – она сорвалась с места. От радости запричитала, обливаясь слезами, стала обнимать и целовать его. На шум из хаты выбежали Наташа и Дуся, а следом – взволнованный отец. Счастью не было границ. Не хватало только мамы. Петя знал из послевоенного письма сестры о её гибели. Знал, но не хотел в это верить. Оглянулся вокруг, словно надеясь всё же увидеть мать. Запинаясь спросил:

– Это правда?

Наступила тишина.

Отец ладонью коснулся глаз, смахивая появившиеся слёзы. Сёстры, потупившись, молчали. Немного погодя, волнуясь, Маруся рассказала всё, что знала о том страшном дне только понаслышке от других, потому что сама в то время была в партизанском отряде. Установилось короткое молчание, которое нарушила Дуся, предложив пройти всем в хату. Уже в доме Тимофей, немного успокоившись от нахлынувших воспоминаний, продолжил разговор, начатый Марусей:

– Ходив я туды опосля, як немца вытурили. Топтався довго там по пожарищу, искав косточки Матрёны. Хатев привязати их в Заречча и пахаранить. Да где тама! – воскликнул он с горечью в голосе. – Проклятые хвашисты вси спалили. Тяперь только один бурьян растеть.

Он глубоко вздохнул, закурил самокрутку, а другую предложил Петру. Шумно выдыхая горький дым, Тимофей продолжил:

– Пасабрав я тады трошки зямли вместе с косточками с таго страшного места да упаковил их в Заречче. Ляжать они таперича под холмиком, близь родственников на нашем пагосту. Хажу к нёй под бярёзки, наведываюсь. Калхоз позжа усё, что тады осталось от сгаревших в том палыме, перезахаронив в братской магилке.

Часто заморгав ресницами, он опустил глаза, замолчал... Пётр слушал отца, не перебивая. Дрожащей рукой не один раз расстёгивал и снова застёгивал душивший его ворот гимнастёрки. Докуривая едкий табак в скудно освещённой горнице, он выглядел уставшим. Без матери было пусто и мрачно в отцовских «хоромах».

Мало-помалу семейные разговоры зашли о жизни, они продолжались до позднего вечера, пока не разошлись спать. В хате хорошо пахло по-домашнему знакомыми с детства духовитыми запахами брянского маминого хлеба, воишины, дубовыми стружками... Но Петя долго не мог заснуть. В ночной тишине тревога томила душу после рассказов сестёр о скором замужестве и переезде к мужьям, о желанном приходе в дом мачехи, которую они, боясь оставить отца одного, присмотрели в дальней деревне.

Вглядываясь в знакомые очертания хаты, Пётр осознавал, что теперь его здесь ничто не держит. Он давно привык жить самостоятельно. Размышляя, соглашался с сёстрами в том, что отцу тяжело будет жить одному. Хотя для себя окончательно решил, что не останется в Заречье. Они вместе с Шурой построят себе дом на Украине или на Брянщине и будут растить там детей.

В непроглядной темноте хотел, чтобы скорей закончилась эта боязливо затихшая ночь ожиданий, а на рассвете попрощаться с родными и, уняв беспокойный стук лихорадочно бившегося сердца даже сейчас, при одном воспоминании о Шуре, отправиться к ней, чтобы забрать с собой.

Лишь ближе к рассвету Пётр забылся коротким сном. Привыкший на фронте мало спать, он ко вторым петухам проснулся бодрым и отдохнувшим. До отъезда из дома оставалось совсем мало времени. Собрав выдавший виды армейский вещмешок, небольшой чемодан с пожитками, выбрав несколько любимых книг и попрощавшись с родными, вновь надолго покинул родительский дом.

В путь решил отправиться пешком – через Гамалеевский лес и Валуец, надеясь во второй половине дня дойти до Пукосино. Выйдя из дома, напрямик направился на кладбище. Здесь было много могильных холмиков без оград, похожих между собой. Но одна, с крестом и дубовым, в два венца, срубом, удерживающим песчаную землю, выделялась своей ухоженностью. Здесь, рядом с умершей в малолетстве дочерью Верой, Тимофей предал земле останки своей Матрёны. Постояв в полном безлюдии несколько минут, погладив рукой гладкий прохладный крест и тяжело вздохнув, Пётр, не оглядываясь, широко зашагал, покидая зареченскую землю.

Летний денёк обещал быть солнечным. Тёплый ветер ласково касался Петиного лица, ерошил его седеющие волосы. Небо было чистым, лишь мелкие кучерявые облака еле-еле застывшими горками виднелись у самого горизонта. Воздух, напоённый ароматами трав, был чист и свеж. Шагая по лесной тропинке, любуясь природой родных мест, Пётр ощущал себя так, словно вернулся во времени назад – в юность, никогда не видевшую войны. Его радовало все: строевые сосны, величавые вековые дубы, верхушками уходившие в небо, колючие кустарники, пытавшиеся среди мрака леса отвоевать себе место под солнцем, дружные соцветия иван-да-марьи, куртинами разросшиеся на опушках вдоль дороги, и туманная дымка, что ласкала своей прохладой лоб и щёки Петра. Каждый цветок, каждая травинка утверждали мирную жизнь. Не нарушало радости встречи даже комарьё, столбом вившееся над головой, и мошкара, клубившаяся облаком на всём пути. Птичий гомон – от заливистого пения до томного стона – дополнял лесную идиллию.

Несколько километров от Заречья до Валуйца Пётр прошёл незаметно для себя. В душе сливались воедино разные чувства: тревога и любопытство, грусть и радость, желание покоя и жажда неизведанных впечатлений. Не только природа вольно и широко дышала ему в лицо, но даже ведущая вперёд дорога щедро дарила встречи со знакомыми и незнакомыми людьми, с их особым брянским говором.

В Валуйце, переходя через плотину, он вновь, как когда-то, с удивлением увидел теперь заметно постаревшего, но по-прежнему работавшего у механизмов электростанции Михаила. После добрых взаимных приветствий и рас-

спросов механик показал Петру подростские ракиты и вербы, высаженные для укрепления насыпи ещё весной 1941 года семиклассниками вместе с Александрой Ивановной.

Поправив на плече вещмешок, Пётр попрощался с Михаилом. Спустившись с насыпи, свернул под воздушную тень зелёных раquit, любовавшихся своим отражением в прохладном зеркале воды. За шесть лет деревья густо разветвились. Ветер шаловливо играл их ветвями, обнажая серебристую изнанку ивовых листьев. Остановившись под одной из них, он не мог насмотреться на знакомые, очень дорогие для него места, на широкую и такую родную гладь речушки... Здесь царила необычная тишина и покой! В окопах, среди рвущихся снарядов, он мог только мечтать об этом. Перебивая друг друга, беззаботно щебетали мелкие птицы, стремглав носясь над головой. Шёпот ветра, тихое журчание воды в реке пророчили ему счастье... Постояв ещё несколько минут на берегу, направился в школу.

Здание встретило гулким затишьем. Коридоры были пустынные. Только Пётр собрался постучать в дверь учительской, как та неожиданно распахнулась. На пороге появилась хлопотливая баба Маня. Отступив на шаг назад, она с трудом признала в бравом военном учителя истории, а когда разглядела, то кинулась к нему с радостными объятиями.

– Пётр Тимофеевич, родненький, это вы!? Сколько лет прошло!

Разволновавшись, она гладила Петра по плечу, прикасалась к наградам, висевшим на груди, а сама еле сдерживала слёзы. На шум вышел директор школы. За эти годы он сильно сдал, сгорбился и поседел, словно лунь. Нача-

лись расспросы. Новость о возвращении Петра Тимофеевича быстро облетела Валуец. Прошло совсем немного времени, как в школе собрались повзрослевшие ученики Петра, прибежала с дочкой Катя. Перед войной, окончив семь классов, она сразу же вышла замуж.

Расспросам не было конца, каждый хотел поговорить с учителем. Катя, озорная бестия, не могла не поинтересоваться:

– Пётр Тимофеевич, а как поживает Александра Ивановна?

– Да вот, еду за ней, чтобы увезти с собой к новому месту службы, – уверенно ответил Пётр.

Время летело быстро. Учитель засобирался в путь. Пожимая ему на прощанье руку, директор, сказал:

– Если что будет не так, возвращайтесь с Александрой Ивановной к нам в школу. Мне пора на покой. Передам тебе управление. Приезжай, будем ждать!

Растроганный встречами, Пётр решил на минутку зайти к Ивану, где квартировал до армии. Знакомая тропка быстро привела его к дому. Привычным движением руки он сдвинул деревянную, высохшую от времени щеколду на калитке и оказался во дворе присмирившего дома. Куры мирно рылись в остатках раскиданного у курятника прошлогоднего хоботья. Под цветущим кустом черёмухи, карауля наседку с цыплятами от воронья, сидя на старенькой скамейке, опершись на палку, дремала Степановна. Чтобы не испугать пожилую женщину неожиданным приходом, Пётр негромко позвал её по отчеству.

– Степановна? Здравствуйте!

Старуха вздрогнула и, повернув голову в сторону невесть откуда явившегося военного, приставила руку ко лбу, уклоняясь от лучей солнца, спросила:

– А ты кто? Чей будишь?

– Это я, Петя, жил у вас до армии. Учитель из Заречья.

– Петя... – протянула она, будто вороша память... – а...а... – вдруг оживилась, – Пётр Тимохвеевич?

– Да, я.

– Ты уже прости мяни. Я совсем сляпая стала. Не признала тебя, столько лет прошло!

Заёрзав на лавке, попыталась встать. – Совсем ноги не держуть, – добавила она в оправдание и смолкла. Покопавшись, достала из кармана широкой юбки, свисавшей подолом почти до земли, тряпицу, стала ею утирать влажные глаза на морщинистом лице.

– Да вы сидите, сидите! – стал успокаивать её Пётр, опустившись перед ней на корточки. – Я еду в Пукосино к своей невесте Александре Ивановне. Помните её?

– Помню, а как же. А ты, зная, не забыв её, раз через столько лет едишь за ней.

– Не забыл. Всю войну помнил.

– Хороший ты хлопец. Красавиц! Что ж, паяжжай.

– Я ещё хотел увидеть дядю Ивана и тётю Нину.

– Где ты их увидишь, они у колхоза работают. Тута только я одна сижу.

Помедлив, Пётр сказал:

– Тогда я пойду. Свидимся в другой раз.

Опустив руку в вещмешок, Пётр достал две пачки папирос и кулёк с пряниками.

– Степановна, передайте вашим поклон да небольшой гостинец от меня, – с этими словами Пётр положил в фартук подслеповатой женщине подарки.

– Спасибо, спасибо, усё передам, – заверила бабушка, и добавила, – у добрый час тебе.

Прощавшись, с волнительным чувством в груди, Пётр не оглядываясь, вышел со двора и зашагал в сторону Пукосино. Через несколько часов он был перед въездом в деревню на знакомой дороге, что спускалась в ложбину, по низине которой неустанно несла свои прогретые ласковым солнцем воды Адарка. На противоположном её берегу, не-вдалеке за деревянным мостиком, неясными из-за зелени деревьев очертаниями, выступали коньки разномастных крыш домов, чувствовалось, что вокруг каждого из них теплилась жизнь. Покоем и дрёмной покорностью дышали они, отзываясь теплом в груди Петра, нагоняя горячие мысли. Всё же ощущение неизвестности и неопределённости от предстоящей встречи рождало какое-то неясное волнение, оно возникало и нарастало где-то в глубине души. Скорее бы увидеть её...

Петру вспомнилось, как они вместе с Шурой шли в Покусино, как возвращались обратно. Дорога показалась ему сейчас немного уже, чем тогда, шесть лет назад. Это было время начала их любви, ещё ничем не омрачённого счастья, доверия, юношеской нежности и радости. Сегодня по деревенской улице, с чемоданом в руке и с вещмешком через плечо бодро, довольно уверенно шёл другой Пётр. Армейская форма подчёркивала его военную выправку, а награды, позвякивая на груди, ярко пересвёркивали под лучами летнего солнца. Он беспрестанно посматривал на домик, стоявший на взгорке улицы.

На подходе к хате Пётр на мгновение испытал безотчётный страх: вдруг Шура там больше не живёт? Отбросив

сомнения, подумал, что самое страшное позади: война закончилась, а вместе с ней и разлука с Шурой. А значит... его ждёт новая жизнь. Но какой она будет? От этой мысли кровь в висках зазвенела певуче и сильно...

Горький вкус любви

У знакомого дома он ещё издали увидел две берёзки-подростка. Проходя мимо, Пётр зацепил рукой ветви одной из них. Она как будто вздрогнула от прикосновения, откликнулась тонким растревоженным ароматом свежих листьев. Калитка на высоких шулах точно так же, как когда-то, тихо скрипнув, впустила Петра во двор.

В конце тропинки, что пролегла среди аккуратных грядок, прямо под окошком, с распахнутыми ставнями, сидя на зеленой лужайке, играла маленькая девочка. Светлая косынка прикрывала её головку от полуденного солнца, освещавшего загорелое детское личико. Увидев незнакомого человека, ребёнок, поджав губки, громко заплакал.

– Не плачь, – только и успел сказать Пётр, поравнявшись с девочкой, как из дома выбежала Шура, на ходу вытирая руки о разноцветный передник. Увидев Петра, она застыла на месте. Вцепившуюся в её подол девочку взяла на руки и прижала к себе. Успокаивая больше себя, стала машинально гладить её по спинке. Молча, широко открытыми глазами женщина неотрывно смотрела на внезапного гостя. У Петра промелькнула мысль, что Шура вначале хотела убежать, но не смогла, может, от неожиданности, а может, от чего-то неизвестного для Петра.

Шура стала другой. Уходя на службу, он запомнил её худенькой, юной девушкой. Теперь же перед ним стояла

молодая женщина. Словно бутон, долго копивший свои силы, она расцвела, став необыкновенно нежной. Все в её облике притягивало Петра: убранные под косынку волосы, округлившиеся руки, лёгкое летнее платье, не скрывавшее очертаний крепкого молодого тела. Даже в глубине её огромных тёмных глаз притаилось что-то новое, непостижимое для мужчины – нечто такое, что знают, наверное, только счастливые матери. Водоворот чувств захлестнул Петра с головой, лишил дара речи. С трудом справившись с собой, он медленно опустил чемодан на землю. Не смея двинуться дальше, хрипло произнёс:

– Здравствуй, Шура! Вот я и вернулся...

Слёзы вины, а может быть, счастья, хлынули из её глаз. Явно застигнутая врасплох, она не знала, что делать, что говорить, хотя понимала, – это Петя, её Петя, сильный и возмужавший, глядит на неё, ждёт ответа на незаданный вопрос...

В этот поздний утренний час Шура хлопотала по хозяйству одна: мать была на работе, а младшие братья и сестра – в школе. Помочь с ответом ей было некому.

– Здравствуй, Петя, – тихо произнесла она, оглядываясь, будто ища поддержки, – заходи в дом. Чего стоять на улице.

И беззащитно, вздрагивая покатыми плечами, поднялась на крыльцо с дочкой. Откинула рукой висевшую на двери занавеску, без слов увлекая за собой Петра. Подхватив чемодан, он двинулся следом. В чистой горнице было всё так же, как вспоминалось ему в передышках между боями: печь с грубкой, накрытой домотканой дорожкой, рушники. Добавилась лишь детская деревянная кровать с резными ножками.

– Ты хотя бы написал, что приедешь, – сказала Шура, повернувшись к нему вполборота и прижимая к себе дочь.

– Я тебе писал всю войну, – твёрдо ответил Пётр.

– Я не получала твоих писем.

– Не может быть.

– Я правду говорю. Не получала! – с надрывом в голосе проговорила Шура.

– Мне мама приносила, – запнувшись и словно выдохнув, договорила, – другие письма.

Петя больше не стал настаивать, догадавшись, кто получал его письма.

Чтобы только не молчать, он начал сбивчиво рассказывать, где служил, как лечился в госпиталях, чем жил. Вспомнил прошлое, общую мечту, осуществить которую помешала война.

Шура, слушая его, понемногу успокоилась, а затем поведала свою историю, ничего не скрывая. Пётр, не перебивая, опустив глаза, спокойно, даже немного отрешенно, выслушал её исповедь. Лишь два бугорка сжатых мышц на его скулах еле заметно двигались вверх и вниз, выдавая внутреннее волнение.

Как только Шура замолчала, на какое-то время установилась пауза, повисшая в напряжённом воздухе. Противоречивые чувства боролись в душе Петра: гнев, обида, ревность... и любовь. Не хотевший верить во всё произошедшее, Пётр медленно поднял голову и посмотрел в глаза девушки. Иссиня-черные, глубокие, окаймлённые мягкими ресницами, они как два омута притягивали его ещё с большей силой внезапно обострившегося чувства любви, смешанного с внутренним негодованием. Вопрошающий взгляд девушки мгновенно подтолкнул Петра к оконча-

тельному решению. Гордый лейтенант, как и прежде, был опьянён её естественностью. Погибая перед взором молодой красавицы, Пётр более не колебался.

– Шура, выходи за меня замуж, – решительно сказал он. – Я приехал за тобой. Поедем вместе на Украину. Ты, я, – немного запинаясь, произнёс, – и наша дочь.

Подойдя к Шуре, неловко попытался обнять её за прохладные плечи.

Растерявшись, она резко отпрянула от него. Не зная, что делать, поспешила с ребёнком к кровати.

Пётр присел на диван. Глядя, как Шура укладывает девочку, на мгновение застыл, представив себя в роли будущего мужа и отца одновременно. За эти несколько часов его жизнь резко менялась: внутреннее «я» подсказывало ему, что он поступает правильно. Не было больше сил у него жить дальше в разлуке со своей любимой, и совсем неважно, что она была с ребёнком. Шура молчала, а он ждал ответа.

Томительно-тревожные минуты прервала внезапно появившаяся в хате мать Шуры. Повесив на гвоздь платок, женщина по привычке оправила платье. Чувствуя, что в горнице, кроме дочери, есть посторонний, оглянулась, пытаясь в полумраке комнаты разглядеть незнакомца. Она не сразу признала Петра, который после короткой паузы встал, одернул гимнастёрку и пошёл ей навстречу. Увидев, кто перед ней, Ольга Михайловна разом прокрутила безответные вопросы: давно ли он здесь, зачем приехал, знает ли, что его письма не доходили до Шуры? Пытаясь справиться с охватившим волнением, она задышала быстро и прерывисто, резко выпрямилась, приняв решительный вид.

Петя, улыбаясь, протянул ей широкую ладонь. Потерев свою о платье, та молча подала руку. Пальцы её дрожали, как осенний лист. Намеревалась улыбнуться гостю, но губы лишь кривились и почему-то не слушались её.

Нарастало молчание. Молодой человек с уверенной правдивостью смотрел на мать Шуры, видя в ней что-то трогательно-беспомощное. Неловкую ситуацию спасли дети, шумно ввалившись в дом. Оживлённые игрой, Андрей, Коля и Нина наперебой галдели. Увидев незнакомого мужчину, ребята притихли. Воспользовавшись моментом, Ольга Михайловна обратилась к неожиданному гостю намеренно безразлично:

– Приехав. Ну, здравствуй, Пятро. А мы вот тяперя так живём. Ты зачем здесь?

– Ольга Михайловна, я приехал за Шурой, – тут же быстро добавил, – и за дочкой тоже.

– Погодь, уж больно ты скор! – воскликнула Ольга. – Это тебе не солдатами командовать. Тут дитё малое, а для тяби оно чужое.

– Не чужое, если Шура согласна, а ребёнка я подниму, поставлю на ноги.

– У рябёнка отец ёсть и ён вярнётся! Ён в письмах писав.

– Война закончилась, пора бы ему и вернуться, – вспылил Пётр. Справившись с раздражением, уже спокойнее сказал:

– Ольга Михайловна, это нам с Шурой решать, как быть. А сейчас давайте присядем, спокойно поговорим. Я тут гостинцы всем привёз. Вчера дома был в Заречье, а сегодня сразу вот поутру – к вам в Пукосино.

Ольга, вытерев концом фартука взмокший нос, поглядывая на притихшую у детской кровати дочь, молча смотрела, как Петя открывал чемодан. Медали на его груди от движений легонько позвякивали. Андрей и Коля подошли ближе и с неподдельным любопытством рассматривали награды.

– Дядя Петя, а можно потрогать медали? – спросил повзрослевший Андрей.

– Почему же нельзя, всё можно.

– Я вырасту большой, тоже пойду на войну. Мене тоже дадут таки ордена, – важно заявил мальчишка.

– Нет, – возразил Пётр, – война – это там, где убивают. А ты давай расти настоящим помощником своей маме.

Взглянув из-под спадавшего чуба, спросил: Я верно говорю, Ольга Михайловна?

Женщина утвердительно кивнула, а Пётр принялся доставать гостинцы.

Шерстяной платок – Ольге Михайловне, шарфик – Шуре, Андрею и Коле на двоих – трофейный фонарик «даймон», Нине – коробочку карандашей. Вскоре на столе появились продукты: армейская тушёнка, чай, головка сахара, небольшой кулёк конфет – разноцветных подушечек и пачка душистого печенья. Дети, давно не видевшие сладостей, с нетерпением ожидали, что скажет мать.

Получив от неё снисходительное разрешение, разобрали сладости и сувениры, хвастаясь друг перед другом полученными дарами...

Время летело быстро. Наступил тихий деревенский вечер. В его синем полумраке всё дышало удивительным спокойствием. От леска, что темнел далеко за выгонами, долетал сухой, тёплый запах хвои, перемешанный с арома-

том зелёных сочных трав и крапивы. Глубокая, добрая тишина царила повсюду, придавая очарование обветшавшему двору Максименко. Покосившееся крыльцо тонуло в цветущем жасмине, двор был наполнен сладковатодурманящим воздухом. В отблесках оконных рам бирюзой отражались листья сада. Припозднившаяся с ночлегом пёстрая бабочка сонно кружила у дверей, переливаясь шелковистой радугой крылышек. Ветер постепенно замирал...

Поговорить наедине молодым людям так и не удалось. Прячась за домашними делами, Шура пыталась оттянуть время с ответом на предложение Петра. Ловя его настойчивый взгляд, понимала, что отступать парень был не намерен. Девушку это радовало и страшило одновременно. Первая любовь вновь будоражила чувства. Будто вовсе не было этих шести лет разлуки. Напоминанием о прошлом была лишь Дина. Ольга внимательно наблюдала за дочерью. Как только Пётр вышел из хаты, тут же начала угрожающим шёпотом переубеждать дочь, нагонять страхи:

– Вот пойдешь за ним неизвестно куда, да ещё с малым дитём, а ён брося вас у дороги. Будишь скитаться. Ён тебе не простить Андрея, будя усю жизнь попрекать. Кто ж чужо дитё схоче.

О таком будущем даже думать было боязно. Стараясь переубедить мать, Шура пыталась безуспешно сопротивляться ей:

– Мама, он не такой. Петя хороший, он честный. Он меня вправду любит.

– Любить, разлюбить, а ты вси веришь, – твердила мать. – Сягодні один любить, завтра другой пришов! Вси

любить. У тебя дитё от Андрея. Жди яго. Не верь Пятру, мой тебе совет!

– Мам, ну почему ты так к Петру плохо относишься? Он ни тебе, ни мне плохого ничего не сделал.

– А я и хорошего ничего от няго не видала. За што мне яго любить-то, – негодовала Ольга.

Пётр намеренно оставил мать с дочерью наедине, чтобы они как можно спокойнее обдумали его предложение. Сам же решил посмотреть подворье Максименко, а заодно пройтись по тем немногим уголкам деревни, где он перед войной был вместе с Шурой. Явно враждебное отношение к нему Ольги Михайловны, мысли о маленькой Дине вызывали в нём мучительные, совсем неоднозначные чувства. Некоторое время он шёл почти бесцельно, машинально срывал на ходу высокие травинки, которые тут же, измяв, отбрасывал. Прикасался к свежей листве на гибких берёзовых ветвях, не чувствуя её прохлады. Но чем дальше отходил от дома, тем чётче становилось пространство вокруг него.

У реки, на макушках раkit вовсю гомонили грачи, ухаживая за птенцами в обновлённых прошлогодних гнёздах. По влажной тропинке испуганно прыгали серозелёные лягушата, а в дальнем перелеске куковала кукушка, дополняя своей незатейливой песней весеннюю щелкотню птиц. Спустившись в низинку, Пётр подошёл к бело-пенистым кустам сирени. До головокружения вдохнул густой воздух от пахучих цветов. Аромат пышных кистей проник во всё его существо, отчего он почувствовал себя каким-то обновленным. Улыбнувшись самому себе, уви-

дел, как шелковиста трава под ногами, как ликует кругом, распевая на разные голоса, весна ...

Вечерело. Мирно, спокойно догорал день. Потемневшее небо постепенно зажигало яркие звёзды. Истаяли в душе Петра последние обидные сомнения. Он окончательно утвердился в том, что поступает правильно. Когда вернулся в дом, семья готовилась к ужину. Пригласили и его. Поблагодарив за приглашение, он пригладил ладонями растрёпанные ветром пышные волосы, по привычке проверил застёгнутый ворот гимнастёрки. Подойдя к столу, встав по стойке смирно, обратился к Шуриной маме:

– Ольга Михайловна, вы когда-то хотели, чтобы я отслужил в армии и только потом женился на Шуре. Вот теперь я, выполнив свой долг перед Родиной сполна, прошу руки вашей дочери.

Мать Шуры никак не могла предугадать заранее, что выкинет Пётр. Услышав его вопрос, она так и замерла с чашкой в руке. Рассеянно оглянувшись на притихших домоладцев, но они молча смотрели то на неё, то на Петра.

– Ну, бачу, ты-то хочишь жаниться, а яё ты спытав? – вместо ответа задала вопрос Ольга.

– А это мы сейчас выясним. Разрешите мне с ней пойти прогуляться, – широко улыбаясь, по-армейски спросил Пётр.

Не дождавшись позволения, взял девушку за руку и настойчиво потянул к выходу.

– Мам, уложи спать Дину, – только и успела крикнуть Шура уже за порогом хаты, – я ненадолго...

Оказавшись в темноте под куполом алмазных звёзд, молодые люди растерялись и только молча смотрели друг

на друга. Но совсем скоро прохлады, витавшая целый день между ними, растаяла. Промелькнуло неопределённо много времени, а они всё говорили и говорили... Петя старался не выпрашивать подробности о жизни Шуры без него, ему было достаточно того, что услышал при встрече. Больше говорили о школе, учениках, о совместных делах до войны. Пётр вспоминал о своём детстве, рассказывал об армии, о бессонных ночах в окопах под обстрелами, о том, как ждал встречи, о назначении в Западную Украину.

Шура больше слушала, не перебивая. Его голос, спокойный, надёжный, без капельки обиды, вселял в неё уверенность, подавляя страх сказать «да» на предложение о замужестве. Уловив перемену в её настроении, осмелевший Пётр, резко повернувшись к ней, спросил:

– Шура, ты кого-то любишь?

Через минутную паузу он услышал:

– Да.

– Кого? – с замиранием сердца произнес парень.

Уткнувшись лицом в его грудь, она разрыдалась, вздрагивая всем телом.

Пугаясь собственного голоса, едва слышно, добавила:

– Люблю... тебя...

Пётр посмотрел в глаза Шуре. От её признания у него перехватило дыхание и в одно мгновение закружило голову. Он был безумно счастлив, услышав такой ответ. Заключив девушку в объятия, крепко прижал её к груди, осыпая мокрое лицо нежными поцелуями. Она опять была ему близка, любима, как будто не было долгих военных лет разлуки. Шура не чувствовала себя, не сопротивлялась.

Разомлевшая, обессиленная от волнения в горячих и сильных, словно крылья, Петиных руках, она решила больше никогда не расставаться с ним. Нежное, глубокое чувство вновь накрыло влюблённых.

Шура не верила, что всё это происходит с ней. Оставшись одна, она не раз перестрадала свой стыд. Тревожные, милые сны, несбыточные мечты часто приходили к ней по ночам. Долгие, молчаливые, одинокие дни ожидания, погружавшие всё больше в домашний быт, сменялись в её сердце нежностью к дочери, девичья страсть и отчаяние безысходности – покорностью перед матерью. А теперь в объятиях Петра она вновь почувствовала себя желанной и нужной...

В перерывах между поцелуями Петя ласково гладил её волосы, ощущая их прохладный шёлк. Под томительный шорох листьев и соловьиное пение на окраине деревни, в беспроглядном праздничном царстве тёмной ночи с её лиловыми тучами, где среди их прогалин горел купол неба с россыпью звёзд, он боялся спугнуть своё счастье...

Вновь обретя друг друга, молодые люди далеко за полночь бесшумно поднялись на крыльцо дома и вошли в тёмную прихожую хаты, чтобы наутро начать новую совместную жизнь. Тайнственно темнели окна горницы, сквозь которые слышался глухой крик перепела в росистой траве на дальнем лугу да изредка тревожное криканье утки, кем-то испуганной в речной заводи...

Потру Шура с Петром сообщили Ольге Михайловне о своём решении пожениться: «Завтра распишемся в сельсовете, а в конце дня соберём свадебный вечерок с гостями».

Ольга пришла в ужас.

– Как завтра? С ума пасходили? Вот заполошные! – срываясь на крик, шумела она. – Пятро, ну, Шурка-то понятно, но ты хоть опомнися. Не по-людски всё это. Нету маяго согласия, нету.

В гневе она сдёрнула с головы жёлтый, полинялый платок, собрав его в горсть, потрясла им перед носом дочери.

– У нас не только продуктов на свадьбу няма, няма даже плаття у нявесты, чтоб пойти до сельсовету! – Ольга с силой дёрнула девушку за подол передника. – Дык и у мяни одна юбка осталася. Стыдно на люди выйтить.

В гневе лицо Оли ежеминутно менялось, глаза метались быстрым взглядом то на Шуру, то на Петра.

Чтобы как-то успокоить мать, Шура выпроводила брата погулять с маленькой Диной, а следом отправила и Петра. Мужчины не без удовольствия согласились, хотя Пётр вышел в сени с тем чувством неловкости, которое ощущает человек, зная, что ему недобро смотрят вслед.

Шура, прислонившись к печке, сложив руки на груди, собравшись с духом, сказала:

– Мама, перестань! Я не ребёнок. Сама решу, как поступить.

– Вот и делай всё по уму, яки взрослая, а не второпях. Ты ж не маленька, сама мать. Куды собралася, куды скачишь. У тебя дитё на руках, а об ём ты подумала? Как тама жить будишь? Одна, без матери? Думаешь, жить с мужиком лягко? Это вам не вечерами любиться. А ён тебя с чужим дитём бярётъ, яму никогда, слышь, никогда Дина родной не станить, а своих родите? Динку куды справадите? – переходя на крик, не унималась мать.

Немного затихнув, продолжила:

– А Андрей приедя, что яму казать?

– Мама, я верю Петру. Я люблю его, он меня тоже любит. Ты не бойся, нам всем будет хорошо.

– А Андрей? – не отставала Ольга.

– Забудь про Андрея, – спокойно сказала Шура.

Уверенный тон дочери подействовал на мать благотворно. Она выпрямилась. Сердитый взгляд потух.

– Да ну вас! Разве я против. Не хочу, што ль, доня, твоего счастья. Знаю, как ёнто без мужика, да с дитём. Ну, дай Бог, дай Бог.

Ольга расстроено вздохнула. Не такой представляла она свадьбу дочери. Мечталось ей о красивом платье для Шуры, богатом застолье да веселье на всю деревню. А тут...

Будто заглянув в материнские мысли, Шура сказала:

– Мам, я прямо сейчас начну кроить себе новое платье, а заодно и тебе. Как раз до завтра успею сшить обновки. У нас же есть в запасе несколько хороших отрезков в сундуке. Ещё отец покупал в потребкооперации для таких-вот случаев. Настало время их достать. Верно? – обратилась она к матери, вызывая её на продолжение разговора.

– Я тяперя тебе не советчик! – язвительно отрезала Ольга. – Только когда ж ты вси успеешь?

– Прямо к вечеру управлюсь, если мне никто не будет мешать, – улыбнулась Шура входившему Петру.

И уветливым голосом попросила:

– Мам, а ты пойди, позови к завтрашнему вечеру гостей на свадьбу. Мы будем рады такой помощи. Правда, Петя?

Тот согласно закивал головой.

– Какая ты умница, – поравнявшись с Шурой и наклонившись к её уху, восхищённо прошептал Петя.

– Да ну вас! – уже снисходительно отозвалась мать и, махнув рукой, тяжело поднялась с табуретки, направляясь к выходу.

Она мало-помалу стала приходить в себя и понимать, что всё это происходит именно в её доме, а виновник тому Пётр, окончательно нарушивший ровный ход их жизни. Странно и непривычно было для матери в столь короткий срок отдавать дочь замуж. Да и куда? Впереди была пугающая неизвестность далёкого Бердичева, про который она слыхом не слыхивала. Упрямство взрослой первеницы ей совсем было не по душе.

Внутренний голос женщины спрашивал её:

– А если приедет Андрей? Что говорить?

Другой – отвечал:

– Скажу, что дочь вышла замуж и сама решила уехать.

А если будут приходить письма? Напишу её адрес, пусть разбираются сами, – решила женщина...

Невидимый разговор матери, бродившей бесцельно по двору, прервала Шура, несколько раз окликавшая её через раскрытое окно:

– Мама, подойди ко мне.

Войдя в дом, Ольга Михайловна увидела в руках дочери развёрнутый, цвета спелой вишни, кусок ткани.

– Смотри, нравится? Я тебе из этого материала сошью платье, хорошо?

– Мяни усё нравится, – устало откликнулась мать.

На следующий день, как только занялась утренняя заря да пропели сонные петухи, все были на ногах, только маленькая Дина спала безмятежным сном ребёнка под кружевным покрывалом в своей кровати.

Ольга плохо спала ночь. Поднялась первой. Задолго до света вышла во двор. Ясная круторогая луна обещала сухой жаркий день, но пока было зябко. Накинув кофту, сходила в сарайчик за дровами. На утренней зорьке затопила печь, поставила в неё чугушки с картошкой, кашей, щами, опустив в варево зарезанного под вечер петушка. Хотела выпечь хлеб, да не успела накануне с опарой.

Субботний день, как и предполагала Ольга, разгорался тёплым и ясным. Наполненный лиловым туманом сад блестел обильной росой. Петя, привыкший рано вставать, ещё спозаранку обкосил траву от калитки до дороги, уложив её ровными рядками. Руки, соскучившиеся по крестьянской работе, не чувствовали усталости, лишь слегка горели от грубоватой ручки кося.

Дом Максименко стоял на взгорке, почти в конце деревни – со всех сторон догляд. Соседи, выходя за калитки, видели, как суетится Ольга: треплет половики, одеяла, колотит подушки, скоблит на скамейке под окном кастрюли, а Пётр и Коля прямо во дворе готовят столы, подставляя к ним лавки.

Шура, закончив накануне поздним вечером шитьё платьев, перемывала посуду, собранную по домам. Ближе к обеду с их двора по деревне разлился аромат праздника, потянуло духмяным запахом петушатины. Хлопоча, Ольга нет-нет да и поглядывала то на Петра, то на Шуру, а потом как бы невзначай обронила:

– Не парá ли до сельсовету. Шура, иди собирайси, а мы тутá уже сами. И ты, Пятро, тож.

Управившись с делами, молодожёны стали прихорашиваться. У Петра это получилось куда быстрее, чем у

Шуры. Он умылся, пригладил мокрой расчёской волосы, заправил под ремень гимнастёрку, надел начищенные ещё с вечера хромовые сапоги. Успокоившись, уселся во дворе. Закинув ногу за ногу, терпеливо стал ждать девушку. Солнце приятно согревало плечи, спину, разливаясь мляно по всему телу. Петя лениво прикрыл глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым.

Чтобы как-то взбодриться, он резко встал и чуть не наступил на кота, дремавшего у завалинки. Тот от неожиданности встрепенулся, изумлённо посмотрел на него и, лениво шевельнув рваным ухом, как ни в чём не бывало, перекатился на другой бок. Улыбнувшись беззаботному существу, Петя стал мерить шагами узкую тропинку двора, прохаживаясь взад-вперёд.

Выкурив вторую папиросу, изредка морща брови, с нетерпением поглядывал на дверь. При внешнем спокойствии, он таил в душе сомнения: как сообщить отцу, сестрам о своей свадьбе, придут ли гости, сможет ли он завтра с семьёй уехать в расположение части? Представлял самые невероятные случаи, которые могли бы сорвать его женитьбу: вдруг Шура откажется идти сегодня в сельсовет. Хуже того, неожиданно заявится Андрей, некстати заболит ребёнок, в дороге сломается машина, и они опоздают на поезд...

Шура собиралась долго: часто смотрелась в зеркальце, стоявшее на комод, старательно причёсывала волосы, пышно взбивая их по бокам. Намочив палец, пригладила им тёмные дуги бровей.

Младшая Нина на прихорашивание сестры смотрела с большим интересом. Копируя все её движения, то и дело норовя ненароком стащить понравившуюся заколку, яркую атласную ленту или полукруглый гребешок.

Наконец сборы были закончены. Одернув перед зеркалом ещё раз платье, Шура выпорхнула из хаты.

Пётр повернулся на скрип двери и увидел Шуру, замершую в проёме. Светлое платье, собранное на талии в мелкую складку, с оборками по подолу и вдоль груди добавляли наряду нежность. Рукава, охватив собранным краем чуть выше локтя пухлую женственную руку, поднимались на плечах воздушными фонариками. Смелый очерк высоких бровей, сияющие глаза озаряла улыбка, а ножки, обутые в туфельки, готовы были вот-вот сбегать со ступенек навстречу к нему.

У Петра нежно ёкнуло сердце. Шура в наряде невесты показалась вдруг выше, стройнее. Ему захотелось сказать ей много ласковых слов, которые она, вероятно, ожидала. Но, возможно, от нахлынувших чувств, а может, от присутствия неподалеку матери Шуры, смутившись, он не произнёс ни одного слова.

Стоявшая поодаль Ольга, видя опешившего жениха, похвалила наряды дочери и ласково добавила:

– Да идите уже, а то председатель уедя, он занятый человек, ждать ня будя.

Пётр расплылся удивительно тёплой, расслабленной улыбкой. Протянул Шуре руку, помог сойти со ступенек шаткого крыльца.

В Лапино молодые отправились пешком. По посёлку шли степенно. Петя держал Шуру под локоток, отчего она сильно стыдилась, особенно когда на пути встречались односельчане. Новость о свадьбе ещё с утра облетела деревню. Приглашение получили почти все пукосинцы, ведь это была первая свадьба в их посёлке после войны. Встречные люди доверчиво, мило улыбаясь, желали им крепкого союза.

День был прекрасен. Природа нежилась под бархатистым солнечным теплом. Верилось, что раскидистые ракиты, домики посёлка, тропинки, протоптанные среди изумрудной травы-муравы – словно для Шуры и Петра, выглядели празднично и нарядно.

Вскоре в сельском совете в журнале записей о браке молодые люди скрепили подписями свой союз, став мужем и женой. Шутя, обнимаясь и целуясь по дороге, Пётр с Шурой вернулись домой. Во дворе у Максименко уже начал собираться народ, ожидая возвращения молодоженов. Как только они появились у калитки, ребятня загорланила:

– Идуть! Идуть!

Ольга, прихорошившаяся, помолодевшая в новом платье, вышла на порожек крыльца, держа перед собой каравай на холстинном рушнике. Расшитые яркими нитками, обвязанные тонкими кружевами, его концы свисали почти до земли. Праздничный хлеб, по просьбе Ольги, втайне от молодых, испекла её троюродная сестра.

С боку от матери выстроились Коля, Андрей и Нина с маленькой Диной.

Пришедшие на свадьбу гости расступились, пропуская Ольгу к молодожёнам. Та, со слезами на глазах, стала спускаться с верхней ступеньки крыльца навстречу к ним. Поровнявшись, с лёгким поклоном подала каравай:

– Хлеб вам да соль! Живите дружно! Пятро, беряги Ляксандру, – чуть смутившись, добавила, – Дину тожа. А ты, дощ, уважай мужа и слухай яго.

Шура и Петя, отломив хлеба, под общий спор – чей кусок больше, обмакнув в соль, съели. Волнуясь, Ольга, привстав на цыпочки, прикоснулась губами к щеке Петра, обняла и расцеловала дощ.

Гости ждали приглашения к столу. Он давно манил их, хотя на нём не было разносолов. Снедь собирали всем миром. Соседи принесли из дома кто что мог: кусочек сала, блины, пирожки, молодой квас, зелёный лук, бражку, а то и самогонку, припрятанную почти в каждой семье для особого случая. Наваристые щи из чугуна, картошка да каша, приготовленные Ольгой в печи, дополняли свадебный стол. Немногочисленные мужики покуривали в теньке, пока бабы сновали туда-сюда с кастрюлями и мисками.

Зазвучали тосты, напутствия молодой семье, особенно желали, чтобы никогда в их жизни не было войны. Одни радовались, что после неё всё налаживается. Вот уже первая свадьба в деревне! Другие – грустили: не всем такое счастье будет сынов женить и дочерей замуж отдавать.

Новобрачные, взволнованные столь великим к ним вниманием, воспринимали происходящее как волшебный сон.

Шура светилась от счастья и застенчиво улыбалась. Две густые косы, в руку толщиной, ниспадали до пояса. Сидя рядом с Петром, чувствовала его горячее плечо, сильное и надёжное. В военной форме с наградами на груди, он выглядел необычайно мужественно, а для Шуриных подруг – ещё и загадочно. Они бросали на него любопытные взгляды, беззастенчиво разглядывали крепкого чернявого парня, который достался только Шурке.

Свадьба получилась весёлой и в меру хмельной. Поздравляя новобрачных, кричали «горько». Люди соскучились по праздникам. А когда Коля развернул гармонь и разрезал радугой звуков набухающее сумерками небо, начались танцы... Расходились поздно. Как принято в деревне, долго пели и плясали.

После шумного застолья, покинув гостей, молодожёны, наконец уединившись, отправились спать. Ольга Михайловна заранее побеспокоилась об их супружеском ложе. В летнем сарае, где она когда-то отдыхала с мужем, вновь поставили топчан, смастерённый руками Ивана. Поверху положили соломенный матрац, покрытый домотканой попоной и белоснежной простынёй. Кипенно-белые наволочки красовались на пышных пуховых подушках, а кружевные подзоры струились от матраца до пола...

Снова вместе

Утром Пётр и Шура собрались в путь-дорогу. Колхоз помог офицеру отвезти его с семьей на вокзал, выделив старенькую полуторку. Вещей было немного: одежда, обувь, бельё на первый случай да швейная машинка – приданое жены. Всё добро, кроме неё, вместилось в два чемодана и вещмешок Петра, которые погрузили в машину. Ольга вместе с детьми стояла среди соседей, вышедших проводить молодую семью. Обнимая внучку и дочь, не переставала вытирать катившиеся из её глаз непрошенные слёзы. Шура с ребёнком села в кабину, а Петя, как показалось Ольге, с облегчением попрощавшись, ловко перекинув ногу через деревянный борт, мигом оказался в кузове. Машина, затарахтев, двинулась со двора, окатив провожающих синим облаком дыма...

Спустя несколько мгновений Ольга вдруг всплеснула руками, подалась вперёд, намереваясь побежать вслед, но ноги у неё разом почему-то ослабли. Окинув отрешенным взглядом детей, развернулась и неспешно поплелась в дом...

Трясаясь на ухабинах, поднимая облака придорожной пыли, грузовик наконец-то притормозил неподалеку от вокзального здания. Тёплый, весенний ветер волнами гулял здесь по перрону и вдоль рельс, принося смолистые запахи креозота. Лёник, молодой паренёк, сидевший за рулём, отворил дверцу машины, лихо прыгнул с подножки. Затем помог своим пассажирам выгрузить вещи и занести их на станцию.

Пока Пётр через военного коменданта оформлял билеты, Шура с дочкой под охраной шофёра были в зале ожидания вокзала. В нём было крепко накурено. Сизоватый дым взмывал косицами синей паутины вверх к потолку, отчего у Шуры точило в горле. Скрипели и хлопали двери, провожая снующих пассажиров с громоздкими деревянными чемоданами и мешками, перевязанными веревками. От проходивших составов повсюду пахло керосином и мазутом.

Проездные документы на всю семью удалось получить до отправления поезда. Когда гнусавый голос диктора вокзала объявил посадку, народ лавиной повалил на перрон, подхватив молодую семью.

Усталый проводник с сигаркой в уголке рта и с флажком под мышкой, неспешно проверив билеты, которые предъявил Пётр, разрешил им пройти в вагон. Перед отправлением он вновь степенно, словно призрак, двигался по вагону, шаркая ногами по пыльному полу, заглядывая в каждое полукупе, проверяя наличие пассажиров.

Наконец поезд тронулся, увозя Петра, Шуру и Дину. За окном замелькали станции, полустанки, танцую, плыли рощицы, чуть поодаль – густые перелески. Много исколесившие на своём веку вагоны постепенно накопились на солн-

це, пропуская его жгуче-горячие лучи, стало душно. Дина закапризничала, начала тереть маленькими кулачками глазки, а вскоре и вовсе расплакалась. Шура, не суетясь, спокойно покормила девочку, покачив на руках, уложила спать. Петя с интересом наблюдал за своим семейством, вразставшим большим, смотрел, как ловко ухаживает за ребёнком его жена. Когда девочка уснула, Петя и Шура, облокотившись на приставной столик, не говоря ни слова, улыбаясь, стали смотреть в глаза друг друга, радуясь своему уединению, не задумываясь над лежащей впереди совместной жизнью. Что-то магически-таинственное было в этом новом для всех переезде. Воздух и тот был другой – сухой, не такой, как привычный пукосинский или зареченский. Сами люди, ехавшие на запад, были чопорнее, гораздо расторопнее их односельчан. Они заметно отличались даже от тех, кто возвращался с войны во встречных поездах...

На вокзале Бердичева их встретили на старенькой, но ещё крепкой армейской машине, лейтенант со старослужащим солдатом. Погода дышала великолепием, воздух был напоен ароматом фруктов. Шура, несмотря на усталость, была счастлива от новизны обстановки и дальнего путешествия. Платье нежной дымкой переливалось на ней в такт движениям тела, а белые носочки мило облегали ножки, обутые в летние туфельки с поперечным ремешком, застёгнутым на маленькую пуговку. Её наряд, задорный блеск в глазах, помноженные на молодость, делали её необыкновенно привлекательной. Шура довольно приветливо поздоровалась и улыбнулась, когда встречавшие по Уставу приветствовали её мужа – старшего по званию.

По приезде Пётр доложил командованию о прибытии в расположение части, их разместили в казарме для проживания семейных офицеров, выделив маленькую комнатуху в двенадцать квадратных метров. Простенькая мебель: две кровати, шкаф для одежды, стол, три стула да железная печка, топившаяся дровами, – вот и вся обстановка нового жилища. Печное отопление оставило от бывших жильцов пепельные разводы на стенах и окне, которое выходило на аккуратный двор, обустроенный солдатами. Для хранения личных вещей военные расстарались – принесли из казармы ещё две солдатские тумбочки.

Заслышав разговор и детский лепет, в коридор вышли две женщины. Узнав, что у них новые соседи, познакомились и предложили свою помощь. Это были жёны офицеров. Смущаясь, Шура вежливо отказалась, объяснила, что справится сама. Пока она распаковывала вещи, Петя получил на полковом складе офицерский паёк: хлеб, сахар, масло, крупу, консервы.

Ближе к вечеру следующего дня весёлой гурьбой к ним ввалились соседи, которые по негласной армейской традиции пришли поддержать новосёлов, помочь освоиться с семьёй на новом месте. Без подарков не обошлось: притащили, кто чем был богат. Шура на правах хозяйки принимала от одних кастрюлю и сковородку, от других – ведро для воды, от третьих – чашки, ложки да вилки. Гости не преминули принести горячительного, благо южный город этим не бедствовал. Получилась небольшая весёлая вечеринка.

Сослуживцы, разгорячившись, допытывались:

– Товарищ старший лейтенант, ну ты и скородел! Расскажи, как это за отпуск такую красавицу успел родить? Да ещё и имя красивое придумать – Дина!

Пётр был сдержан, больше отшучивался и прямо не отвечал на вопросы.

Однополчанин Петра после очередного тоста не без восторга провозгласил:

– Пётр Тимофеевич, теперь постарайтесь с Шурой сына родить. Как говорят, «сначала нянька, а потом лялька», тебе наследник, а Родине защитник. Пьём за брянского мужичка и ждём-с...

Так шумно и весело началась жизнь Петра и Шуры. Далёкий Бердичев на Украине, только-только поднимавшийся после военной разрухи, принял их в свои объятия. Спустя некоторое время им выделили в трёхэтажном доме на втором этаже однокомнатную квартиру.

Пётр нёс службу, а Шура обеспечивала тыл, создавая уют в доме. Раздобыв гашёной извести, побелила стены, по-своему расставила имевшуюся мебель. Своими вышивками, привезёнными из дома, украсила полочки, развешанные на стенах, так что получилось светло и уютно. Забрала трёх курочек. Яичками кормила Дину, а иногда и мужа баловала яичницей с салом. Долго присматривалась к небольшому клочку земли, что примыкал к дому, прямо под их окнами. Не обращая внимания на разговоры за спиной: «Сразу видно, деревенская. Без земли прожить не может, всё копается и копается...», разбила маленький огородик, где бодро зазеленели редис и морковка, лук и укропчик. Попробовала выращивать кавуны. К осени, на ра-

дость всей семье, собрала хороший урожай. Пересуды постепенно стихли, а весной огородниц прибавилось.

Пётр, после прибытия в часть, приступил к исполнению обязанностей парторга 3-го батальона 338-го гвардейского стрелкового полка 117-й гвардейской стрелковой дивизии. С первых же дней у него сложились хорошие отношения с подчиненными и сослуживцами. Он живо интересовался жизнью солдат, с их помощью оформил Ленинскую комнату, стал выпускать стенгазеты, боевые листки, в которых отмечались отличники боевой и политической подготовки, итоги командных учений. Еженедельно проводил политические занятия, два раза в неделю – политинформации о международном и внутреннем положении страны.

Жизнь семьи тоже постепенно наладилась. Без опеки матери, без её присмотра, Шура было легко и уютно с Петром. Своим нежным, красивым существом она, как голубка, кружила вокруг мужа, обнимая его заботой, скрашивая нелёгкие будни. А сложностей хватало, в том числе и бытовых. Армейская кухня не баловала разносолами. Бывало, что Пётр приносил домой пару-тройку пригоршней сорной крупы из отходов. Шура с дочкой, а иногда вместе с Петром, терпеливо перебирали зёрнышки, чтобы сварить кашу.

Так и жили, худо-бедно, но без ссор, без обид, преодолевая вместе невзгоды, довольствуясь не всегда разнообразным питанием, будь то оно с армейской кухни или с собственного огорода. За покупками на небольшое жалование Петра изредка всей семьёй выходили в город. Без сопровождения мужа Шура не решалась, да и по Бердичеву передвигаться было не совсем безопасно.

Городок с его окрестностями отличался от тех мест, где они родились и выросли. В весеннее время погода здесь была неустойчивой, часто дождливой. Зато ясные дни, наступив рано, уже в середине марта, длились потом до поздней осени. В погожее время, управившись по дому, Шура с дочкой гуляли во дворе, не выходя за территорию части. Дина была милым, общительным ребёнком. Её баловали. Солдаты и сержанты, обслуживающие батареи самоходных установок, часто угощали сладостями. Кто яблочко даст, кто горсть черешни насыпет в кулёк. Прижав к груди гостинец, девочка громко говорила спасибо, деловито спеша к маме или папе, если он был поблизости.

Дина одинаково любила их. Играя во дворе под приглядом матери, завидев возвращавшегося отца со службы, раскинув ручонки, со всех ног бежала к нему навстречу. У Петра от страха замирало сердце, что она упадет и ушибётся.

В редкие выходные дни втроём старались выходить в город. Взявшись за руки, гуляли по тихим, уютным улочкам. Не сговариваясь, часто оказывались у костёла Святой Варвары, где венчался Бальзак со своей Эвелиной. Зная историю любви Бальзака и Ганской, Шура думала о своих отношениях с Петром. Каждый раз шутливо говорила, что у них – куда лучше, чем у Бальзака. Гордилась настойчивостью, трудолюбием Петра. В душе искренне радуясь её словам, муж переводил всё в шутку, тоже сравнивая её с портным из местной легенды, рассказывающей о том, как Бальзак венчался в Бердичеве.

Легенда из уст Петра гласила, что после венчания старый бердичевский портной поинтересовался, где мсье Баль-

зак пошил свой сюртук. Услышав в ответ, что в Париже, и уточнив, какое расстояние разделяют два города, портной удивился: «Подумать только, так далеко от Бердичева, а шьют очень прилично!» Шура долго заразительно смеялась. Обнимая её, Пётр шептал сквозь смех, что в Бердичеве она, конечно же, шьёт лучше, чем в Париже... Его Шура к тому времени стала среди офицерских жён законодательницей моды и шила платья на заказ не только для себя и Дины, но и для них, подбирая фасоны из модных журналов.

Помимо редких прогулок в город, Пётр и Шура, оставив Дину под присмотром соседки, иногда ходили на вечера отдыха, устраиваемые в офицерской столовой. Там, сдвинув столы и стулья, собравшиеся танцевали под патефон или аккордеон. Обнявшись, пара медленно плыла по волнам нежной мелодии. Он что-то нежно нащёптывал ей на ушко, а она, касаясь его шершавой щеки, слушала любимого, замирая от счастья. Чарующие звуки музыки, близость девичьего стана будоражили Петра, у него сладко ныло под сердцем.

По дороге домой они продлевали минуты взаимной нежности. Терялись в темноте улиц, укрываясь под шорохом деревьев. Бродили среди глубокого молчания южного ночного неба, расцвеченного крупными, загадочно мерцающими звёздами...

В конце ноября Шура сообщила Пете, что ждёт ребёнка.

Несколько секунд Пётр стоял, вытянувшись по стойке «смирно», а потом, подхватив её на руки, закружил по комнате.

– Это сын?! Сын!? – не то спрашивая, не то утверждая, повторял он.

– Петя, ну откуда мне знать!

– Нет, – ты так не говори, моя красавица, – обнимая Шуру и целуя её волосы, глаза, шептал Пётр.

– Это, конечно же, будет мальчик! – восклицал он. – Дочка у нас уже есть. Теперь постарайся родить мне сына!

Малышка Дина, не понимая, что происходит, почему папа держит маму на руках и они громко смеются. Растерявшись, подбежала к отцу и уцепилась ручонками за штанину. Сморщив личико, она была готова расплакаться.

– Петя, Петя! – смеясь и пытаясь высвободиться из крепких объятий, взмолилась Шура, обращаясь к мужу, – отпусти меня, дочку перепугаем! Слон ты эдакий!

– Конечно же, будет сын, раз ты этого хочешь!

– То-то же! – шутливо пригрозил Пётр, бережно отпуская жену.

В начале нового 1946 года Петра назначили парторгом первого дивизиона 212 миномётного полка 32 механизированной дивизии. Служба, хотя и протекала немного однообразно, но совсем не отягощала. Довольно часто его вместе с армейским составом поднимали по тревоге, с выводом танков и самоходных орудий на исходные позиции. Порой это было началом учений в составе полка или дивизии.

Офицерам, всему младшему составу военнослужащих необходимо было тоже закреплять свои навыки вождения военной техники. В характеристике командиров обязательно указывалось мастерство вождения и опыт стрельбы из танкового оружия, самоходки, пушки... Работа с личным составом занимала тоже немало времени.

Только по выходным отец семейства мог помочь беременной жене: ходил на городской базар за свежими про-

дуктами. Шура прекрасно готовила, искусно пекла блины, брянские драники, пироги, оладьи, сдабривая их фруктами, которых на рынке было в изобилии.

В июне 1946 года родился тот самый брянский мужичок, за которого пили на новоселье. Желанного сынишку назвали Геннадием. Ближе к ноябрю 1947 года в их семью пришла ещё одна приятная весть: из штаба дивизии получили приказ о назначении Петра начальником интендантской службы 895 отдельного батальона связи 23 танковой дивизии 8 механизированной армии.

Как известно, новости не всегда бывают только хорошими. Полгода спустя отлаженный ритм жизни опять стал рушиться. В армейских подразделениях, сформированных после войны, начались сокращения. В мае 1948 года объявили приказ об увольнении в запас и Петра. Для семьи возникли довольно сложные вопросы: где жить, как устроиться на работу. Для получения пенсии как военнослужащему его армейского стажа не хватало даже с учетом участия в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. У Петра он составил восемь лет, а по закону требовалось двадцать. На руках – двое детей. Дочка через год должна была пойти в школу, а двухлетнему сынишке – любимцу части – требовался ещё уход матери.

Посоветовавшись с женой, Пётр решил вернуться с семьей в родное Заречье и пойти работать в школу. Шура поддержала мужа, пообещав тоже устроиться по специальности. Написали отцу Петра, но в ответ не пришло ни строчки. Молчание отца супруги объяснили его занятостью, трудностями найти конверт, бумагу... Между тем времени уже не оставалось.

Военная карьера Петра закончилась. Получив пособие на первые месяцы жизни, сделав всё, что нужно было по службе и по хозяйству, семья стала паковать вещи. За время семейной жизни их прибавилось, в старые чемоданы они не помещались. Попрощавшись с друзьями, раздарив кур и нехитрый скарб, чтобы не мешал в дороге, они уселись с детьми в армейский ГАЗик, который привёз их сюда два года назад. За это время город заметно преобразился. Послевоенная разруха уходила в прошлое. Восстанавливалось здание вокзала, строилось жильё, кое-где возрождались синагоги.

Как только остались позади дом и двор, где располагалась часть, Петя ощутил то особое чувство, которое охватывает при отъезде: окончен ещё один эпизод его жизни, полный удовлетворением от работы, наполненный семейным счастьем рядом с любимой. Прощай, уже ставший своим город Бердичев! На улице буйствовала весна, готовая вот-вот перейти в звонкое лето.

На Брянщину приехали после полудня следующего дня. Усталые, тревожась неизвестностью, ждут ли их, ныряя по дорожным ухабам на попутках, только к вечеру добрались до Заречья.

Весенний вечер был гораздо прохладнее украинского. Посёлок встретил сонной тишиной, умиротворённым покоем деревенских хат. Как-то непривычно для слуха разливались соловьиные трели, а звеневший разноголосый птичий оркестр заполнял собой пространство до самых небес. Пётр, увидев вдалеке родной посёлок, остро почувствовал тепло здешних мест, исходившее от садов, необъяснимо ощутил, как сливается всё воедино: избы, уютно вписавшиеся в опушки леса, высокое небо, волнительные запахи лугов и сырого поля, цветущие сады и туман, причудливо застывший

над бархатисто-коричневой гладью сонных болот... Стояло дивное расцветающее время года, когда было даже слышно, как осыпается белым цветом черёмуха.

Ветер свежо дул в лицо. Несмотря на усталость и тяжёлые чемоданы, Пётр вдруг перестал чувствовать вес собственного тела, ему чудилось, что он не идёт, а плывёт посреди притихшей деревни. Почти летнее прозрачное небо, лёгкий чистый воздух – всё радовало его, обещая покой в доме родителей.

Предположения Петра о согласии отца на их переезд в Заречье не оправдались. Едва перешагнув порог дома, где он был сам-четвёрт, понял, что здесь их не ждали. Сёстры улетели из родного гнезда в другие деревни, а мачеха, освоившись, стала в доме полноправной хозяйкой.

Тимофей Мартынович по-доброму встретил молодое семейство. Приветствуя сына, обменялся с ним крепким рукопожатием, приобнял Шуру, а внука, робко выглядывавшего из-за маминой юбки, поднял на руки:

– Ох, какой ты большой вырос! Дай-ка погляжу на тебя, – с удовольствием рассматривая мальчугана, приговаривал дед. – Как кличут тебя? А это што за девочка с тобой? – сыпал вопросами он, пытаясь разговорить ребёнка.

Мальчик сопел и молчал.

– Я его сестричка, – живо откликнулась Дина, улыбаясь. – Это Гена. Он молчит, потому что говорит плохо, маленький ещё.

– Ну, раз так, заходите у хату, отдохайте с дароги, а потом вы мне скажите, як доихали.

Мачеха же, прислонившись к косяку двери, поджав губы, с неприязнью смотрела на возню вокруг молодого семейства, так некстати прибывшего к ним в дом. Плотнo повязан-

ный на голове платок скрывал волосы, подчёркивая слегка продолговатое, поблёкшее от времени лицо, которое было по-крестьянски грубовато и обветренно. Её колючие глаза, словно два буравчика, сверлили незваных гостей.

Стало понятно, что её мучает вопрос: надолго ли приехали? Не утерпев, мачеха с нескрываемым раздражением спросила:

– А вас кто ж усё таки сюды пригласив? Мы тут никого не ждали.

И ехидно продолжила:

– Пятро, ты что, дослужився? Негди жить! Вона, твои сёстры уси поустроились. А ты к отцу приехав?!

Чтобы не ругаться и не расстраивать Шуру, Пётр, чеканя каждое слово, ответил:

– Я приехал домой. Буду здесь жить.

Ему было больно. Поразила открытая агрессия женщины, её предвзятое отношение к его семье, тем более, что происходило это в родном доме. Из-за нахрапистости она показала здесь чужой, какой-то лишней. Хотя в хате всё было так же, как при маме: тот же закопчённый деревянный потолок, те же окна, сквозь которые виднелись зеленеющие ветки яблонь, тяжёлые овальные заготовки для клёпок дубовых бочек, старая печь, чернеющая устьем с прикрытой железной заслонкой. Только не было душевности, маминой теплоты, которая манила к себе, согревая дом.

С самого раннего детства у отца с сыном были своеобразные отношения. Тимофей Мартынович особо не занимался его воспитанием, разрешал делать всё, что тот хотел, никогда не унижал. С взрослым сыном поступал также: предоставив полную свободу действий, не вёл нравоучительных бесед, не навязывал свои мысли.

Вот и сейчас, во время обидных высказываний жены, он как-то безучастно, даже рассеянно, слушал её, сидя на скамейке. Лишь изредка хмурил густые брови да подёргивал губы, прикрытые густой бородой. Отец понимал, что не сможет выгнать единственного сына с женой и детьми из дома, хотя для двух семей хата мала. Тимофей мучительно раздумывал: Петру с семьёй некуда идти, как примирить его с мачехой. Ведь теперь предстояло жить всем вместе, под одной крышей. Купить дом? А где взять деньги? Да и кто сейчас продаёт?

Его размышления прервала жена:

– А ты што, старый, малчиш? – в сердцах сказала она.

– Хватя шуметь! Замолщи! – сурово прикрикнул Тимофей. – Будуть жить тут. Пятро пойдя робить, а тама, можа, свой дом поставя, а мы ёму завсегда помощь.

Помолчав, повернулся вполоборота в её сторону, строго добавил:

– И чтоб боле я в своём дому ругани не чув, поняла мяни?!

После окрика мужа женщина сникла. Тяжело вздохнув, вновь поджав губы, засуетилась, стала накрывать на стол. Шура достала гостинцы. После ужина, махнув рукой в дальний угол хаты, где за занавеской стояли кровать и топчан, мачеха сказала:

– Тама спитя.

Ближе к полуночи, распаковав вещи, уложив детей, Шура и Петя, потушив свет, тоже легли спать, чтобы со следующего дня опять, как с чистого листа, начать свою жизнь на новом месте.

Всё сначала

Пережив дальнюю дорогу, неласковую встречу прошедшего дня, Шура долго не могла уснуть, тихо глядела в пустоту, положив голову на грудь мужа. Пётр, чувствуя молчаливое волнение жены, тихонько поглаживал её по голове, перебирая пальцами пряди волос. Сила и уверенность, исходившие от Петра, размеренный стук его сердца постепенно убаюкали Шуру. Пётру, напротив, долго не спалось. Лежал в крошечной темноте ночи с открытыми глазами, перебирал только ему известные мысли, невольно слушая долетающие из ночной дали залиvistые раскаты соловьиных песен. Чувствовал внезапную пустоту в сердце, разлитую непонятную тишину вокруг себя, которая охватила его при возвращении в отцовской дом. Хата родная, а покоя, который ощущал он всякий раз, оказавшись дома, в эту встречу не было. Только под утро усталость погрузила его в тревожный сон...

Наладив после переезда самый необходимый быт, став на воинский учёт в военкомате, Пётр отправился в Валуецкую школу, надеясь получить работу. Хотел разузнать также о вакансии учителя по литературе. Однако его надежды не оправдались. Вернувшиеся сразу после войны учителя заняли все вакантные места. Директор школы предложил часы учителя истории только временно, а для Шуры совсем ничего не нашлось.

Расстроенный, Пётр решил попытать счастья в Гамалеевке, которая была ближе к Заречью. Несмотря на летние каникулы, заведующая начальной школой Зинаида Васильевна оказалась на месте. Выслушав историю Петра,

она предложила вести второй и четвёртый классы, а себе оставила – первый и третий. Пётр с благодарностью согласился. К сожалению, для Шуры заведующая предложить ничего не смогла, в начальной школе было только две учительские ставки. Довольный пусть и половинным результатом своего поиска, Пётр поспешил домой.

После дневных мытарств дорога через лес показалась ему мучительно долгой. Зыбкий солнечный свет уходящего дня золотистой рябью скользил по его разгорячённому ходьбой лицу. Резко пахло растёртой ногами придорожной травой. Шелестящая лесная тишина равнодушно сопровождала одинокого путника. Лишь две вороны, выбирая в лесу место для ночлега, случайно проявили мимолётный интерес к пешеходу. Вцепившись костлявыми когтями в голые ветки, свисавшие над тропинкой, они с любопытством смотрели на него, свесив сверху свои костяные носы.

Душистый вечер разливал покой. Небо, затянутое полупрозрачной, неподвижной мглой, с каждой минутой постепенно гасло, предвещая наутро погожий день.

Пётр прибавил шаг. Вскоре у калитки дома увидел знакомый силуэт: Шура не первый раз выходила за ворота, ожидая его возвращения. По бодрой походке мужа она догадалась, что есть хорошие новости.

– Петь, ну, рассказывай! Как дела? Нашёл ли ты работу для нас? – стала сыпать она вопросами, с тревогой заглядывая ему в лицо.

– Всё хорошо, работа есть. Теперь я учитель начальных классов Гамалеевской школы. Может быть, это не то, что я хотел, но это лучше, чем совсем ничего, правда?

– А я? – тихо спросила Шура.

– А ты будешь ждать мужа с работы, – ответил Пётр, целуя жену в макушку.

Глубоко вздохнув, не желая омрачать настроение мужа, она с грустью сказала:

– Жаль, конечно. Но что поделаешь. Побуду с детьми дома, а на следующий год, может, что и появится... Я так хотела бы вместе с тобой, как раньше, ходить в школу! Ещё одна зарплата для нашей семьи не была бы лишней...

– Ты не переживай, – успокаивал её Пётр. – Дина в школу пойдёт, а тебе дома по хозяйству работы хватит. Только успевай! Может быть, это к лучшему. А то уроки, дом, дети. Тяжело. Давай попробуем пока так, а там жизнь покажет.

Шура, встав на цыпочки, дотянувшись до щеки мужа, легонько поцеловала его в знак согласия. У Пети нежно ёкнуло в груди. Зыбкий предвечерний солнечный свет слепил тёплым золотом. Мелкие мошки с вездесущим в это предвечерье комарьём липли к лицу, кусали руки.

– Ты кормить меня думаешь? Ведь умру с голоду, на уроки ходить будет некому, – пошутил Пётр.

Шлёпнув его по спине, Шура бойко ответила:

– Давно всё готово! Только тебя дома нет, всё ходишь где-то...

Отворив калитку палисада, Пётр увидел дочь, игравшую у завалинки в тряпичную куклу, а рядом с ней сыночка-карапуза. Увидев родителей, они бросились к ним навстречу. Подхватив парнишку на руки, и взяв девочку за руку, Петр вошёл в дом, чтобы поужинать вместе всей семьёй...

В заботах и трудах, в неудобствах, создаваемых мачехой, её постоянным недовольством, семья Петра пережила осень и холодную зиму. По весне, как только наступили

каникулы, Пётр с согласия отца стал готовить брёвна, чтобы расширить хату, пристроив к ней ещё одну комнату. К осени получилось приличное жильё с отдельным входом. Стало намного удобнее для двух семей. Пожилые люди освободились от беготни детей через всю хату, а молодёжь получала самостоятельность проживания. Помимо долгожданного уединения вторая входная дверь позволяла выходить из дома в любое время суток, а не выпрыгивать через окно, как это часто делали раньше, чтобы лишний раз не раздражать вечно ворчавшую мачеху.

Оттаяв душой и телом от военных скитаний, от послевоенной службы, определившись с работой, Пётр жадно вживался в деревенскую жизнь. По своим силам и небольшим возможностям он, как мог, обустроивал домашнее хозяйство. По утрам Шура кликала стайку кур с кочетом во главе, созывая на кормёжку. В закуте появился боровок, а молодая корова-первотёлок готовилась принести им приплод. Сам Петя пристрастился к рыбалке, стал снабжать семейство свежей рыбой.

Всё бы ничего, можно жить, только в душе сидела заноза, которую Петя не мог вынуть из своего сердца. Его не покидала в последнее время мысль о том, что к Шуре может вернуться Андрей. Побывав в Пукосино, Пётр узнал, что уже в послевоенные годы Щуревич присылал Шуре несколько писем, а для Дины посылки. Их бережно хранила Ольга Михайловна. Когда дочь приехала со своим семейством к ней в гости, с удовольствием вручила их Шуре, поднимая этим в душе зятя негодование и бурю.

– Шура, ёнто Андрей для дочки прислав, – нарочито торжественно сказала тёща, пристально глядя на Петра.

Смутившись из-за поступка матери, Шура безобидно отказалась читать письма, а вещи, из которых дочь давно выросла, попросила подарить кому-нибудь из односельчан.

Петя был благодарен жене, но в душе затаил непреодолимую ревность к тому, третьему, которого он не знал. Оставаясь наедине с собой, сильно страдал.

Чтобы визиты в Пукосино не омрачались ненужными известиями, с которыми столкнулся Пётр, он перестал туда ездить, а ради жены, дабы её не тянуло на родину, решил зареченское подворье сделать похожим на пукосинское. Перестроил сарай, возвёл баню, смастерил высокие ворота, даже посадил у подворья две берёзки, такие же, как и те, что остались расти в Пукосино светлой памятью начала их любви.

Долго присматривал в лесу самосевки, выбирая нужные деревца. А когда нашёл, в один из осенних дней, принёс две белоствольные красавицы домой. Всей семьёй посадили их у палисада, примыкавшего к забору с резными деревянными воротами, точь-в-точь как в Пукосино. Даже день был чем-то похожим на тот, из довоенных лет: так же было холодно, хотя в прогалинах низко плывущих по бирюзовому небу туч ярко сияло солнце, высвечивая холодный осенний сад, опустевший после уборки урожая. Кроны фруктовых деревьев, покорно ждущие зиму, впитывали последнее тепло негреющего светила, чей блеск лишь подчёркивала аквамариновая синева. Воздух был так чист, словно его и не было вовсе. Отпустив детей на улицу гулять, Пётр с Шурой ещё долго стояли вдвоём у своего дома, возле только что посаженных тоненьких белоствольных берёзок... думая о будущем.

Через год Петра назначили заведующим Гамалеевской начальной школы, а Зинаида Васильевна ушла на пенсию. Узнав о повышении мужа, Шура обрадовалась, надеясь, что вновь сможет преподавать, а заодно и поправит бюджет семьи.

Но судьба распорядилась по-иному. Совсем скоро на свет появился еще один член семьи, мальчик, которому дали старинное русское имя Святослав, а спустя два года родилась дочь Нина, названная так в честь Шуриной сестры. К тому времени почти все хозяйственные заботы разросшегося подворья легли на плечи Александры Ивановны. Имея пятерых детей, Александра Ивановна больше работу не искала, смирившись с тем, что она стала домохозяйкой, продолжая учить только своих детей.

Берёзовая песнь

Прошло много лет после рождения младшей дочери Петра и Шуры, похоронили Тимофея Мартыновича, уехала на свою родину присмирившая мачеха, разлетелись пятеро детей, покинув родительское гнездо...

...К вечеру, надышавшись на повети ржаным ароматом свежеобмолоченной соломы, только что принесённой туда на плечах с полевой дороги, тихо плетётся в свой огород старый Пётр, а за ним, дружелюбно виляя хвостом, трусит маленький, весёлый пёс Шарик, единственный свидетель его немощи... Давно не слышен на деревне скрип журавля над колодцем.

Теперь он остался один здесь свой век доживать. Даже любимая Шура покинула его, уйдя под зелёную сень дере-

венского погоста, но шумят посаженные ими белоствольные берёзы, закрывая полнеба. Горько и свежо пахнет их кора, сворачиваясь местами от ветра в неровные бело-крапистые лоскутки. Плывут воспоминания, как свет сквозь пролетевшие годы...

После смерти Шуры Пётр сразу постарел, сник. Брови сдвинулись к переносице и не расходились вразлет как прежде, глаза потеряли блеск и остроту, его волнистые волосы, посеребрённые годами, уже не были столь пышны. Для своих лет Пётр Тимофеевич по-прежнему был строен, лицом строг, в плечах широк и сух, а в разговорах властен. Когда после похорон все разошлись, он впервые почувствовал пустоту в родном доме. Доселе казавшийся небольшим, уютным уголком, теперь стал для него непомерно огромным, наполненным пугающей тишиной. Стиснув зубы, путаясь в собственных мыслях, он долго ходил тогда из комнаты в комнату, перекладывая вещи с места, безучастно бродил по двору, а пока никто не видел, тихо плакал. Был такой же осенний день...

...Страхнув воспоминания, Пётр уселся на свёрнутую старую фуфайку рядом с кучей выкопанной картошки. Шарик, ластаясь и повизгивая, устроился поблизости, с удовольствием зевнул, сладко облизнувшись, принялся внимательно следить за каждым движением старика. Пошарив в кармане, Пётр Тимофеевич вытащил кусочек чёрствого хлеба, кинул собаке. Из-за уважения к хозяину та, обнюхав, лениво подобрала его, нехотя проглотила. Отойдя чуть поодаль, свернулась на сухой куче ботвы, спрятав нос в лапы, прикрыла глаза.

Разгребая руками ворох, Пётр стал ощупывать каждую картофелину, не доверяя ослабшим глазам: хороша ли для хранения, нет ли гнили, не порезал ли её ненароком лопатой. Удостоверившись, кидал отобранные клубни в старое ведро, а они, монотонно ударяясь, лишь на мгновение оглашали звоном жести осеннюю тишину. Шептавшиеся между собой берёзы не нарушали мысли пожилого человека, всплывающие из глубины прожитых лет, наполненные благодатным светом любви, прошедшей сквозь даль и годы.

...Воспоминания о былом одолевали его всегда, стоило лишь остаться в одиночестве. Вот и в этот раз, взглянув невидящим взглядом на угрюмый дом с печальными окнами, склонившись над заполненным доверху ведром, с папиросой в дрожащей, высохшей руке, Пётр глубоко погрузился в свою прошлую жизнь. В ней он старался держаться в противовес всему, что происходило вокруг. Даже сейчас, похудевший, уменьшившись ростом, исправно вёл хозяйство, которое было по его силам, ухаживал за огородом, чисто одевался, регулярно брился. Как мог, следил за событиями, читал газеты, пусть не всегда свежие, а те, что приносили с оказией в посёлок.

Пока ворошил пережитое, глаза намокли, веки чуть-чуть припухли, а на щеках появились следы от непроизвольно выкатившихся слёз. Не верилось, что жизнь позади, особенно молодость, которая была самой прекрасной порой, пусть пришлось она на тяжёлое военное и послевоенное время. Он мысленно, в который раз, вновь перенёсся в ушедшее время...

Мужиков тогда в деревне было мало, многие не вернулись с фронта. Среди тех, кто жил после войны, вспомнил-

ся гармонист Лёша. Его гармонь так играла, что пол в избе, где собирались попеть, поплясать, сам начинал ходить ходуном. И горе, и тягости жизни куда-то уходили, отдыхала душа... Нравилась Петру работа в школе. Сколько учеников проводил он в большую жизнь!

Теперь вот одна радость осталась, когда дети с внуками приедут. В выходные или по праздникам ждёт не дожётся их. Правду сказать, хотя редко, но они всё же навещаются, не забывают старика. То один сын заедет, изгородь подправит, печь подладит, дров наколет, то другой вспомнит – посылку пришлёт. Старшая дочь Дина уехала прямо на край света – в Благовещенск. Пишет, что у неё самой уже внук растёт... Младшая, Нина, чаще других заглядывает. Уберётся в доме, стирает – и тоже к себе спешит. Уговаривает переехать к ней. Да разве уговоришь! «Здесь я жизнь прожил, здесь и умирать буду, тут моя Шура, куда я без неё...», – твердит он ей.

Вблизи леса, на погосте, под крестом, повязанным расшитым рушником, лежит его Шура. Он заходит к ней, как только случается проходить мимо, а то и специально, пробравшись по едва заметной тропинке, приходит поправить небольшой холмик да убрать засохшие цветы. Не спеша пройдёт среди деревьев и крестов, глядя на выцветшие от солнца и дождей фотографии и надписи, размышляя, как коротка, а иногда и бестолкова жизнь. Подмечает, как всё растёт, расширяется кладбище. Только ветер пронесется здесь по верхушкам берёзок и ёлок, а они прозрачной волной отбросят свои лёгкие тени на памятники, ограды, и вновь установится благоговейная тишина. Постоит молча Пётр, вглядываясь в фотокарточку Шуры, отыскивая растаявшие в веч-

ности её глаза, погладит перекладину креста, а потом медленно побредёт домой. Так и коротает свои дни, живя воспоминаниями об ушедшей молодости, видится она ему далёким сном, вроде, и не с ним это было.

Иногда соседки зайдут или школьники забегут. Поговорит с ними о том о сём, потешит душу, новости деревенские послушает, сам что-то расскажет и снова остаётся один. От одиночества подойдет к портрету Шуры, заговорит с ней, как с живой:

– Ну что же ты, Шура, оставила меня одного. Вон ты какая у меня красивая да молодая, не пара я теперь тебе...

И защемит у него сердце, как в молодости. Вспомнит, как ревновал её к Андрею, к его тени за своей спиной, как рвал его редкие письма. Он не в силах был дать разлучнику хоть малейший шанс на её возвращение, а самому остаться посторонним наблюдателем. Пётр знал, что порой был эгоистичен, но никогда не упрекал свою Шуру за то, что когда-то она доверилась другому человеку. Теперь-то он знает, что напрасны были его страхи. Не вернулся Андрей к Шуре. После войны остался служить родине где-то в Германии.

Вот и тёща Ольга Михайловна до конца своих дней не покаялась перед Петром за сокрытие писем, которые он присылал Шуре с фронта. Почувяв приближение старости, женщина купила небольшой домик на окраине Заречья, переехала жить поближе к дочери. Вниманием своим не баловала, хотя в отсутствие зятя приходила в дом справляться о житье-бытье, ласкала больше других старшую внучку Дину. А завидев на пороге Петра, быстро находила повод вернуться к себе домой, пряча растеряно-виноватую улыбку потухших от времени глаз...

Наговорится так Пётр, посудачит сам с собой, постоит у портрета жены, навоспоминается. И на душе легче станет, и домашние дела вновь в руках спорятся. А то с годами вправду потяжелел он, годы берут своё. Не так скор на подъём бывший учитель – фронтовик: ноги стали наливаться будто свинцом, осколки, что с войны сидели спокойно, вдруг начали шевелиться, словно живые, давят острой болью, пронизывая в непогожие дни всё тело. Хлопотно старику в эти осенние, прохладные дни. Душой слышит, как гулко шумит ветер в березовых вершинах, печально усыпая листьями двор. Остановится Пётр, запрокинет голову и наблюдает, как мягко устилают землю жёлтые, коричневые, багряные сердечки, как они плескаются потом от сквозняков вдоль покосившихся сараев.

А завтра наступит опять новый день, значит, надо жить дальше. Он знает, что Шура ушла навсегда, что не увидит её больше. Она унесла с собой всё, что до сих пор ему казалось желанным и дорогим: все его планы, мечты, наверное, здоровье тоже. Чувствовал это ясно и отчётливо, видел и знал, но при этом не было сожалений в сердце, по-прежнему верного Шуре. Тот свет, который они несли через годы, был подтверждением их верного выбора, того, что Пётр поступил правильно, а Шура, не страшась неизвестности, когда-то навсегда ушла с ним из родительского дома, разделив искренние чувства пополам. Он тогда ничего так отчетливо, как сейчас, не понимал, его сердце то замирало, то стучало вразнос, доставляя необъяснимое наслаждение от взаимности девушки, следовавшей за ним. Сейчас, разговаривая с портретом, он видел её смутно, но с

такой силой любви, счастья, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому и никогда...

Прошло ещё несколько лет. Не стало Петра. Ушёл и он к своей Шуре. Теперь они вместе, глядя с фотографий, встречаются своих помудревших с годами детей и внуков. Лишь шелест листвы в верхушках берёзовой рощи в голубой выси да тихий посвист хвоистых иголок елей на пригорке расскажут, что когда-то в этих краях был посёлок Заречье.

Удивительная мысль невольно сжимается до странного вопроса: а было ли это? Ведь и небо то же, и так же, по белёсому осеннему небу, плывут вдаль, прямо в великую тишь сентября, облака. Но всё же в оставшихся очертаниях здешних мест, во взглядах с фотографий чувствуется сияние того далёкого света любви. Оно разлито в молчаливости сумерек и в притихшей прохладе подступившего к погосту леса, в немолчном шёпоте берёз и созревших трав, в шуме камыша зареченских болот и в весенних переливах птичьих песен.

Благодатный свет не унесло в небытие, не развеяло ветром перемен, он сквозь даль и годы пронзает время, лишь на ночь оседая по низинам разливистым туманом, томится в руслах едва заметных рек, висит, укрытый пологом могучих деревьев...

Совестливое беспокойство посещает здесь тех, кто боится отважиться на многие перемены в своём сердце во имя бескорыстной любви...

Прокатят колесницей века, далёкие потомки внуков Петра и Шуры также будут переживать свои истории любви. Пройдёт и их время, но останется счастье в шумных

весенних ветрах, в отражённой зеркальной глади таинственных брянских лесных болот да в осторожных взмахх крыльев птиц, пролетающих над зареченским раздольем, – во всём, что так щедро окружает человека в его жизни и скрашивает человеческое одиночество.

P.S. Струится свет сквозь даль и годы,
 Любовь пронзает времена,
 Она даёт благие всходы,
 В ней зреют жизни семена.

 Чтоб прорасти и дать потомство,
 Продолжить в вечность дальше путь...
 И в этом со Вселенной сходство, –
 В любви есть неземная суть!

СОДЕРЖАНИЕ

Способность творить	5
Вокруг любви непобедимой... ..	10
По спирали жизни. <i>Рассказы</i>	15
Ключик в детство.....	17
В ночном... ..	50
Горечь ягодного вкуса	69
Тень из прошлого.....	88
Непокорённая тропа	107
Судьба векового старожила.....	125
Отражённая красота.....	154
Свет сквозь годы. <i>Повесть</i>	173
На краю осени.....	175
Первые встречи.....	195
На прогулку.....	202
На родине Петра и Шуры	215
Боль учит любви	248
Даль одна на двоих	254
Минорная нота войны.....	261
Сердца забились вразнобой.....	274
Лет кружение	293
Возвращение	308
Горький вкус любви.....	319
Снова вместе	338
Всё сначала	352
Берёзовая песнь.....	357

Литературно-художественное издание
Серия «Орловщина литературная – Современники»

12+

Геннадий Петрович Веркеенко

По спирали жизни

Мой отчий край – сама Россия

Технический редактор – А.В. Трудников
Дизайн обложки и шмуцтитлов – А.В. Трудников
Бильд-редактор – Валентина Гусакова

При оформлении обложки использована иллюстрация
художницы Татьяны Черных

Подписано в печать 18.05.2018 г. Формат 60х84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 23 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 60

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru